
Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая истина
Отъ куда пошла земля русская
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ русскимъ
Вильна
1864.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Согласно объявленію редакціи Вѣстника западной Россіи многіе изъ его подписчиковъ прислали деньги на полученіе западнаго Вѣстника вмѣстѣ съ Виленскимъ, въ количествѣ 18 рублей — за оба.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, редакція Вѣстника западной Россіи проситъ покорнѣйше всѣхъ, желающихъ выписать это изданіе, *не смѣшивать его болѣе съ Виленскимъ Вѣстникимъ, выписывать западный Вѣстникъ отдѣльно отъ Виленскаго* и согласно условіямъ на подписку сего послѣдняго.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ДЕКАБРЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Р. М. Ромма.

1864.

Дозволено цензурою 25 марта 1865 года. Вильна.

I.

№ 6-й.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ *).

1.

Прошеніе прихожанъ Гакнинской православной церкви къ митрополиту Кіевскому объ опредѣленіи къ сей церкви священникомъ Михаила Сидоровича, писанное 18 іюля 1604.

(Подлиникъ находится въ архивѣ Ганинской церкви, писанъ древнимъ русскимъ почеркомъ, на немъ вытиснуто на воскѣ двадцать фамильныхъ печатей православныхъ дворянъ-прихожанъ съ собственноручными ихъ подписями,— тоже по русски).

В Бозе Велебному (преподобному) и преосвещенному его милости Митрополитеви Киевскому Галицкому и всея руси и Архимандрыте монастыра Печерского Киевского и проч. проч. Пану намъ Милостивому. Мы обыватели Земляне господаръские воеводства Менского а Парафияне (прихо-

*) Доказывающіе, вопреки увѣреніямъ позднѣйшихъ уніятскихъ и латинскихъ писателей, что православные жители западныхъ губерній принимали навязываемую имъ унію весьма неохотно.

жане *) церкви господаръское Гакнуское заложенья (основанной) светого Архангела ***Михаила***, Службы свое поволные молитве и ласце (милости) вашей Милости своего милостивого пана Пилне отъдаемъ. Ознаймуемъ (извѣщаемъ) вашей милости нашому милостивому пану ижъ позестю (по смерти) з сего света священника Гакнуского, отца Ивана ***Данильевича***, тая церковъ Гакнуская вакуеть и до того часу в ней служба се Божъя неотправуеть, А ижъ тая церковъ отъ сдавное намети Королей ихъ милости Полскихъ и великихъ князей Литовскихъ пановъ нашыхъ фундована есть и есть властне (собственно) фундацыя господарская до которое тое церкви Гакнуское здавныхъ часовъ звладзы и благословенства предковъ вашей милости ихъ милости отъцовъ митрополитовъ священники подаваны суть и отъ Королей ихъ милости конфирмованы бывали, которая тая церковъ на сеи часъ есть такъ барзо (весьма, много) знищона (опустошена) ижъ нетолко же есть сама одарта (обобрана), але и грунты (земли) здавна до ней належачые разобраны, зачымъ проспустошене тыхъ летъ прошлыхъ яко позестью зъ сего света небощыка отца Ивана священъника Гакнускаго, до сего часу втой церкви Гакнуской презбитера не маемъ, который бы вней службу Божъю отъправовалъ (совершалъ) до разныхъ церкви отъ парафий нашое яко овцы презъ пастыра блукаючы удаемъ (обращаемся), Прото мы постерегаючы того абы тая церковъ не ваковала, але вней служба Божья неуставала, того шляхетного (дворянина) пана Махаила Сидоровича видечы быть ку службе Божой чоловека годного (достойного) и вписме учоного, яко потомка зошлыхъ (покойныхъ) священъниковъ и близъшого до тое церкви водле права ему належачого, на тотъ станъ (санъ) священнический, видечы быти годнымъ ку вашей милости на-

*) Парафіяне, отъ греческаго слова *Παροχια*—приходъ.

шему милостивому пану для совиршенья его отъсылаемъ и пилне (тщательно) а покорне за нимъ просимъ ижъ бы ваша милость нашъ милостивый панъ змилостивое ласки звладзы (власти) и зверхности (начальства) своее соверьшыте его на тотъ станъ духовный священникомъ до тое церкви Гакнуское намъ его пастыромъ духовнымъ преложившы и безъ всего омешканья (замедленія) до насъ отъправити росказати рачылъ (благоволилъ), за што Панъ Богъ всемогущою ласкою (милостью) и благословенствомъ своимъ вашей милости нашому милостивому Пану непрестанне нагорожаючы (награждаючи) в добромъ здоровъю и въ щасливомъ Панованъю на той столицы (престолѣ) для хвалы имени своего и для оздобы (украшенія) церкви его светое . . . . у престола Божого и знами посполу просечы пана Бога задобре здоровъе вашей милости нашого милостивого Пана непрестанне повиненъ будеть. Стымъ службы нашые поволные модлитве и ласце вашей милости нащого милостивого пана пилно отъдаемы. Писанъ у Гакне Лета по нароженъю Сына Божъего тисеча шести сотъ четвертого мца Июля осмънадцатого дня.

Вашее Милости нашого Милостиваго Пана зычливые слудзы (доброжелательные слуги).

(Слѣдуетъ 20 фамильныхъ печатей и собственноручныя подписи)

Ѳедоръ Рагоза властною рукою.
Дмитрей скрисинца Шелюта маршалокъ короля его милости властною рукою.
Быковскій возный менский р. в.
Григорей Ванъкович вл. р.
Семенъ Песлюкъ р. вл.
Миколай Есманъ р. вл.
Тимофей Песлюкъ вл. р.
Андрей Енацевичь р. вл.
Богданъ Садовскій вл. р.
Семашко Жылковскій дворанинъ его королевской милости р. вл.
Богданъ Домонтовичъ.
Иванъ Голубъ р. вл.

2.

Подлинная декларація нѣкоторыхъ дворянъ, составленная на сеймикѣ сендомирскомъ: что они ни какихъ пунктовъ касательно введенія уніи, въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ, не принимаютъ. 1606 г.

(Переводъ съ польскаго).

Мы ниже подписавшіеся, собранные на сеймикъ подъ Сендоміръ, сознаемъ и непременно должны сознавать, что мы обязаны, на основаніи общественныхъ правъ, права вольности и привиллегіи какъ всей короны и в. к. литовскаго вообще, такъ и каждаго воеводства въ особенности, властію этаго сеймика исправить, прибавить чего недоставало бы и изцѣлить всѣ язвы республики. Однакожъ тщательно разсматривая пункты воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго противъ старшихъ и начальниковъ греко-россійской вѣры митрополитовъ и нынѣшнихъ владыкъ, присоединенныхъ уніей къ послушанію папы римскаго, мы нашли, что они противно достоинству короны, гражданскому праву сословій свѣтскаго и духовнаго, обычаямъ и наконецъ справедливости и всякой правдѣ, а также условіямъ нашихъ предковъ, заключеннымъ на конфедераціяхъ и сюда, въ генеральное собраніе, въ руки пословъ для конфирмаціи, торжественно поданнымъ его величествомъ королемъ не только отъ своего имени и имени всѣхъ тѣхъ, которые противятся и будутъ противиться этимъ пунктамъ, но и отъ имени всего духовенства религіи римской и греческой. Противъ нихъ, какъ противныхъ общественному праву, справедливости, обычаямъ,

привиллегіямъ, многимъ конфирмаціямъ декретовъ сеймовыхъ и синодальныхъ и нарушающимъ законы, свидѣтельствуемъ и объявляемъ, что по чистой совѣсти нашей какъ не признаемъ ихъ, такъ и до тѣхъ поръ пока законы, обычаи, привиллегіи и правосудіе будутъ существовать точно также, какъ не признали ихъ, такъ всегда будемъ противиться имъ. Ихъ не признаемъ и всѣмъ тѣмъ, кого это будетъ касаться, предоставляемъ свободное убѣжище и право защиты. Всѣхъ такихъ мы желаемъ считать за гонимыхъ.

Объ этомъ опять и опять протестуемъ. Это происходило на генеральномъ сеймѣ подъ сендоміромъ 28 Августа 1606 года.

Фридрихъ подгородскій подсудокъ земли хелмской и пр
Петръ Черныковскій Подстолій Лубельскій собствен. рукою
Иванъ Козѣка своею рукою.
Иванъ Олизаръ Волчкевичъ своею рукою.
Андрей Подгородинскій с. р.
Христофоръ Харскій.
Касперъ Прушинскій своею рукою.
Матвей Тарновскій собственною рукою.

(слѣдуютъ фамильныя печати).

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко уніатскихъ митрополитовъ при св. пр. сунодѣ, подъ № 26; писано на полулистѣ обыкновенной бумаги мелкою скорописью по польски. Въ концѣ рукописи приложено шесть перстневыхъ печатей, оттиснутыхъ на красно-восковой массѣ подъ бумажкою; внизу каждой печати подписки.

Съ подлинномъ вѣрно помощникъ Сунодальнаго архива

Н. Григоровичъ.

8.

Копія посланія митрополита Ипатія Поцѣя къ уніатскимъ епископамъ и духовенству, въ которомъ онъ жалуется на бунты православныхъ. 1608 г. *).

(Копія хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при святѣйшемъ сунодѣ, подъ N. 34, писано на полулистѣ обыкновенной бумаги, мелкою скорописью по польски.)

(переводъ съ польскаго)

Мы дожили до такого несчастнаго времени, что человѣкъ еле-еле можетъ найти кому бы могъ довѣриться, и то со страхомъ, наступило это и для меня бѣднаго и со всѣхъ сторонъ угрожаемаго человѣка потому, что если возстали такія грозныя войны на св. католическій костелъ и на вселенскихъ пастырей, то тѣмъ болѣе на нашу бѣдную церковь и на насъ самихъ, которые, какъ молодая лѣторосль, еще такъ недавно привита къ стволу р. костела. Вотъ теперь враги Божьяго костела силятся выдернуть ее съ корнемъ, готовятся и вооружаются всѣми силами, нѣкоторые, еле могущіе ходить, во вредъ намъ, собираются на этотъ несчастный сеймъ. Не диво, что они это дѣлаютъ, но вѣдь и нѣкоторые католики присоединились къ нимъ единственно для того, чтобы, оставивъ всѣхъ въ покоѣ, меня одного лишить всего славнаго, полезнаго душѣ и тѣлу. Кого еще не постигнулъ бунтъ, но меня уже сильно обдираютъ, грабятъ, злоумышляютъ и на здоровье и на честь. Недавно одинъ схизматикъ за эту унію моему архимандриту отрубилъ руку и . . . . разсѣкъ. Теперь

*) Это сознаніе самого уніятскаго митрополита доказываетъ лучшимъ образомъ отвращеніе православныхъ того времени къ вновь возникшей уніи.

и другой, нѣкто Летинскій во Львовѣ, моему священнику, котораго я отправилъ къ г.г. католикамъ, по ихъ просьбѣ, въ Подгорьѣ, разрубилъ руку и такъ ранилъ ее, что она еле-еле виситъ. По этой причинѣ я насилу, и то со страхомъ, могъ найти человѣка, чрезъ котораго могъ бы донести о моихъ несчастіяхъ моему милостивому государю. Поелику же они теперь рѣшились устремить на меня всѣ свои силы, въ надеждѣ исторгнуть у короля повеленіе, въ угодность имъ, лишить меня всего, то мнѣ не остается ничего, какъ только прибѣгнуть къ вамъ, которые обязаны оказывать мнѣ защиту и помощь. Помните ваши обѣщанія, помните мои преклонныя лѣта, помните мои смиренныя заслуги и труды на пользу Божьяго костела, помните о вашемъ и моемъ пастырѣ, по милости и волѣ котораго я сижу на этой плачевной каѳедрѣ, помните, прошу васъ ради Бога, и объ этой уніи, для которой съ помазанникомъ Божіимъ такъ долго трудились и какъ ваши труды и усилія по всему міру прогремѣли и были большимъ утѣшеніемъ для всѣхъ католиковъ; помните о душахъ людей, опутанныхъ этимъ схизматическимъ заблужденіемъ; ибо имъ легко меня бѣднаго побороть и обратить въ ничто, но что послѣдуетъ за этимъ—это сами вы лучше знаете. Затѣмъ—когда настанетъ еще большая тревога—ратуйте во имя Божіе, да пошлетъ Богъ счастливѣйшія времена, когда вы не будете сожалѣть о своихъ трудахъ, мнѣ уже не много остается жить на свѣтѣ, я уже дожилъ до такихъ лѣтъ, когда смерть неизбѣжна и постоянно торчитъ въ моихъ глазахъ. Пусть бы довелось мнѣ спокойно окончить свою жизнь, не потерявъ того, что мнѣ было вверено.

Маловажныя дѣла вы представляли св. отцу, такъ почему же бы не довести до его свѣденія о такомъ, отъ котораго зависитъ все. Я самъ отправился бы, но еле живу

среди такихъ смутъ и трудовъ; притомъ мой старшій сынъ —на смертномъ одрѣ. Умоляю, умоляю именемъ Божіимъ, благоволите, милостивые государи, походатайствовать обо мнѣ у его королевскаго величества, въ милости котораго ко мнѣ я нимало не сомнѣваюсь, предлагайте такіе совѣты, которые споспѣшествовали бы благу св. Божьяго костела и предохранили бы насъ отъ посмѣянія нашихъ враговъ и послѣ этаго, чтобъ не лишились мы всѣхъ благъ духовныхъ и тѣлесныхъ, для чего теперь враги наши такъ устремили на меня всѣ свои силы, что трудно и описать.—

Съ Подлиннымъ вѣрно *Н. Григоровичъ.*

4.

Копія жалобы уніятскаго митрополита Іосифа Вильямина Рутскаго на православное кіевское духовенство, на всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ и козаковъ, за возмущеніе и неповиновеніе ихъ его власти и отказъ признать его митрополитомъ и проч. 1618 года.

Его высокопреосвященство, отецъ Іосифъ Вильяминъ Рутскій архіепископъ и митрополитъ кіевскій, галицкій и всей Руси, лично представъ предъ насъ депутатовъ главнаго люблинскаго трибунала, избранныхъ и произведенныхъ на настоящій тысяча шестьсотъ восемьнадцатый годъ, жалуясь отъ своего имени и своей капитулы объявилъ и протестовалъ сперва на духовенство греческой религіи, обитающее въ Кіевѣ, а потомъ и на кіевскихъ мѣщанъ, что тѣ и др. явные противники верховной власти митропо-

лита и злоумышляютъ на его жизнь, однако именъ и званія ихъ, на этотъ разъ, въ этомъ протестѣ, по не имѣнію достовѣрныхъ извѣстій, относительно безбожнаго чрезъ нихъ совершеннаго поступка и за не произведеніемъ слѣдствія, не выставилъ. Протестовалъ онъ слѣдующимъ образомъ: что эти кіевскіе духовные греческой религіи съ тѣми же Кіевскими мѣщанами, издавна противясь верховной власти митрополитовъ своихъ, а особенно прежде блаженной памяти покойнику отцу Игнатію Поцѣю, и теперь снова нынѣшнему отцу митрополиту, похваляясь на его здоровье и понося его безстыдно, неприлично и позорно межъ своими и межъ людьми-публично, подвергаютъ его ненависти и вооружаютъ противъ него священно-служителей, чиновниковъ и его слугъ, вооружаютъ козацкую вольницу. Кромѣ того они недавно основали въ Кіевѣ какое то братство и утвердивъ оное своими присяжными письмами, безъ послушанія о. митрополиту и безъ повиновенія его духовному суду, вознамѣрились нынѣшняго о. митрополита умертвить при удобномъ случаѣ, и этотъ свой умыселъ, хотя дѣйствительно и не надъ особою о. митрополита, но надъ преподобнымъ отцемъ Антоніемъ Грековичемъ, оффиціаломъ кіевскимъ и игуменомъ Выдубицкимъ, безчеловѣчно выполнили. Потому что, когда въ настоящемъ тысяча шестьсотъ восемнадцатомъ году, онъ былъ посланъ о. митрополитомъ на слѣдствіе, по дѣлу подлежащему духовному суду, въ Овручь, и оттуда заѣхалъ въ свой монастырь Выдубичи, данный ему о. митрополитомъ около Кіева, и какъ человѣкъ безопасный въ своемъ домѣ, ни предъ кѣмъ не повинный, и не ожидавшій ни отъ кого зла, разгостился и пробылъ цѣлый день, именно двадцать второе февраля настоящаго тысяча шестьсотъ восемнадцатаго года; на слѣдующій день въ часъ пополуночи нѣсколько

десятковъ казацкой сволочи явилось не вѣсть откуда, окруживъ означеннаго покойнаго о. Атонія въ этомъ домѣ, поймали и какъ какого нибудь негодяя схватили, связали и бросили въ прорубь въ Днѣпръ и утопили. Вещи, домашнюю рухлядь, которая послѣ будетъ описана, деньги, лошади, одежду и все его состояніе забрали. Этотъ безбожный поступокъ они совершили по приказанію и наставленію тамошнихъ кіевскихъ духовныхъ и не безъ вѣдома нѣкоторыхъ шляхтичей. Объ этомъ о. митрополитъ донесъ какъ до свѣденія его королевскаго величества, какъ патрона и верховнаго опекуна священниковъ, служителей Божіихъ, на которомъ лежитъ отмщеніе этимъ коварнымъ, чтобы и въ будущее время до такого не слыханнаго и безбожнаго поступка и убійства духовныхъ не приходило, такъ и до свѣденія г.г. сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ стражей общественнаго покоя. По этому этотъ протестъ долженъ быть внесенъ въ городскіе акты разныхъ уѣздовъ, въ настоящее же время мы протестуемъ здѣсь въ коронномъ трибуналѣ. Съ участниками этого гнустнаго поступка должно поступить по ихъ винѣ.

Эту протестацію подписываю моею рукою. Іосифъ Вильяминъ Рутскій митрополитъ кіевскій галицкій и всей Руси собственною рукою.

Копія хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Пр. Синодѣ подъ № 54, писано на листѣ обыкновенной писчей бумаги, по польски.

5.

Универсалъ короля Сигизмунда III къ воеводамъ и всѣмъ городскимъ и земскимъ властямъ великаго княжества литовскаго съ повеленіемъ переловить и предать суду, посвященныхъ въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, Іова Борецкаго въ санъ митрополита, Мелетія Смотрицкаго и другихъ православныхъ архимандритовъ на захваченныя уніятами православныя архіерейскія каѳедры, за непослушаніе ихъ уніятскому митрополиту, за совершеніе архіерейскаго служенія и проч. проч. 1621 г.

(Переводъ съ Польскаго).

Сигизмундъ третій, Божіею милостію, король Польскій великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфляндскій, наслѣдственный король Шведскій, Готѳскій, Вандальскій.

Высокоблагороднымъ воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, державцамъ, властямъ земскимъ и городскимъ, а также бурмистрамъ, совѣтникамъ, лавникамъ нашихъ королевскихъ городовъ и иннымъ всѣмъ чинамъ в. к. литовскаго *объявляемъ, что нѣкто Смотрицкій и Борецкій, какъ они сами себя называютъ, и нѣкоторые другіе изъ подданныхъ нашего государстви*, сговорившись съ подданнымъ турецкаго государя, врага христіанской вѣры и нашего, который, нарушивъ свою присягу, вновь идетъ на наше государство войной и у этаго же его

подданнаго самозванца, якобы іерусалимскаго патріарха, присланнаго упомянутымъ турецкимъ государемъ въ наши государства шпіономъ, въ помощь сказанному непріятелю, на гибель нашего государства, уничтоженіе и пренебреженіе власти нашего королевскаго величества дерзнули безъ воли, вѣдома, одобренія и позволенія нашего принять поставленіе на митроличью каѳедру и другія духовныя должности русскаго вѣроисповѣданія. А это все сдѣлано внушеніями, совѣтами, помощію, средствами, убѣжденіями и частными тайными совѣщаніями нѣкоторыхъ изъ среди магистрата и нѣкоторыхъ виленскихъ мѣщанъ, а также другихъ нашихъ подданныхъ русской религіи, которые часто посылали свои посланія къ этому обманщику. При большомъ стеченіи народа и поповъ виленскихъ выправляли сказаннаго Смотрицкаго на этотъ злой умыслъ, а потомъ рукоположеннаго псевдо-владыкой, какъ бы даннаго отъ нашего имени и законно утвержденнаго владыку ввели въ г. Вильну, приняли его, частными складками доставили ему содержаніе, помогали ему пользоваться принадлежностями присвоеннаго имъ титула въ церкви и др. мѣстахъ, съ великолѣпными церемоніями и одеждами, ему не свойственными, подчинялись его правленію, приказаніямъ и теперь его содержатъ, они его помощники и во всемъ ему подражаютъ. Затѣмъ, взбунтовавъ нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ подданныхъ, между козаками и другими людьми разныхъ сословій, въ разныхъ мѣстахъ отклоняютъ отъ должнаго повиновенія, склоняютъ къ такимъ же дурнымъ намѣреніямъ и дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ объявленія нашимъ врагамъ войны, произвести бунтъ и тревогу и затѣмъ, чего Боже упаси, могли бы, привлекши къ себѣ другихъ, рѣчь посполитую подвергнуть величайшей опасности. По этому, заботясь о поддержаніи нашей королевской власти, хочемъ и прика-

зываемъ, чтобы вы, любезно намъ вѣрные, развѣдали, гдѣ эти подозрительные люди находятся и чтобы они какъ шпіоны и возмутители республики не только не были впускаемы въ города и мѣстечки, вмѣстѣ съ ихъ сотоварищами, но и чтобы были пойманы, посажены въ темницы, а по мѣрѣ своей вины были наказаны, дабы этимъ заградить дорогу всѣмъ шпіонамъ и измѣнникамъ рѣчи посполитой и предупредить всѣ ихъ враждебные замыслы и уловки.

А чтобы этотъ нашъ универсалъ знали всѣ, повелѣваемъ городскимъ чинамъ внести оный въ свои акты и оповѣстить въ извѣстныхъ мѣстахъ, исполняя это по своей обязанности и ради нашей милости. Писанъ въ Варшавѣ дня 22 марта мѣсяца, лѣта господня MDCXXI царствованія нашего польскаго XXXIII и шведскаго XXXIII года.

Сигизмундъ король.

Александръ . . . . Гонгевскій Референдарій. и Писарь.

(Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Пр. Сунодѣ, подъ № 53, писанъ на листѣ писчей бумаги мелкою скорописью по польски. Въ концѣ рукописи подпись короля: „Sigismundus Rex“ и печатъ королевская, оттиснутая на красно-восковой массѣ, подъ бумажкой. Еще ниже скрѣпа).

6.

Копія епиграммы, помѣщенной въ началѣ Синодика Яблочинскаго свято Онуфріевскаго монастыря, варшавской епархіи.

Взглянувши уны (1) читателю въ ти книги живота
Хтѣй своему разуму отворити ворота

---

(1) почтенный.

А уважъ (1) якъ предъ тымъ Россійска вѣра
Благочестіемъ святымъ въ конци всего міра
Отъ всходу до западу солнца освѣчала
Въ монархахъ, въ ксіонжентахъ, межи панства урвала.
Теперъ Господи ихъ потомки отступили вѣры
Знищили фамиліи, только злость въ той мѣры
Обачъ княжатъ острозскихъ гербъ, где дѣтокъ слава,
Где есть домъ Ходкевичовъ, гдѣ есть ихъ булава;
Сангушковъ и Витольтовъ гербъ зри гдеся подѣла
Фамилія отъ Церкви гдыся отщепила; (2)
Корсцкихъ, Вишневецкихъ, Чарторискихъ потоль вцале трвали, (3)
Потомки, поки Благочестивой вѣры ея держали.
Святополкъ Четвертенскій Рицеръ будетъ стати
Кторій въ благочестивой Вѣри схощетъ трвати.
Зри, знай и вельможныхъ Пановъ Росскихъ Кіевскаго
Воеводства, волинскаго и подляскаго.
Панствъ шляхтъ обывателей и благородныхъ взятыхъ
И многихъ союзомъ христіанской любвѣ знятыхъ
Всѣхъ тыхъ кторіи въ святую Церковъ надавали,
И кошти свои важачи цале фундовали
Для тогожъ тутъ и роди ихъ отъ веля до мала
Вписани суть, абы память ихъ на вѣки трвала.—

Копія настоящей эпиграммы снята съ оригинала, находящагося при Синодикѣ, названномъ въ подлинникѣ „Субботникъ или Помянникъ“ яблочиннскаго монастыря (см. апрѣльск. кн. Вѣст. $18^{62}/_{63}$ годъ). Она составляетъ нѣчто въ родѣ предисловія къ рукописной книгѣ въ листъ, годъ написанія которой не означенъ; можно только, съ вѣроятностію, заключать изъ самаго помянника, что онъ составленъ не раньше половины XVII в., когда подросла и принесла по роду своему горкіе плоды *sancta unitas* съ Римомъ.

Значеніе этаго памятника очевидно: онъ громко свидѣтельствуетъ объ измѣнѣ народности и религіи предковъ

(1) посмотри (2) отпала, отдѣлилась (3) до тѣхъ поръ вполнѣ сохронялись.

всѣхъ тѣхъ, которые теперь, такъ упорно и рьяно, ведутъ пропаганду противъ православія и русской народности, и которые стоятъ во главѣ латинопольскаго шляхетства. Небудь этихъ ренегатовъ и судьбы историческія западныхъ русскихъ областей были бы не тѣ, какія были и исторія славяно-руссовъ была бы свободна отъ тѣхъ страницъ, которыя нужно бы писать кровью и слезами.

(Сообщено изъ Яблочинскаго монастыря Дометіемъ Городецкимъ).

7.

Генеологія бѣлорусскихъ дворянъ Ляцкихъ.

(Сообщено полное генеологическое дерево помѣщикомъ трокскаго уѣзда Альфонсомъ Ляцкимъ).

Первымъ родоначальникомъ фамиліи Ляцкихъ, по свидѣтельству нѣмецкаго писателя Конпенганцена (Geneologia—Chronologia—Geschichte des alter durchlausen Hauses Romanow. Leipzig 1805) былъ Гланда Дывоновичъ. Онъ около 1260 г. съ сыномъ своимъ прибылъ въ Россію изъ Пруссіи къ великому князю Александру Ярославовичу, гдѣ, при крещеніи въ православную вѣру, дано ему имя Иванъ, а сыну его Андрей. Отъ этаго Андрея Ивановича, прозваннаго Камбилой и имѣвшаго пять сыновей, произошли фамиліи Неплюевыхъ, Шереметевыхъ, Коновницыныхъ, Лодигиныхъ, Рожновыхъ, Образцовыхъ, Кокоревыхъ, Колигаевыхъ, Богиныхъ, Романовыхъ, Ляцкихъ и другихъ.

Отъ Өедора Андреевича Кошки, младшаго сына Андрея Ивановича Камбилы, внука Гланды, имѣвшаго тоже пять сыновей, произошли Кошки. У четвертаго изъ его сыновей Ивана Өедоровича былъ одинъ сынъ Захарій Ивановичъ, оставившій трехъ сыновей, изъ коихъ первый назывался Яковомъ Захарьевичемъ Бояриномъ, 2-ой Юрьемъ Захарьевичемъ Бояриномъ, а 3-й Василіемъ Завихайскій-*Ляцкимъ*. Изъ нихъ 2-ой сынъ Юрій Захарьевичъ имѣлъ шесть сыновей, изъ которыхъ 3-ій назывался Ни-

нита Романовъ и былъ воеводою. У Василія Захарьевича Ляцкаго, 3-го сына боярина Захарія Ивановича Кошки, правнука Гланды Дывоновича, былъ сынъ Иванъ Васильевичъ Завихойскій—Ляцкій, который, около 1517 года, былъ воеводою у в. князя Василія Іоанновича и жилъ въ Москвѣ. Въ 1534 году онъ прибылъ въ Литву съ княземъ Бѣльскимъ и другими знатными русскими боярами и, въ замѣнъ оставленныхъ имъ въ Россіи имѣній, король Сигизмундъ 1 пожаловалъ ему нѣсколько ихъ въ Литвѣ. Его сынъ Иванъ Васильевичъ женился въ Литвѣ на княжнѣ Полубинской, имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей: Іеронима и Өедора и дочь Өеодору, вышедшую замужъ за полеваго писара великаго княжества литовскаго Пѣльгримовскаго. Іеронимъ Ивановичъ женился на италіанкѣ Bonorella de Rovere, отъ которой имѣлъ сына Алфонса (который первый изъ фамиліи Ляцкихъ крещенъ въ латинство) и дочь Екатерину, вышедшую за мужъ за воеводу Тышкевича. Алфонсъ Ляцкій, староста жмудскій, женился на литвинкѣ Іоаннѣ Голвалшовнѣ и имѣлъ трехъ сыновъ: Өедора, надворнаго маршала великаго княжества литовскаго; Самуила, тивуна биржанскаго; Петра, подкоморія троцкаго и дочь Изабеллу, вышедщую за Іеронима Ходкевича, старосту мозырскаго. По Өедорѣ Ляцкомъ наслѣдство перешло на Марцинкѣвичей, Храповицкихъ, Пацовъ, Разеновъ; по Самуилѣ Ляцкомъ, отъ первой жены его Елены Завишанки, остался сынъ, двуименный Иванъ—Лудовикъ, а отъ другого, съ Одинцевной, сынъ—Фелиціанъ Ивановичъ,—затѣмъ всѣ потомки фамиліи Ляцкихъ, до настоящаго времени, были послѣдователями римскаго католичества и, забывъ свое русское происхожденіе, считали себя поляками.

Примѣчаніе редакціи. Много думъ и соображеній возникаетъ въ умѣ нашемъ, при разсматриваніи этаго генеологическаго дерева. Изъ него и множества другихъ, подобнаго рода документовъ, видно, что всѣ почти предки лучшихъ фамилій здѣшнихъ, именующихъ себя поляками католиками, были люди чисто русскіе православные, что многіе изъ нихъ состояли въ родственныхъ связяхъ съ лучшими великорусскими фамиліями, что, вслѣдствіе разныхъ только позднѣйшихъ вліяній и комбинацій, они измѣняли и вѣрѣ своей и народности.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

О СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

съ 1794 года.

(*Соч. Павла Кукольника.*)

Приступая къ описанію событій, случившихся въ этомъ краѣ въ продолженіи послѣднихъ 70 лѣтъ, я не имѣю особенной надобности искать авторитетовъ для поддержанія моего повѣствованія. Все, что будетъ описано мною, совершилось въ продолженіи моей жизни, а послѣднія сорокъ лѣтъ, проживая постоянно въ Вильнѣ, средоточіи здѣшняго края, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ того, что рѣшаюсь передать потомству.

Съ грустію принимаюсь за перо, воспоминая, какую блистательную участь уготовляли этой странѣ отеческія попеченія русскихъ государей, и чего лишили ее добровольно вѣтренность и упрямство безразсудныхъ ея жителей! Но служеніе истинѣ составляетъ непремѣнный долгъ каждаго благомыслящаго человѣка, тѣмъ болѣе повѣствователя. Истина должна быть провозглашаема, какъ говоритъ великій апостолъ народовъ, *благовременно* и *безвременно*, слѣдственно, не обращая вниманія на то, будетъ ли она принята или отвержена. Источникъ ея на небесахъ, а потому она окончитъ борьбу съ внушеніями страстей и

заблужденія не иначе, какъ полнымъ торжествомъ, въ противномъ случаѣ торжество осталось бы на сторонѣ врага нашего спасенія, а это было бы несогласно съ понятіемъ о всемогуществѣ и праведности Создателя, слѣдственно несогласно съ здравымъ смысломъ.

Къ сожалѣнію, многіе писатели уклоняются отъ великаго предназначенія служителей истины, а, приступая къ своему труду, съ заранѣе составленною, часто недобросовѣстною цѣлію, обращаютъ дарованный имъ талантъ въ орудіе страстей или корысти, а потому, проповѣдуя ложь, для нихъ выгодную, увлекаютъ легковѣрныхъ въ заблужденіе. Самая большая часть читателей, по свойству падшей человѣческой природы, также нечужда страстей, а потому скоро и охотно покоряется лжи, освобождающей ее отъ спасительнаго ига, налагаемаго на страсти истиною. По этой то причинѣ самыя соблазнительныя и даже богопротивныя сочиненія имѣли такіе быстрые и блистательные успѣхи, въ особенности въ началѣ своего появленія.

Что касается меня, то я принимаюсь за дѣло безъ всякой личной цѣли, безъ всякаго предначертанія, котораго успѣхъ могъ бы польстить моему самолюбію. Приближаясь къ роковой чертѣ моего земнаго пути, я не имѣю уже въ виду ничего, чтобы могло утѣшить земную половину моего существа, а готовясь предстать на судъ Превѣчной, Ипостасной истины, я не осмѣлюсь нести къ подножію Престола ея ничего такого, что бы тяжкимъ бременемъ отягчало совѣсть мою на концѣ моей жизни. А потому, руководствуясь одною только истиною, приступаю къ описанію событій, случившихся, по большой части, передъ моими глазами, и описываю ихъ безъ всякаго увлеченія, предубѣжденія, искаженія,—въ такомъ именно видѣ, какъ они совершились. Для подтвержденія моего повѣствованія будутъ приведены государственные акты: высочайшіе указы, распоряженія мѣстнаго начальства и другіе документы, достовѣрность коихъ не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Прокламаціи злоумышленниковъ и свѣдѣнія, почерпнутыя изъ заграничныхъ современныхъ газетъ, непріязненныхъ Россіи, приведены будутъ также для обличенія

сочинителей въ неосновательности, злонамѣреніи, или совершенномъ незнаніи обстоятельствъ, которыя они берутся описывать.

Настоящее сочиненіе есть продолженіе моихъ историческихъ замѣтокъ о Литвѣ, въ прошломъ году изданныхъ. Въ концѣ этихъ замѣтокъ сказано, что никогда здѣшній край не былъ такъ счастливъ, какъ послѣ возвращенія его Россіи. Докажемъ это описаніемъ событій съ 1794 года.

Эту вторую часть моихъ замѣтокъ раздѣлилъ я на три періода,

1) Съ 1794 г. до 1813 года.
2) Съ 1813 до конца 1830 года.
3) Съ 1830 до 1864 года.

Разсмотримъ внимательно событія каждаго періода.

ПЕРІОДЪ I.

съ 1794 до 1813 г.

30 октября 1794 года состоялся высочайшій рескриптъ императрицы Екатерины II, на имя естляндскаго, лифляндскаго и литовскаго военнаго губернатора, князя Репнина, въ слѣдствіе котораго открыто въ Гроднѣ 28 іюня 1795 года верховное литовское правленіе. Оно раздѣлено было на четыре отдѣленія: уголовное, гражданское, казенное и экономическое. Экспедиторами назначены въ 1-мъ Фердинандъ Контримъ, Мамертъ Пусловскій, Янъ Суходольскій; во 2-мъ Францискъ Мучинскій, Францискъ Адамовичь, Янъ Соколовскій; въ 3-мъ Людвигъ Бекке, Зенонъ Махвицъ, Іосифъ Квицкій; въ 4-мъ Валентій Пржесмыцкій, Симонъ Залѣскій и Константинъ Максимовичь.

По случаю открытія верховнаго правленія, происходило въ Гроднѣ торжество, для котораго выбранъ день восшествія на престолъ ея императорскаго величества, причемъ находились князь Станиславъ Понятовскій, б. великій канцлеръ литовскій, графъ Хребтовичь и многія знатныя лица, прибывшія по этому случаю въ Гродно. Между тѣмъ князь Репнинъ разослалъ объявленія

для обвѣщенія народа о томъ, какъ и когда должно было по дѣламъ относиться въ верховное правленіе. Кто недоволенъ былъ его опредѣленіемъ, могъ подавать аппелляцію въ III департаментъ пр. сената. Правленіе вело переписку съ исполнительными властями въ трехъ главныхъ пунктахъ Литвы: Гроднѣ, Вильнѣ и Ковнѣ — сообщеніями, а къ установленнымъ въ прочихъ городахъ властямъ посылало указы, какъ изъ самаго правленія, такъ изъ его отдѣленій.

17-го ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II, послѣ 35-ти лѣтняго славнаго царствованія. Провидѣніе сподобило ее совершить великій подвигъ возвращенія Россіи древняго ея достоянія и оградить на всегда отъ насилія и преслѣдованія православную церковь въ западномъ краѣ. Обезпеченіе свободы вѣроисповѣданія ободрило сонмы новыхъ ея подданныхъ, увлеченныхъ коварствомъ и насиліемъ въ унію.

Съ возвращеніемъ Россіи западныхъ ея губерній, дохнула новою жизнію Русь, составляющая въ нихъ преимущественнѣйшую массу народонаселенія. Она поняла, что само Провидѣніе посылаетъ ей случай сокрушить оковы, накинутые на ея совѣсть коварствомъ и насиліемъ и отстоять права матери своей — св. православной церкви. Множество уніатовъ громко изъявило желаніе возвратиться на лоно ея. Устрашенный этимъ направленіемъ духа западной руси, уніатскій митрополитъ Ростоцкій, тщетно употреблялъ всѣ хитрости и происки, чтобы остановить успѣхи возсоединенія въ западномъ краѣ. Его ходатайство въ пользу уніи было отвергнуто, какъ противное не только русской народности и кореннымъ законамъ государства, но и свободѣ совѣсти каждаго. Около трехъ милліоновъ уніатовъ возвратились добровольно на лоно настоящей своей матери православной церкви. Къ несчастію, послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ кончина императрицы Екатерины II остановила великое дѣло общаго возсоединенія въ здѣшнемъ краѣ еще слишкомъ на 40 лѣтъ. Провидѣніе предоставило уже императору Николаю I сокрушить накинутое на западную Русь иго, которое отягощало ее 243 года.

Царствованіе Императора Павла I, въ самомъ началѣ, озна-

меновано было двумя распоряженіями, которыхъ никогда не могли ожидать приверженцы минувшаго порядка дѣлъ. Первымъ—даровано было прощеніе всѣмъ полякамъ и литовцамъ, принимавшимъ особенное участіе въ преступныхъ смятеніяхъ въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ существованія Польши. Всѣ, кои за свои противузаконные поступки подверглись ссылкѣ въ Сибирь, или заключенію въ крѣпость, получили свободу возвратиться на прежнія мѣста своего жительства, а конфискованныя у нихъ имѣнія отданы были имъ обратно. Вторымъ—позволено было жителямъ, возвращенныхъ Россіи провинцій управляться прежними ихъ законами и возобновить прежній обрядъ судопроизводства. Литовскій статутъ вошелъ снова въ силу въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, и одни только высочайшіе указы, издаваемые по мѣрѣ встрѣчавшихся новыхъ случаевъ, имѣли преимущество передъ статьями этого уложенія.

Распоряженія эти, къ сожалѣнію, не достигли предполагаемой правительствомъ цѣли. Масса народонаселенія въ западномъ краѣ вовсе въ нихъ не нуждалась. Будучи по большой части русскаго происхожденія, она охотнѣе примкнула бы къ Россіи, къ которой въ продолженіи вѣковъ простирала руки, охотнѣе приняла бы ея языкъ и постановленія, нежели польскіе, накинутые ей происками и даже насиліемъ. Великое дѣло возсоединенія уніятовъ совершилось бы 40 годами прежде, а два милліона возвращенныхъ православной церкви дѣтей поставили бы сильную преграду злонамѣреніямъ крамольной шляхты, возмущавшей въ продолженіи полувѣка спокойствіе страны. Всѣ эти выгоды принесены на жертву самой малой части жителей западнаго края, поселившимся въ немъ полякамъ и ополячившимся русскимъ и литовцамъ. Правда, что эта часть составляла высшее и образованнѣйшее сословіе, которое всегда имѣетъ сильное вліяніе на умы низшихъ классовъ; а благородная душа новаго монарха надѣялась привязать это сословіе къ престолу новыми узами, которые наложилъ на него священнѣйшій долгъ благодарности. Но эта надежда неосуществилась.

Спрашивается теперь, чего могли еще желать защитники

прежняго порядка вещей? Осталось ли что нибудь такое, что моглобы имъ дать замѣтить перемѣну въ гражданскомъ ихъ быту и управленіи? Они сохранили прежнія права и преимущества, законы; — изъ среды ихъ выбираемы были судіи и чиновники для мѣстнаго управленія;—въ судебныхъ мѣстахъ и учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ польскій языкъ; это была также Польша, въ которой положена была преграда однимъ безпорядкамъ, злоупотребленіямъ и насиліямъ. Колосальное могущество Россіи обезпечивало ее отъ внѣшней опасности, а недремлющее око сильнаго правительства предупреждало внутреннія неустройства и смятенія. Не должно ли было умолкнуть внушенію страстей и ослѣпленія, при видѣ такихъ милостей, дарованныхъ щедротою великодушныхъ государей? И оно повидимому умолкло. Дѣйствительность говорила громко въ пользу новаго управленія. Въ отвѣтъ на подвиги человѣколюбія сыпались возгласы благодарности и славословія шляхты, но первое событіе, польстившее страстямъ и подавшее поводъ къ ихъ возбужденію, обнаружило настоящія чувства тѣхъ, кои не задолго передъ тѣмъ открыто гордились своею вѣрностію и преданностію Россіи.

12 декабря 1796 года состоялось высочайшее повелѣніе о соединеніи губерній виленской и слонимской въ одну литовскую, которой главнымъ городомъ назначена Вильна. Въ званіе губернатора назначенъ генералъ маіоръ Александръ Тормасовъ, который въ тоже время объявилъ, что государь императоръ Павелъ Петровичъ высочайше повелѣть соизволилъ находиться въ Москвѣ, при коронованіи его величества, семерымъ депутатамъ, выбраннымъ изъ числа дворянъ литовской губерніи. Въ исполненіе этой высочайшей воли губернаторъ предписалъ сдѣлать выборъ такихъ представителей литовскаго дворянства по одному изъ каждыхъ трехъ повѣтовъ, съ тѣмъ, чтобы они прибыли въ Вильну къ 15-му февраля, а въ Москву къ 15 марта 1797 года. Такими депутатами выбраны были: повѣтами виленскимъ, трокскимъ и ковенскимъ маршалъ столовицкій Михаилъ Романовичь, гродненскимъ и лидскимъ Антоній Воловичь. Свѣдѣній о депутатахъ прочихъ повѣтовъ не найдено. При выборѣ Воловича,

дворянство опредѣлило поднести отъ имени его князю Репнину адресъ слѣдующаго содержанія: «Сіятельнѣйшій князь! Правосудіе въ управленіи, кротость въ обхожденіи, снисхожденіе въ исполненіи, доброта души и вниманіе къ просителямъ, суть качества, которыя содѣлали ваше управленіе для насъ достопочитаемымъ, памятнымъ и милымъ. Мы слишкомъ преисполнены искренней и живѣйшей благодарности, чтобы необнаружить ея передъ вашимъ сіятельствомъ черезъ выбраннаго нами депутата на актъ коронаціи его императорскаго величества. Съ восхищеніемъ вспоминаемъ ваше присутствіе, а со слезами—отдаленіе. Но будучи близки къ справедливому и громкому благостію престолу, оставьте намъ, ваше сіятельство, навсегда часть покровительства, на которое даетъ намъ право и надежду ваша благость, которой поручаемъ себя этимъ торжественнымъ засвидѣтельствованіемъ нашего высокопочитанія.»

Князь Репнинъ былъ счастливѣе многихъ своихъ преемниковъ на поприщѣ управленія здѣшнимъ краемъ, которымъ, еще въ лестнѣйшихъ выраженіяхъ, сыпались возгласы удивленія, преданности и благодарности. Онъ не дожилъ до минуты разочарованія, и, можетъ быть, унесъ съ собою за предѣлы гроба увѣренность въ чистотѣ и искренности чувствъ р. католическаго дворянства литовской губерніи.

3-го февраля выѣхалъ изъ Вильны въ С. Петербургъ со всѣмъ дворомъ своимъ послѣдній король польскій Станиславъ Августъ.

8-го февраля объявлено распоряженіе вице-губернатора Фризеля, дабы, согласно съ универсаломъ князя Репнина, открыты были въ повѣтахъ литовской губерніи земскіе и градскіе суды. Срокъ *каденціи*—первымъ назначенъ 7 генваря, а вторымъ—перваго марта по новому стилю.

31 марта изданы правила для руководства при выборѣ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей и другихъ чиновниковъ, выбираемыхъ дворянствомъ.

Не смотря на отеческія попеченія русскаго правительства, р.-католическое духовенство не могло преодолѣть въ себѣ страсти къ обращенію некатоликовъ въ латинство. Она обнаружи

лась снова нападеніемъ на свободу совѣсти, и поэтому 18 марта изданъ Высочайшій указъ, запрещавшій этому духовенству нетолько преслѣдовать православныхъ и стараться преклонять ихъ къ переходу въ унію; но даже препятствовать иновѣрцамъ къ добровольному присоединенію ихъ къ православной церкви. Противившимся этому распоряженію угрожало строгое наказаніе, какъ ослушникамъ Высочайшей воли.

15 мая прибылъ въ Вильну государь императоръ Павелъ I, съ августѣйшими сыновьями своими: наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Александромъ и великимъ княземъ Константиномъ. Послѣ кратковременнаго отдыха, государь императоръ осматривалъ работы возобновленнаго каѳедральнаго костела, на которыя пожертвовалъ 10 т. рублей. Потомъ отправился въ академію и съ величайшимъ вниманіемъ истиннаго любознателя осматривалъ кабинеты анатомическій, естественной исторіи, физическій и астрономическую обсерваторію. Профессоръ астрономіи Почобутъ, бывшій въ то время ректоромъ академіи, имѣлъ честь встрѣтить его величество въ залѣ торжественныхъ засѣданій академическаго совѣта и привѣтствовать прекрасной рѣчью, которая принята была государемъ императоромъ съ особеннымъ благоволеніемъ. На другой день, утромъ, его величество изволилъ находиться на парадѣ псковскаго мушкатерскаго полка, квартировавшаго въ Вильнѣ. Потомъ присутствовалъ при богослуженіи въ церкви св. Духовскаго монастыря, а по окончаніи богослуженія принималъ поздравленія отъ знатнѣйшихъ дворянъ литовской губерніи, прибывшихъ единственно за тѣмъ, чтобы имѣть случай увидѣть своего монарха. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли счастіе быть приглашенными къ столу его величества. Послѣ обѣда государь императоръ отправился за городъ, для осмотра парка артилеріи, а по возвращеніи оттуда представлены были ему знатнѣйшія литовскія дамы. За тѣмъ послѣдовалъ балъ, продолжавщійся до десятаго часа вечера. 17 мая въ 8 часовъ утра, по окончаніи военнаго ученія, государь императоръ отправился въ дальнѣйшій путь на Ковно.

На канунѣ прибытія своего въ Вильну, его величество, оста-

новясь въ Лидѣ, въ коллегіи піаровъ, приказалъ призвать къ себѣ настоятеля, разговаривалъ съ нимъ очень благосклонно и повелѣлъ начать постройку новаго каменнаго костела, на что изъ казны своей пожертвовалъ 5 т. рублей, обѣщавъ сословію монаршую свою милость и покровительство.

Пребываніе свое въ Вильнѣ государь императоръ ознаменовалъ, между прочимъ, особенною милостію. Узнавъ отъ князя Репнина о накопившейся въ здѣшнемъ краѣ по 1797 годъ недоимкѣ, простиравшейся до 36,734 рублей и убѣдясь, что она произошла отъ бывшихъ въ краѣ смятеній и разоренія обывателей, всемилостивѣйше повелѣлъ недоимку эту исключить изъ счетовъ.

18 мая объявлена виленскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Булгаковымъ, высочайшая воля, чтобы никакое прощеніе, ни жалоба, не были подписываемы болѣе какъ только однимъ лицемъ.

1-го іюня происходило въ Вильнѣ торжественное открытіе присутственныхъ мѣстъ литовской губерніи, а именно губернскаго правленія, казенной палаты, надворнаго, уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ. Въ 8 часовъ утра всѣ чиновники, назначенные въ вышепоименованныя мѣста собрались въ домѣ губернатора, откуда отправились для принесенія присяги, православнаго исповѣданія съ вице-губернаторомъ Волковымъ въ св. Духовскую церковь, а р.-католическаго съ предсѣдателемъ надворнаго суда, статскимъ совѣтникомъ Багневскимъ въ костелъ св. Іоанна. Потомъ губернаторъ со всѣми чиновниками прибылъ въ губернское правленіе, гдѣ по совершеніи молебствія виленскимъ игуменомъ, окропленія зданія св. водою, и произнесеніи приличной рѣчи, открылъ первое засѣданіе. Потомъ по очереди дѣлалъ тоже самое, подъ своимъ предсѣдательствомъ въ казенной палатѣ, надворномъ, уѣздномъ и нижнемъ земскомъ судахъ.

11 іюля дано губернаторомъ Булгаковымъ предписаніе всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, дабы, собравъ въ каждомъ повѣтѣ дворянъ, сдѣлали согласное между ними распредѣленіе и ра-

складку на счетъ доставленія и содержанія подъемныхъ лошадей, рекрутскаго набора, починки дорогъ, домовъ, занимаемыхъ присутственными мѣстами, и казармъ, а также приведенія въ порядокъ почтовыхъ статей.

13 іюля объявлены въ литовской губерніи княземъ Репнинымъ два высочайшія повелѣнія; первое о дозволеніи помѣщикамъ, кои найдутъ для себя это выгоднымъ, ставить вмѣсто крестьянъ своихъ въ рекруты вольныхъ людей, по учиненіи съ ними добровольнаго уговора, съ тѣмъ, что такой вольнонаемный рекрутъ обязанъ прослужить не болѣе восьми лѣтъ; второе относительно устройства и содержанія конныхъ почтъ, съ уплатою прогоновъ, по прежде существовавшему обыкновенію въ Польшѣ, по 30 коп. съ лошади на милю.

Того же числа объявлено высочайшее соизволеніе, чтобы, для облегченія обывателей отъ тягости военнаго постоя, обратить на устройство казармъ казенныя зданія, находящіяся въ городахъ за размѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ; владѣтелямъ же деревень предоставить, буде пожелаютъ, для освобожденія ихъ имѣній отъ постоя, выстроить на свой счетъ казармы въ удобныхъ для того мѣстахъ, представивъ предварительно на утвержденіе ихъ планы и фасады.

Въ тоже время изданы были правила для содержанія въ литовской губерніи дорогъ, плотинъ, мостовъ и гатей. Правила эти разосланы были при циркулярахъ губернатора ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ для сообщенія ихъ обывателямъ.

Около тогоже времени, съ высочайшаго разрѣшенія, генералъ маіоръ Домбровскій началъ формировать конно-польскій полкъ, переименованный потомъ въ польскій уланскій.

Тогоже 13 іюля, вслѣдствіе высочайшей воли, распубликованы были правила на счетъ содержанія и употребленія подъемныхъ и артилерійскихъ лошадей.

14 іюня обнародовано высочайшее повелѣніе, чтобы никакой приговоръ не былъ приводимъ въ исполненіе безъ участія исполнительныхъ властей, а именно: въ городѣ безъ городничаго, а въ уѣздѣ безъ исправника.

Того же числа новосформированный конно-польскій полкъ приведенъ былъ къ присягѣ въ вѣрности Его Императорскому Величеству въ домѣ виленскаго коменданта генералъ маіора, князя Лобанова Ростовскаго.

2 октября празднуемо было въ Вильнѣ вступленіе въ управленіе виленскою эпархіею епископа Іоанна Коссаковскаго. Въ 10 часовъ утра, въ сопровожденіи духовенства, чиновниковъ и цѣховъ епископъ началъ крестный ходъ изъ костела св. Казиміра. Остановясь у костела св. Іоанна, онъ былъ привѣтствуемъ рѣчью, которую произнесъ ректоръ академіи ксендзъ Почобутъ, а вслѣдъ за тѣмъ профессоръ краснорѣчія ксендзъ Волянскій. По окончаніи торжественнаго богослуженія въ костелѣ св. Іоанна, новый епископъ угостилъ обѣдомъ многихъ знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, а въ монастырѣ Рохитовъ приказалъ приготовить обѣдъ для 500 бѣдныхъ.

Въ томъ же году учрежденъ былъ въ Вильнѣ по высочайшему повелѣнію, для воспитанія дворянскихъ дѣтей, приготовлявшихся къ военной службѣ, кадетскій корпусъ, въ который пріемъ воспитанниковъ начался съ 10 ноября.

24 декабря 1797 года состоялся высочайшій указъ, которымъ Его Величество, снисходя на просьбу людей, имѣвшихъ собственность въ Австріи и Пруссіи, и желающихъ избрать мѣстопребываніемъ своимъ Россію, всемилостивѣйше соизволилъ предоставить имъ право ввести въ предѣлы имперіи все свое движимое имущество безъ платежа пошлинъ за исключеніемъ такихъ предметовъ, которыхъ ввозъ запрещенъ общимъ тарифомъ.

1-го апрѣля объявлено жителямъ Вильны высочайшее повелѣніе, которымъ Его Величество изволилъ предназначить на устройство казармъ въ городѣ два упраздненные поіезуитскіе монастыря святыхъ Казиміра и Игнатія, предоставляя впрочемъ на волю обывателей составить складку для перестройки этихъ монастырей въ казармы или оставить по прежнему помѣщеніе войскъ въ домахъ своихъ. По этому случаю дано предписаніе магистрату и кагалу сдѣлать новую люстрацію находящихся въ Вильнѣ обывательскихъ домовъ и извѣстить каждаго изъ домохозяевъ о

сдѣланномъ въ пользу ихъ предложеніи, при чемъ приложена была таблица таксы, по которой долженствовала происходить уплата. А чтобъ обезпечить каждаго владѣльца дома отъ самовластнаго взысканія, равно какъ и для правильнаго сбора означенной уплаты, учреждены въ каждомъ кварталѣ города по два сборщика, одинъ изъ христіанъ, другой изъ евреевъ, которые каждый день обязаны были доносить городскому начальству о количествѣ собранныхъ денегъ, а магистратъ обязанъ былъ посылать о томъ рапорты губернатору каждые три дня.

16 февраля 1798 года обнародованъ въ Вильнѣ высочайше конфирмованный докладъ правительствующаго сената, состоявшійся по представленію литовскаго губернатора Булгакова, въ которомъ заключались правила, какими должно было руководствоваться при выборѣ и назначеніи въ судебныя мѣста адвокатовъ, патроновъ, агентовъ-юристовъ, и вообще людей извѣстныхъ въ польскихъ судебныхъ мѣстахъ подъ названіемъ *Палестры*, занимающихся хожденіемъ по частнымъ дѣламъ въ судахъ и защитою ихъ. Постановленіе это было дополненіемъ конституцій 1726 и 1764 годовъ, которыми требовалось, чтобы занимающіеся хожденіемъ по дѣламъ въ судахъ, были дворяне, имѣющіе осѣдлость, люди, ни въ чемъ предосудительномъ незамѣченные, и присягавшіе на свою должность. На основаніи этихъ постановленій опредѣлено, чтобы посвятившіеся такимъ обязанностямъ, представили свидѣтельства о успѣшномъ окончаніи наукъ въ училищахъ, упражнялись на практикѣ въ дѣлопроизводствѣ, подъ руководствомъ человѣка, знающаго основательно законы, или въ канцеляріи подъ присмотромъ регента, а когда въ судѣ откроется ваканція адвоката, тотъ же судъ приступитъ, подачею секретныхъ голосовъ, къ выбору такого изъ нихъ, котораго найдетъ достойнымъ по его способностямъ и поведенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчислены случаи, въ какихъ ищущій званія адвоката не можетъ быть допущенъ къ занятію его, и за какіе проступки судъ обязанъ удалять его отъ мѣста. Вслѣдъ за тѣмъ 16 марта высочайше повелѣно опредѣлять адвокатовъ не по выборамъ дворянства, а по представленію судовъ и утвержденію губернатора.

10 апрѣля 1798 года состоялся высочайшій указъ объ учиненіи новой люстраціи казенныхъ имѣній литовской губерніи. Учрежденная для этого коммисія начала свои дѣйствія съ 1-го іюля тогоже года.

18 мая, вслѣдствіе именнаго высочайшаго указа, учреждены три греко-уніатскія епархіи для управленія духовными дѣлами этого исповѣданія: для уніатовъ бѣлорусской губерніи — архіепископство полоцкое; для литовской и минской — епископство брестское, для прочихъ — луцкое. Для управленія этими епархіями оставлены: въ первой — архіепископъ Ираклій Лиссовскій, во второй—епископъ Арсеній Гловнѣвскій, а въ третьей — епископъ Стефанъ Левинскій, причемъ повелѣно, чтобы все, заключающееся въ предписаніяхъ, постановленіяхъ и указахъ, на счетъ управленія костелами и училищами, распространить и на уніатовъ, находящихся въ россійской имперіи.

2-го іюля совершаемо было въ Вильнѣ торжественное освященіе кладбища при костелѣ св. Стефана, въ присутствіи знатнѣйшихъ губернскихъ чиновниковъ и при многочисленномъ стеченіи народа. Виленскій епископъ Коссаковскій произнесъ при этомъ случаѣ трогательную и поучительную проповѣдь на текстъ: „*помни человѣкъ, что ты прахъ, и въ прахъ превратишься.*“

Такъ какъ, по возвращеніи западнаго края Россіи, введенъ въ употребленіе календарь по старому стилю, то 11 февраля 1800 года сдѣлано распоряженіе, чтобы контракты въ Минскѣ и Новогрудкѣ происходили впредь въ тѣ же самые дни, какъ и прежде, только по греческому календарю.

Виленская академія, въ ознаменованіе чувствъ благодарности государю императору Павлу I, за оказанныя ей милости и покровительство, опредѣлила праздновать ежегодно день тезоименитства его величества торжественною рѣчью въ публичномъ своемъ засѣданіи. Въ первомъ изъ такихъ засѣданій, 29 іюня, рѣчь произнесена была профессоромъ богословія канониковъ Богуславскимъ. Но академія совершала это празднество въ первый и въ послѣдній разъ. Въ мартѣ слѣдующаго года пришло извѣстіе о кончинѣ императора.

20 марта 1801 года объявленъ былъ въ Вильнѣ высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ государя императора Александра I, ознаменовавшаго продолжительное свое царствованіе столь многими благодѣяніями, излившимися между прочимъ и на жителей здѣшняго края. Во всѣхъ церквахъ и костелахъ отправляемо было торжественное богослуженіе, и возносились пламенныя молитвы къ престолу Превѣчнаго о ниспосланіи небеснаго благословенія юному вѣнценосцу на трудномъ поприщѣ, на которое поставила его десница Царя царей. Жители приведены были къ присягѣ въ вѣрности новому государю.

30-е число августа, день тезоименитства государя императора, празднуемо было въ Вильнѣ съ необыкновеннымъ торжествомъ, въ которомъ явственно выражались чувства общаго восторга и преданности юному монарху. Между прочими увеселеніями, воспитанники и воспитанницы пансіона г. д'Абри представили, въ дворцовомъ саду, драматическую піэсу съ аріями и танцами, подъ названіемъ *добрый отецъ*. Представленіе происходило въ присутствіи военнаго губернатора Бенигсена, гражданскаго Фризеля, вице-губернатора Волкова и многихъ знатнѣйшихъ въ губерніи лицъ обоего пола. Торжество окончилось громкимъ и искреннымъ желаніемъ многолѣтія царствующему монарху и великолѣпною иллюминаціею.

Въ этомъ году окончена въ Вильнѣ отстройка каѳедральнаго костела, который, будучи нѣсколько разъ истребленъ пожаромъ, а также пришедши въ ветхость отъ неправильностей и погрѣшностей въ архитектурѣ, былъ наконецъ возобновленъ по прекрасному плану, составленному профессоромъ архитектуры въ виленской академіи Гуцевичемъ. Въ томъ же году приведено къ окончанію другое зданіе въ Вильнѣ, а именно ратуша, также по плану Гуцевича. Зданіе это украшено изящнымъ портикомъ на подобіе аѳинскаго парѳенона.

29 сентября, при полученіи извѣстія о коронованіи его императорскаго величества въ Москвѣ, всѣ состоянія здѣшней страны оживлены были нелицемѣрною радостію. День этотъ избранъ былъ для освященія каѳедральнаго костела, въ которомъ

въ первый разъ послѣ его возобновленія, происходило торжественное богослуженіе. Оно было совершаемо виленскимъ епископомъ Коссаковскимъ, въ присутствіи множества знатнѣйшихъ въ губерніи лицъ и безчисленной публики. Этотъ торжественный актъ епископъ заключилъ проповѣдью, которою старался возбудить въ сердцахъ слушателей ревность къ благодаренію небесамъ и моленію о продолжительномъ и счастливомъ царствованіи монарха, который оживилъ Россію подвигами милосердія и благотворенія. Во всѣхъ прочихъ костелахъ совершаемы были благодарственными молебствія. Послѣ обѣда виленская академія, удостоившаяся особеннаго покровительства, праздновала день коронованія публичнымъ засѣданіемъ, которое съ тѣхъ поръ, каждый годъ происходило въ этотъ незабвенный день, то есть 15 сентября, до самаго закрытія университета. Засѣданіе открылъ ректоръ академіи, прелатъ Стройновскій, рѣчью, въ которой изобразилъ причины общей радости, преданности и благодарности всемилостивѣйшему государю. Потомъ читаемы были рѣчи и стихи, соотвѣтственные настоящему торжеству, сочиненные нѣкоторыми профессорами. Ввечеру весь городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, въ особенности ратуша, губернаторскій домъ, еврейская школа, академическія ворота, и домъ, занимаемый полиціей. Болѣе всего обращалъ на себя вниманіе портретъ государя императора, сіявшій въ транспарантѣ въ академическихъ воротахъ, написанный съ большимъ искуствомъ и поражавшій сходствомъ. На другой день артиллеріи генералъ лейтенантъ Канцевичь представилъ городу невиданный въ немъ дотолѣ фейерверкъ, который сожженъ былъ за Трокскими воротами. Наконецъ на третій день граждане Вильны собрались въ парадѣ въ костелъ св. Іоанна, гдѣ снова происходило благодарственное молебствіе; а въ вечеру городъ былъ вторично освѣщенъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1802 года по высочайшему повелѣнію литовская губернія раздѣлена на двѣ: виленскую и гродненскую. Къ первой причислены уѣзды: виленскій, трокскій, ошмянскій, завилейскій и заключающіеся въ нынѣшней ковенской губерніи. Обыватели гродненской губерніи изъявили желаніе отправить къ

его императорскому величеству депутацію для принесенія всеподданнѣйшаго благодаренія за открытіе ея. Но государь императоръ, въ рескриптѣ, данномъ литовскому военному губернатору Бенигсену соизволилъ выразить, что отправленіе такой депутаціи подвергнетъ обывателей излишнимъ издержкамъ, а потому поручилъ ему отклонить ихъ отъ такого намѣренія, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявить имъ, что его величество, принимая съ благоволеніемъ ихъ желанія, вполнѣ убѣжденъ, что ни какіе другія доводы, силы ихъ чувствъ увеличить не могутъ.

5-го мая, литовскій военный губернаторъ объявилъ высочайшее соизволеніе на возвращеніе въ отечество удалившимся изъ него, во время послѣднихъ польскихъ смятеній, дворянамъ Гелдуду, Звиковичу, Мордасу, Горанну, Ельснеру, Вижевскому и канонику Заіончковскому.

Въ продолженіи этого мѣсяца, профессоръ паталогіи при виленской академіи Августъ Бекю началъ вводить въ употребленіе прививаніе дѣтямъ оспы, которое съ тѣхъ поръ распространилось съ большою быстротою и успѣхомъ. Вслѣдъ за тѣмъ деканъ медицинскаго факультета Либенвейнъ чрезъ посредство президента с.-петербургской академіи наукъ барона Николаи, получилъ соизволеніе ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, на высылку въ Вильну оспенной матеріи изъ императорскаго с.-петербургскаго воспитательнаго дома, которая и доставлена ему по почтѣ въ началѣ Іюня мѣсяца.

Наступилъ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ дней для жителей города Вильны. 6-го числа Іюня, государь императоръ Александръ I, осчастливилъ его своимъ посѣщеніемъ. Жители здѣшняго края знали его по дѣламъ милосердія и великодушія. Молва о прекрасныхъ и возвышенныхъ качествахъ его души предшествовала ему. А потому можно судить съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какою душевною жаждою, ожидали прибытія его граждане, коихъ сердца давно летѣли ему на встрѣчу. Еще наканунѣ дня его прибытія, безчисленныя толпы жителей города вышли на предмѣстіе Погулянку въ ожиданіи встрѣтить обожаемаго го-

сударя, который однакожъ прибылъ на другой день въ 10 часовъ вечера. Первые встрѣтили его величество евреи, державшіе на дорогѣ широкій балдахинъ изъ малиноваго бархата, обшитый золотою бахрамою, съ такими же кистями. Подъ этимъ балдахиномъ проѣзжалъ императорскій экипажъ. Около 50 дѣтей, одѣтыхъ въ бѣлыя шелковыя платья, держали приготовленные на этотъ случай стихи. Вслѣдъ за тѣмъ виленскій магистратъ съ цѣхами привѣтствовалъ монарха краткою рѣчью, и просилъ, чтобы его величество благоволилъ соизволить гражданамъ, облагодѣтельствованнымъ столько разъ его щедротами, везти на себѣ карету въ городъ. Государь императоръ противился этому изъявленію чувствъ благодарности и преданности; но между тѣмъ лошади были уже отложены и онъ принужденъ былъ уступить вѣрноподданнической любви гражданъ. Стеченіе народа было такое многочисленное, какого никогда Вильна не видала. Каждый, кто не могъ везти экипажа, желалъ по крайней мѣрѣ прикоснуться къ нему, раздались радостныя восклицанія, повторенныя безчисленными голосами обывателей, смотрѣвшихъ съ восхищеніемъ на поѣздъ на улицахъ изъ оконъ и съ крышъ. Передъ костеломъ Францишканцевъ ожидало его величество р.-католическое духовенство съ епископомъ-суфраганомъ Пильховскимъ, а предъ костеломъ св. Іоанна чиновники академіи и гимназіи, и обучающееся юношество. Всѣ строенія въ городѣ, какъ публичныя, такъ и частныя, были ярко и великолѣпно освѣщены. Этотъ въѣздъ былъ славнѣе въѣзда величайшихъ завоевателей. Это было торжество, съ одной стороны благости и человѣколюбія, а съ другой любви и благодарности.

На другой день государь императоръ присутствовалъ на маневрахъ конной и пѣшей артиллеріи и псковскаго мушкатерскаго полка. Оттуда поѣхалъ для осмотра госпиталей св. Іакова, Младенца Іисуса, сестеръ милосердія, которыми остался совершенно доволенъ, и похвалилъ усердіе начальниковъ каждаго. Посѣтивъ учебное заведеніе, содержимое монахинями Визитками, августѣйшій посѣтитель привѣтствуемъ былъ рѣчами на французскомъ языкѣ, которыя произнесены были воспитаницами Софіею Ми-

купкою и Сусинною Ошторпъ. Обѣимъ объявлено было высочайшее благоволеніе. Въ залѣ торжественныхъ заведеній академіи, удостоился принять высокаго посѣтителя исправлявшій должность ректора, астрономъ обсерваторъ Почобутъ, въ сопровожденіи котораго государь императоръ, съ величайшимъ любопытствомъ осматривалъ всѣ кабинеты, библіотеку и астрономическую обсерваторію, въ которой благоволилъ вписать свое имя въ приготовленной на этотъ предметъ книгѣ. Увѣривъ академическое сословіе во всегдашнемъ своемъ покровительствѣ, его величество изволилъ отправиться въ кадетскій корпусъ, а оттуда въ каѳедральный костелъ, гдѣ встрѣченъ былъ у дверей капитуломъ и епископомъ Пильховскимъ, который у воздвигнутаго на этотъ случай трона, принесъ вѣрноподданническое благодареніе за покровительство. Государь императоръ съ удовольствіемъ разсматривалъ архитектуру костела и, осмотрѣвъ часовню св. Казиміра и каѳедральную ризницу, отправился во дворецъ уже послѣ полудня.

Тамъ имѣли счастіе представляться его величеству знатнѣйшіе чиновники и помѣщики губерніи и виленскій магистратъ, повторившій изъявленіе чувствъ вѣрноподданнической благодарности, за оказанныя милости городу. Въ вечеру государь императоръ изволилъ находиться въ театрѣ, который на этотъ разъ былъ украшенъ и освѣщенъ необыкновенно. Въ 10 часовъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный дворянствомъ въ залѣ ратуши, на которомъ пробылъ до 2 часовъ утра. Тогожъ вечера, при великолѣпномъ освѣщеніи города, происходило угощеніе народа на площади, гдѣ находился жаренный въ цѣлости быкъ, начиненный разными жаренными птицами и поставлено было до 50 бочекъ разныхъ напитковъ. Весь городъ ликовалъ въ продолженіи цѣлой ночи.

8-го числа утромъ, послѣ присутствія при богослуженіи въ церкви св. Духовскаго монастыря и завтрака у гражданскаго губернатора, государь императоръ отправился въ Гродно. Обыватели и цѣхи въ парадѣ провожали его далеко за городъ. Однимъ словомъ прибытіе его величества произвело въ жителяхъ Вильны

всеобщій, невиданный дотолѣ, восторгъ, а отъѣздъ нелицемѣрную грусть.

Въ Гродно его величество прибылъ 9-го числа. На другой день присутствовалъ на парадѣ Муромскаго мушкатерскаго полка, потомъ осмотрѣлъ кадетскій корпусъ, переведенный туда изъ Шклова, и объявилъ начальникамъ его свое благоволеніе за чистоту и порядокъ. Гродненскій гражданскій губернаторъ и губернскій предводитель дворянства Нѣмцевичъ награждены были при этомъ случаѣ золотыми табакерками съ брильянтовыми вензелями имени его императорскаго величества.

Лѣтомъ 1802 года происходили въ виленской губерніи такіе сильные жары, какихъ незамѣчено было по наблюденіямъ въ продолженіи 30 лѣтъ.

Въ этомъ году день тезоименитства его императорскаго величества ознаменованъ особеннаго рода торжествомъ. Кромѣ обыкновенныхъ церемоній, которыми во всѣхъ городахъ вѣрноподданные обыкли святить этотъ торжественный день, виленскій магистратъ, купцы и обыватели Вильны хотѣли ознаменовать чувства свои изъявленіемъ новаго доказательства преданности обожаемому монарху и передать память объ нихъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. Въ 10 часовъ утра собрались всѣ городскія сословія съ хоругвями своими въ каѳедральный костелъ для принесенія Всевышнему искренныхъ и пламенныхъ молитвъ о здравіи и долгоденствіи августѣйшаго своего благодѣтеля. Епископъ-суфраганъ Пильховскій совершалъ Божественную литургію, въ продолженіи которой артистъ Штейнгеръ исполнилъ на скрыпкѣ концертъ съ акомпаньементомъ оркестра. Огромный каѳедральный костелъ не могъ вмѣстить въ себѣ всей толпы, которая собралась къ этому торжеству. Вниманіе всѣхъ обратилъ на себя портретъ его величества, написанный удачно здѣшнимъ художникомъ Брушкѣвичемъ. Онъ былъ помѣщенъ на приготовленномъ по этому случаю тронѣ подъ богатымъ балдахиномъ. Въ часъ по полудни 8 членовъ магистрата подняли портретъ, и 10 гражданъ балдахинъ и по среди хоругвей городскихъ сословій, въ сопровожденіи двухъ хоровъ музыки, игравшихъ тріумфальный маршъ, предшествуемые

тремя герольдами, понесли ихъ изъ костела, по Замковой улицѣ, въ ратушу. Когда портретъ поставленъ былъ на свое мѣсто въ залѣ засѣданій, бургомистръ Битисъ, обратясь къ многочисленной толпѣ присутствовавшихъ, произнесъ слѣдующія слова: «Граждане! нынѣшній день, торжественный для всего Россійскаго государства, составляетъ въ особенности день радости и веселія для нашего города, который великій и милосердный монархъ освободилъ отъ многихъ тягостей и столь щедро облагодѣтельствовалъ; чтобы увѣковѣчить память о нашей благодарности, мы помѣщаемъ его портретъ въ залѣ публичныхъ засѣданій. Пусть потомки наши, взирая на это изображеніе, вспоминаютъ, сколь счастливы были отцы ихъ подъ кроткимъ царствованіемъ императора Александра I.» Вслѣдъ за тѣмъ отворены были всѣ двери ратуши и безчисленное множество народа проходило въ продолженіи цѣлаго дня, чтобы взглянуть только на портретъ. Въ вечеру ратуша и весь городъ были великолѣпно освѣщены.

Спрашиваемъ совѣсти каждаго: можно ли на изъявленія этихъ чувствъ смотрѣть иначе, какъ на самыя искренныя и неподдѣльныя?—Смотря на поступки поляковъ, поселившихся въ здѣшнемъ краѣ, слыша то, что произносили ихъ уста, читая то, что напечатано было въ ихъ рѣчахъ, панегирикахъ, стихахъ и газетахъ, можно ли было вывести иное заключеніе, если не то, что они вполнѣ поняли и оцѣнили выгоды своего положенія и навсегда отказались отъ сумазбродныхъ мечтаній, которыя причиняли одно смятеніе и разореніе краю. Но не прошло десяти лѣтъ, какъ произошло самое грустное разочарованіе. Императоръ Александръ ни въ чемъ неперемѣнился; напротивъ того онъ доказалъ новыми милостями свои благожеланія жителямъ здѣшняго края. Но въ ихъ поступкахъ, словахъ и стремленіяхъ произошла страшная, оскорбляющая достоинство человѣка перемѣна. Трудно повѣрить, чтобы можно было до такой степени довести притворство. А инаго заключенія вывести невозможно.

Начало 1803 года ознаменовано въ виленской губерніи жестокими морозами, какихъ никто въ этой странѣ не помнилъ. Въ мѣстечкѣ Виляивѣ, въ 12 миляхъ на востокъ отъ Вильны, подъ

54° сѣверной широты, землемѣръ Парафіяновичь дѣлалъ постоянно наблюденія надъ термометромъ, устроеннымъ по системѣ Ассіе Перчена, и записывая эти наблюденія каждый день по три раза, примѣтилъ 13 генваря необыкновенное пониженіе ртути, которая въ 7 часовъ утра упавъ ниже 52 градусовъ скрылась въ своемъ хранилищѣ, то есть въ трубкѣ толщиною въ гусиное перо загнутой на подобіе часовой пружины. Изумленный столь необыкновенною жестокостію стужи, Парафіяновичь вынесъ на морозъ въ рюмкѣ 5 драхмъ ртути, которая въ продолженіи получаса такъ замерзла, что не было возможности ни пробить ее ножемъ, ни выбросить изъ опрокинутой рюмки. Въ такомъ состояніи они пробыла 2 часа и всѣ домашнія Парафіяновича видѣли это явленіе. Въ 10 часовъ утра ртуть въ термометрѣ поднялась изъ своего хранилища, въ которое было углубилась, на полтора вершка и дошла до нижняго конца прямой трубки, на которомъ означено было 52°, въ 11 часовъ поднялось до 45°, въ $11\frac{1}{2}$ до 28, въ 12 до 20, а при захожденіи солнца до 14°.

Наблюденія, дѣлаемыя на виленской обсерваторіи и другихъ мѣстахъ губерніи свидѣтельствуютъ, что сильная стужа не уменшалась въ продолженіи цѣлаго генваря мѣсяца и только уже къ половинѣ февраля начала слабѣть. По полученнымъ извѣстіямъ изъ Витебска, тамъ 12 генваря утромъ морозъ доходилъ до 38°.

Жестокость стужи въ началѣ 1803 года была ощутительна не въ одной Литвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ извѣстныхъ умѣренностію температуры. Въ Галиціи, гдѣ обыкновенно зима бываетъ легкая а непродолжительная, въ этотъ годъ сильныя морозы продолжались до 15 февраля. По наблюденіямъ, дѣланнымъ въ Замосцьѣ профессоромъ физики въ тамошнемъ лицеѣ Василіемъ Кукольникомъ, 25 генваря н. ст. морозъ усилился до 28°. Это было неслыханное въ Галиціи событіе.

4-го апрѣля подписанъ государемъ императоромъ достопамятный актъ подтвержденія виленскаго университета, который обнародованъ былъ въ Вильнѣ 27 мая, По этому случаю происходило въ университетѣ 17 іюня торжественное засѣданіе, при многочисленномъ стеченіи посѣтителей. Въ 4 часа по полудни рек-

торъ университета луцкій епископъ коадъюторъ Стройновскій, держа въ рукѣ драгоцѣнный актъ, и сопровождаемый всѣми членами университетскаго совѣта, прибылъ въ залу засѣданій, гдѣ уже находились гг. военный и гражданскій губернаторы, многіе военные и гражданскіе чиновники и знатнѣйшія виленскія дамы. Ректоръ открылъ засѣданіе соотвѣтствовавшею торжеству рѣчью, а профессоръ естественнаго права Малевскій прочиталъ высочайше дарованную университету грамоту, заключающую въ себѣ предоставленныя ему права и преимущества. Вслѣдъ за тѣмъ астрономъ обсерваторъ Почобутъ прочиталъ, сочиненную имъ оду на латинскомъ языкѣ въ честь августѣйшаго благодѣтеля университета, а профессоръ словесности Кс. Голынскій читалъ разсужденіе объ основаніи, успѣхахъ и всемилостивѣйшемъ утвержденіи университета благодѣтельнымъ монархомъ. Тогда президентъ главнаго суда — засвидѣтельствовалъ именемъ всѣхъ граждaнъ западнаго края безпредѣльную благодарность его императорскому величеству за столь богатыя милости его для университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для блага цѣлаго края. Потомъ все собраніе отправилось въ костелъ св. Іоанна, гдѣ 90 лѣтній старецъ, управлявшій виленскаго эпархіей, князь Пузына началъ гимнъ ***Тебе Бога хвалимъ!***

Въ память этого событія и для принесенія благодаренія Создателю подвигомъ человѣколюбія, обыватели виленской губерніи собрали, посредствомъ подписки, въ которой участвовали, какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица, значительную сумму денегъ для освобожденія заключенныхъ въ тюрму за долги, и представили ее 30 іюля въ 1 департаментъ главнаго суда.

15-го сентября, въ день коронованія государя императора, на публичномъ засѣданіи университета, читанъ былъ между прочимъ указъ, утверждающій въ званіи ректора выбраннаго университетомъ луцкаго коадъютора Стройновскаго.

Въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія, при богословскомъ факультетѣ виленскаго университета, учреждена главная семинарія, для образованія посвятившихся духовному званію воспитанниковъ римско-католическаго и греко-уніятскаго исповѣданія.

Для образованія этой семинаріи составленъ подъ предсѣдательствомъ ректора университета комитетъ изъ двухъ профессоровъ богословскаго факультета, двухъ членовъ виленскаго капитула и одного греко-уніятскаго прелата. Комитетъ началъ свои дѣйствія 14 октября. Между тѣмъ императоръ Александръ, постоянно благодѣтельствуя университету, всемилостивѣйше пожаловалъ ему 40 т. рублей, на пополненіе библіотеки, учрежденіе клиники и умноженіе физическаго кабинета; а сверхъ того повелѣлъ еще выдать 30 т. рублей, на первоначальныя надобности училищъ, учрежденныхъ въ виленскомъ учебномъ округѣ.

Высокомонаршія милости, оказанныя университету, возбудили въ частныхъ людяхъ ревность споспѣшествовать благотворнымъ намѣреніямъ августѣйшаго покровителя, и приносить посильныя жертвы въ пользу учебныхъ заведеній. Между прочими, помѣщикъ Александръ Поцѣй прислалъ, при письмѣ своемъ къ ректору университета 20 ноября, 3 т. рублей, на содержаніе 4 учениковъ и обученіе ихъ практическому сельскому хозяйству.

23 ноября скончался на 68 году отъ рожденія епископъ Суфраганъ Пильховскій, извѣстный своею ученостію и человѣколюбіемъ. Пожертвованіе помѣщика Поцѣя, о которомъ сказано выше, удостоено утвержденія его императорскаго величества, и университетскій совѣтъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1804 года, выбралъ для практическаго образованія въ сельскомъ хозяйствѣ четырехъ воспитанниковъ: Станислава Клончевича, Юстина Самовича, Викентія Герберскаго, и Михаила Зафатія, которые и опредѣлены были тотчасъ въ учрежденный при университетѣ институтъ англійскаго земледѣлія. Изъ нихъ Викентій Герберскій, въ послѣдствіи посвятивъ себя врачебнымъ наукамъ, сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ медиковъ въ Литвѣ, и опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ терапіи въ университетѣ.

Пинскій греко-уніятскій епископъ Дашковичъ Горбацкій пожертвовалъ 18 т. рублей на содержаніе 10 дворянъ при слонимскомъ училищѣ. Государь императоръ, утвердивъ 16 апрѣля такое пожертвованіе епископа, въ ознаменованіе своего къ нему

благоволѣнія, всемилостивѣйше причислилъ его къ ордену Св. Анны 1-й степени.

Въ 1804 и 1805 годахъ не случилось, въ предѣлахъ западнаго края, ничего, заслуживающаго особенное вниманіе. Вообще со времени возвращенія этаго края Россіи представляется мало предметовъ для политической исторіи. Такое молчаніе исторіи составляетъ, обыкновенно, признакъ благоденствія страны. Кровопролитныя войны, внутреннія смятенія и безпорядки, ужасы природы и происходящія отъ разныхъ причинъ бѣдствія, составляютъ обильнѣйшіе матеріялы для историковъ. А потому, если мы ничего этого не находимъ въ государствѣ въ продолженіи какого нибудь періода, то кто можетъ сомнѣваться, что въ это время государство вполнѣ благоденствовало. Такая именно участь опредѣлена была Промысломъ здѣшнему краю, со времени возвращенія его Россіи. Умы и дѣятельность жителей его, переставшихъ въ это время заниматься несвойственными частнымъ людямъ предначертаніями, смятеніями, преобразованіями и переворотами, получили другое, приличнѣйшее и лучшее направленіе. Просвѣщеніе и промышленность сдѣлали большіе успѣхи. Возникли полезныя и благотворительныя учрежденія, въ которыхъ участвовали, по большой части, люди высшаго сословія. Изобиліе сдѣлалось слѣдствіемъ тишины и порядка, а увеселенія, которымъ предавались жители всѣхъ сословій, могли служить убѣдительнымъ доказательствомъ безмятежности, спокойствія, изобилія—слѣдственно несомнѣннаго благоденствія края. Театры были всегда полны зрителей.

Въ концертахъ, *редутахъ*, *касинахъ*, маскарадахъ, огромныя залы съ трудомъ вмѣщали посѣтителей. На частныхъ загородныхъ гульяньяхъ, въ особенности въ лѣтнее время, толпы народа веселились до глубокой ночи. Любители и любительницы изящнаго, изъ высшаго круга, устроивали нерѣдко съ человѣколюбивою цѣлью благородные спектакли и концерты, и собирали всегда большія суммы для своей благодѣтельной цѣли. Вильна, средоточіе управленія и дѣятельности обывателей, слыла богатымъ городомъ. Деньги стекались въ него со всѣхъ сторонъ

въ изумительномъ количествѣ. Не мало содѣйствовалъ также къ благоденствію края выборъ искусныхъ, человѣколюбивыхъ, привѣтливыхъ и добродушныхъ правителей, какими были Репнинъ, Кутузовъ, Бенигсгенъ, гражданскія губернаторы Фризель, Ланской, Лавинскій, о коихъ память на всегда утвердилась. Описаніе дальнѣйшихъ фактовъ послужитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ выше изложеннаго. И если польскія историки утверждаютъ, что царствованія Сигизмунда I и Сигизмунда Августа составляютъ для этого края, въ особенности для Вильны, блестящую эпоху, то мы съ большею увѣренностію можемъ сказать, что царствованія Павла I, Александра I, и первыя годы царствованія Николая I, были для него золотымъ вѣкомъ, до роковаго 1831 года, въ которомъ безуміе поляковъ предательски вовлекло его въ омутъ бѣдствій и разоренія. — Этимъ то мнимымъ братьямъ, кои нѣсколько вѣковъ стараются насильно накинуть иго своего братства жителямъ здѣшней страны, они обязани тѣми продолжительными и тяжкими нещастіями, коими она поражаема была нѣсколько разъ и кои непрекращаются по нынѣ.

25 Марта 1806 года данъ былъ любителями музыки, въ виленскомъ театрѣ, концертъ въ пользу живущихъ въ Вильнѣ больныхъ, кои не въ состояніи покупать себѣ врачебныхъ пособій. Вырученная сумма, за исключеніемъ издержекъ, простиралась до 291 червонцевъ и 212 голандскихъ талеровъ. Множество бѣдиыхъ больныхъ воспользовались этой неожиданной помощью, получая пособіе, по два раза въ недѣлю, отъ лицъ назначенныхъ для этого предмета.

Въ засѣданіи университетскаго совѣта, 15 маія, розданы были всемилостивѣйше пожалованные брильянтовыя перстни профессорамъ: Ксендзу Юндзилу, Лангсдорфу и Франку въ награду, за изданныя ими полезныя сочиненія: первымъ — Ботанику въ двухъ частяхъ, вторымъ — Сокращенный курсъ механики, а послѣднимъ—Путешествія его за границей.

3-го Іюля состоялось высочайшее повелѣніе, по которому студенты изъ дворянъ, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ въ университетѣ, при похвальномъ поведеніи, и желающіе посвя-

тить себя военной службѣ, получали право на производство въ первый офицерскій чинъ, по прошествіи 6 мѣсяцевъ со времени вступленія въ службу. Это драгоцѣнное преимущество, указомъ 10 ноября, распространено и на студентовъ университета всѣхъ сословій.

По высочайшей волѣ, помѣщеніе гродненской гимназіи назначено было въ мѣстечкѣ Свислочи, находящемся въ волковисскомъ уѣздѣ и принадлежащемъ помѣщику графу Тышкѣвичу, который построилъ на свой счетъ зданія для заведенія и помѣщенія обучающихъ, и пожертвовалъ на первоначальное обзаведеніе гимназіяльной библіотеки около 600 книгъ. Открытіе этой гимназіи происходило 15 сентября въ торжественный день коронаціи государя императора.

26 ноября молдаванинъ Іордаки Купоренко показывалъ въ Вильнѣ первый опытъ надъ воздухо-плавательнымъ шаромъ, составленнымъ по его собственному изобрѣтенію изъ напитанной камедью бумаги. Мѣсто зрѣлища назначено было въ саду, принадлежащемъ къ генералъ губернаторскому дому, откуда въ 12 часовъ по полуночи, Купоренко быстро поднялся на воздухъ на значительную высоту, и пролетѣвъ полторы мили, по направленію къ сѣверо-востоку, спустился между Верками и Койранами. Ободренный этимъ первымъ опытомъ Купоренко объявилъ, что въ непродолжительномъ времени представитъ публикѣ три новыя зрѣлища по части воздухо-плаванія; а именно: 1-е поднявъ на воздухъ лань, собаку и охотника представитъ воздушную охоту; 2-е) поднявшись на возможную высоту, спустится оттуда подъ парашутомъ и 3-е) помощью однихъ изобрѣтенныхъ имъ крыльевъ, подымется на воздухъ и будетъ летать столько, сколько захочетъ. — Но не извѣстно по какой причинѣ это обѣщаніе не было исполнено и самаго Купоренка болѣе въ Вильнѣ не видали.

Извѣстнѣйшіе виленскіе врачи, хирурги и аптекари составили врачебное общество, котораго цѣль состояла въ стремленіи къ усовершенствованію врачебнаго искуства, а въ особенности въ наблюденіи за ходомъ болѣзней, господствовавшихъ въ здѣшнемъ краѣ. Составленный для сего общества уставъ, по представле-

нію г. министра внутреннихъ дѣлъ, удостоился 26 маія высочайшаго утвержденія, 12 декабря, въ день рожденія императора, происходило открытіе этаго общества въ залѣ университетской библіотеки, при многочисленномъ стеченіи почетнѣйшихъ посѣтителей. По прочтеніи высочайшаго указа, председатель общества профессоръ Снядецкій читалъ рѣчь о пользѣ врачебныхъ обществъ; вслѣдъ затѣмъ произнесена была рѣчь профессоромъ Лобенвейномъ о существующихъ предубѣжденіяхъ противу оспопрививанія; наконецъ профессоръ Франкъ прочелъ свое сочиненія о разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Вильнѣ.

1-го генваря 1807 года обнародовано въ Вильнѣ воззваніе митрополита римскихъ церквей въ Россіи Станислава Сестренцевича, ко всѣмъ его единовѣрцамъ, по случаю движенія русскихъ войскъ къ предѣламъ Пруссіи. Считаемъ неизлишнимъ привести его въ переводѣ съ польскаго:

„Поляки! Въ то время, когда вы вкушаете сладость мира при безопасномъ огнищѣ, пользуясь свободно въ служеніи Богу по правиламъ святой нашей вѣры, и даже свободнѣе, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она именуется господствующею, васъ пробуждаетъ шумъ брани, вы смущаетесь и ищете вокругъ себя оружія. Будьте спокойны! Это свои ратники, стрегущія главы ваши, и шествующія для охраненія границъ. Положитесь на прозорливое попеченіе и защиту всепресвѣтлѣйшаго монарха Александра! Уповайте на права имогущество его! Воздадите кесарева кесареви!“ (мат. 22, 21.) Оружіе въ рукахъ, не умѣющаго имъ владѣть, незащититъ его, а исторгнутое изъ рукъ гражданина, не воина по предназначенію, послужитъ противу него же самаго на отомщеніе и смерть его. „Всѣ поднявшіе мечь, мечемъ погибнутъ.“ (Мат. 26—52.) Вы присягнули нашему государю на вѣрность и повиновеніе. Если данное слово, или письменное обязательство, считается въ цѣломъ свѣтѣ залогомъ точнаго исполненія, то во сколько кратъ важнѣе, принятыя нами на себя обязанности, во свидѣтельство ненарушимости коихъ мы призываемъ имя Божіе? Вѣроломство было бы омерзительнымъ святотатствомъ предъ

Богомъ и людьми. Нарушитель такой присяги солгалъ бы не человѣку но Богу. (Дѣян. Апост. 54.)

„Ваши пастыри и духовные учители объясняютъ вамъ безпрерывно эту истину, и своимъ примѣромъ вѣрности и преданности стараются побудить васъ къ кротости и повиновенію государю и законамъ. Монархъ надѣется на васъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ вы постараетесь въ особенности показать любовь и усердіе къ общественному благу, что невнимая неосновательнымъ навѣтамъ, безбоязненно и мужественно будете шествовать по тому пути, на которомъ до сихъ поръ, подъ сѣнію закона и кроткаго правленія, вы находили покой, неприкосновенность собственности, и были участниками благословеннаго щастія Росеійскаго государства. Будемъ же служить нашему монарху съ благодарностію, нелицемѣрно, и благодаря Бога за всякое благо ниспосланное намъ чрезъ его помазанника. Будемъ молиться за него! «Да будутъ дни его яко дни небесныя на землѣ, да поживемъ подъ сѣнію его, и послужимъ ему многи дни, и обрящемъ милость въ очахъ его» (Варухъ 11—12).

Такъ писали, такъ говорили, такъ думали люди, которые желали счастія, а не гибели своему отечеству, потому что видѣли предметы въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, и судили объ нихъ по фактамъ и ихъ слѣдствіямъ, а не по внушенію незрѣлаго ума, разстроеннаго воображенія и страстей. Не нужно было особенныхъ напряженій разума, для убѣжденія каждаго, что здѣшній край, только со времени возвращенія его Россіи, началъ жить жизнію правильною, свободною, что сила его только въ эту эпоху приняла естественное направленіе и, что при такомъ только ходѣ дѣлъ, спокойствіе и благоденствіе его могли быть нетолько обезпе чены но и упрочены.

Между тѣмъ нѣкоторыя неблагонамѣренные остатки революціонеровъ послѣднихъ временъ рѣчи посполитой, стараясь воспользоваться каждымъ могущимъ встрѣтиться случаемъ, для возбужденія смятеній между соотечественниками, начали распространять ложныя вѣсти въ губерніи, о насиліяхъ и безпоряд-

кахъ, учиненныхъ якобы русскими войсками, во время перехода ихъ черезъ здѣшній край. Императоръ съ неудовольствіемъ узнавъ о такихъ пелѣнныхъ слухахъ, высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить данныя уже на этотъ случай предписанія всѣмъ военнымъ начальникамъ, чтобы они, подъ собственною своею отвѣтственностію, имѣли строжайшій надзоръ, дабы, во время прохода войскъ, не было причинено обывателямъ ни малѣйшаго притѣсненія, ниже обиды, чтобъ обличенныя въ преступленіи этого повелѣнія немедленно предаваемы были всей строгости военнаго суда, а обиженныя получили полное удовлетвореніе насчетъ того начальства, которое по своей небрежности допуститъ подчиненныхъ покуситься на какой либо противузаконный поступокъ.

Сумма, собранная любителями музыки послѣ даннаго ими концерта 23 марта 1806 года и опредѣленная на покупку медикаментовъ для бѣдныхъ, значительно уменьшилась. Помощью, по этой части, воспользовались съ тѣхъ поръ 369 человѣкъ. Въ кассѣ осталось всего 489 руб. 47 коп. Для продолженія успѣха, въ столь благотворительномъ предпріятіи, тѣ же любители изящнаго дали въ Вильнѣ второй концертъ 1-го марта, въ домѣ Миллеровъ на Нѣмецкой улицѣ. — На этотъ разъ чистый сборъ простирался до 1818 руб. серебромъ.

Въ тоже время отличилось своимъ благоворительнымъ дѣйствіемъ общество, составлявшее *кассино*. Данные имъ два маскарада въ пользу бѣдныхъ доставили 847 руб. серебромъ, которыя розданы были съ величайшею акуратностію и осмотрительностію бѣднымъ, и распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 100 руб. назначено для трехъ гошпиталей, другія 100 р. розданы находившимся, въ Вильнѣ, раненнымъ солдатамъ, третія 100 руб. содержащимся въ тюрмѣ, четвертыя 100 руб. нищимъ, просящимъ милостины. Остальныя велѣно роздать тѣмъ бѣднымъ семействамъ, которыя не смѣютъ или стыдятся просить милостыни, изъ коихъ, какъ по роздачѣ оказалось, каждое получило единовременнаго вспомоществованія по 17 руб. 71 коп.

Въ продолженіи первой половины 1807 года происходила

кровопролитная война съ французами на границахъ Пруссіи. Пушечныя выстрѣлы раздавались близъ береговъ Нѣмана, а жители губерніи сосѣдственной театру войны спокойно предавались удовольствіямъ и забавамъ, стараясь самое развлеченіе свое соединить съ пользою для человѣчества. Это спокойствіе жителей, не смотря на близость театра войны, эти увеселенія, которымъ они безпечно предавались, доказываютъ слишкомъ убѣдительно благоденствіе края и увѣренность въ могуществѣ правительства и мудрыхъ его мѣрахъ. Но за то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отечество требовало услугъ и пожертвованій, жители виленской губерніи отличались своимъ усердіемъ и ревностью. Въ Вильнѣ устроены были военные лазареты, въ которые привозили множество раненныхъ изъ дѣйствующей арміи. Профессоры университета, членъ медицинскаго общества и даже студенты врачебнаго отдѣленія, посвятили услуги свои облегченію страданій раненныхъ, а многія изъ виленскихъ дамъ сами приготовляли въ большомъ количествѣ корпію и отправляли ее въ лазареты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при составленіи временнаго ополченія, шляхта, купечество и мѣщане губерніи содѣйствовали исполненію намѣреній правительства, принося многочисленныя пожертвованія на содержаніе милиціи и посвящая себя на службу въ рядахъ ея.— Оба эти обстоятельства обратили на себя вниманіе его императорскаго величества и лица, участвовавшія особенно въ этихъ подвигахъ человѣколюбія и вѣрноподданнической преданности, удостоены высочайшаго благоволенія.

Въ продолженіи четырехъ недѣль отъ начала осени 1807 года шелъ почти безпрерывный дождь и небо закрыто было облаками. Наконецъ 10 октября небо прояснилось, и при благопріятной погодѣ, на митрополической обсерваторіи, увидѣли между звѣздами *Вита* и *Гамма* созвѣздія Геркулеса, комету, которой движеніе замѣчали съ тѣхъ поръ въ каждую ясную ночь. Комета двигалась по направленію къ сѣверо-востоку отъ созвѣздія Геркулесъ къ созвѣздію Лира. Хвостъ ея обращенъ былъ въ противуположную сторону отъ солнца, и былъ такъ про-

зраченъ, что, посредствомъ телескопа, можно было видѣть чрезъ него самыя мелкія звѣзды.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ состоялось высочайшее повелѣніе, запрещающее евреямъ селиться въ деревняхъ и мѣстечкахъ, и о переводѣ оставшихся въ нихъ не позже 1810 года. Для этого учреждены въ каждомъ губернскомъ городѣ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ комитеты, занимавшіеся изысканіямъ средствъ къ удобнѣйшему и скорѣйшему переводу евреевъ, а также составлено положеніе, которымъ должно было руководствоваться, приводя въ исполненіе эту высочайшую волю.—

18 апрѣля 1808 года любители изящнаго рѣшили дать благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, получающихъ вспомоществованіе изъ виленскаго человѣколюбиваго общества. Для представленія выбрана Расинова трагедія *Федра*, въ переводѣ на польскій языкъ. Участниками въ представленіи были: графини Шуазель, Плятеръ, Тышкѣвичъ, Мостовская, баронесса Бенигсгемъ, графъ Мостовскій, Ржевускій, и предсѣдатель главнаго суда Ромеръ. Стеченіе зрителей было безчисленное. Многіе принуждены были возвратиться, не найдя уже мѣстъ въ театрѣ.

Губернское правленіе увѣдомило обывателей виленской губерніи, что, по распоряженію военнаго министра, проходящія войска не имѣютъ права требовать обывательскихъ подводъ, а обыватели не имѣютъ обязанности давать ихъ. Согласно съ такимъ распоряженіемъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ виленскаго гражданскаго губернатора, что на этотъ предметъ государь изволитъ обращать особенное вниманіе и что малѣйшее отступленіе отъ этого постановленія можетъ подвергнуть губернское начальство отвѣтственности.

Вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 21 декабря 1807 года, коимъ учреждены двѣ коммисіи въ Вильнѣ и на Волыни для приведенія въ извѣстность эдукаціоннаго фундуша и окончанія дѣлъ возникшихъ по разнымъ притязаніямъ къ нему частныхъ лицъ,— первая изъ этихъ коммисій открыта была въ Вильнѣ въ залѣ университета 27 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ бывшаго литовскаго

хорунжаго Вавржецкаго въ присутствіи виленскаго военнаго губернатора, многихъ высшихъ чиновниковъ и почетныхъ дворянъ.

28 мая виленское человѣколюбивое общество ознаменовало благодѣтельныя свои дѣйствія новымъ мудрымъ постановленіемъ, относящимся къ искорененію нищенства въ городѣ. До тѣхъ поръ согласно съ уставомъ своимъ и цѣлію своего учрежденія, оно занималось доставленіемъ пропитанія истинно бѣднымъ, которыхъ число простиралось до 150 человѣкъ, примиреніемъ враждующихъ, защитою жертвъ ябедничества, наконецъ лѣченіемъ больныхъ и снабженіемъ ихъ медикаментами. А какъ умноженіе доходовъ дозволило ему распространить свои дѣйствія, то оно предприняло очистить городъ отъ всякаго рода нищихъ. Для исполненія этого намѣренія, при помощи мѣстной полиціи и надзирателей общества, собраны были всѣ нищіе, бродившія по улицамъ, какого бы то ни было состоянія. По учиненіи строгаго изслѣдованія, всѣ тѣ, кои не принадлежали къ числу мѣстныхъ жителей Вильны, и прибыли въ нея только для собиранія милостыни и для праздной жизни, снабжены будучи пашпортами и пособіемъ на дорогу, отосланы на прежнія мѣста своего жительства. Мѣстные же, истинно несчастные, имѣющіе право на сострадание и помощь, какъ то старцы, дѣти, увѣченные, какъ могущіе, такъ и не могущіе заниматься какимъ нибудь полезнымъ дѣломъ, раздѣлены на три класса: инвалидовъ, малолѣтнихъ и большихъ, и помѣщены въ домѣ общества и другихъ нанятыхъ для этого предмета домахъ, съ необходимымъ для жизни содержаніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество сдѣлало отзывъ къ жителямъ города, призывая ихъ къ содѣйствію въ столь полезномъ дѣлѣ искорененія нищенства, оскорбляющаго гражданскія постановленія и подающаго поводъ къ многимъ зловреднымъ дѣйствіямъ и даже преступленіямъ. Для достиженія этой цѣли объявлено обывателямъ, чтобы они рѣшительно отказывали нищимъ въ частномъ пособіи, а лучше представляли пожертвованія свои, въ какомъ бы то ни было видѣ и количествѣ, въ кассу общества, гдѣ, собранныя въ одну массу, эти пожертвованія могутъ гораздо лучше быть употреблены въ помощь страждущему человѣчеству, каждаго же нищаго, просящаго милостыни

на улицѣ или по домамъ, велѣно тотчасъ доставлять въ домъ общества, или къ опекунамъ его, находящимся въ каждомъ кварталѣ. Къ сожалѣнію это благодѣтельное распоряженіе не утвердилось въ своей силѣ. Смятенія послѣдовавшія въ 1812 году, новое направленіе умовъ, кончина первоначальныхъ виновниковъ этого учрежденія, равнодушіе и недѣятельность ихъ преемниковъ, были причиною ослабленія мѣръ, принятыхъ въ началѣ, съ ревностію и строгостію. Число нищихъ снова начало увеличиваться.

30 іюня, въ публичномъ засѣданіи университета, при окончаніи учебнаго года профессоръ химіи Андрей Снядецкій читалъ разсужденіе объ открытомъ имъ новомъ металлѣ въ неочищенной платинѣ, который назвалъ *вестіумъ*, по случаю новооткрытой планеты весты. Это важное открытіе, котораго достигъ профессоръ Снядецкій, трудясь нѣсколько мѣсяцовъ надъ очищеніемъ платины отъ прочихъ металловъ, указало ему свойства, не только новаго металла, но и самой очищенной платины, и обнаружило передъ нимъ многіе факты неизвѣстные еще до толѣ въ химіи. Выводы этого счастливаго и полезнаго труда представлены авторомъ с.-петербургской и парижской академіямъ наукъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ гродненскій магистратъ, купечество и обыватели города объявили въ газетахъ свою благодарность, квартировавшему въ немъ московскому мушкатерскому, полку за кроткое и истинно благородное поведеніе нижнихъ чиновъ и прекрасныя свойства полковаго командира Манахтина и всѣхъ офицеровъ, которыми они пріобрѣли безпредѣльную любовь и почтеніе жителей, разстававшихся съ ними съ чувствами искренняго сожалѣнія.

25 генваря 1809 года Вильна увидѣла во второй разъ опытъ воздухоплаванія. Извѣстный физикъ Робертсонъ поднялся съ воздухоплавательнымъ шаромъ на 1200 сажень отъ земли и пролетѣлъ это пространство съ необыкновенною быстротою, такъ что на секунду приходилось круглымъ щетомъ по 150 футовъ. Вышедъ изъ облачного слоя Робертсонъ ощутилъ большую разницу въ температурѣ. Термометръ показывалъ 9° теплоты, тогда какъ на землѣ холодъ простирался до 11 градусовъ. Это путешествіе продолжалось нѣсколько часовъ, и онъ опустился бла-

гополучно на землю въ одномъ изъ городскихъ садовъ. По причинѣ совершенно тихой погоды шаръ не могъ быть отнесенъ далеко въ сторону.

Дарованія и любовь къ музыкѣ доставили жителямъ Вильны 17 февраля новое наслажденіе, которое, какъ и прежнія ему подобныя, сопряжено было съ благодѣтельною для человѣчества цѣлью. Въ этотъ разъ любители музыки, соединясь съ здѣшними артистами, въ числѣ 130 человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя прибыли именно для этого предмета изъ отдаленныхъ мѣстъ, исполнили въ залѣ ратуши, подъ дирекціей профессора Франка Гайденову ораторію *Сотвореніе міра.* Доходъ, вырученный за проданные билеты, обращенъ былъ по прежнему на покупку лѣкартсвъ для бѣдныхъ больныхъ. По причинѣ необыкновеннаго стеченія слушателей, многія не могли достать билетовъ. А потому спустя нѣсколько дней, ораторія эта по общему желанію публики дана была вторично съ такимъ же блистательнымъ успѣхомъ, какъ и въ первый разъ.

Въ публичномъ засѣданіи университета 30 іюня ректоръ увѣдомилъ совѣтъ его о поступившихъ новыхъ пожертвованіяхъ, для умноженія эдукаціоннаго фундуша. Въ числѣ жертвователей, графъ Валицкій опредѣлилъ по 1800 руб. ежегодно на содержаніе бѣдныхъ учениковъ преимущественно носящихъ его фамилію; бывшій рогачевскій предводитель дворянства Волкъ сдѣлалъ значительное пожертвованіе на содержаніе 12 учениковъ при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ; помѣщикъ Игнатій Карпь пожертвовалъ 66 т. рублей, на учрежденіе гошпитали въ мѣстечкѣ Іоганишкѣляхъ; наконецъ докторъ медицины Лернстъ внесъ 4500 рублей, на содержаніе 4 учениковъ при волынской гимназіи.

19 февраля 1810 года, въ слѣдствіе указа его императорскаго величества, открыта была въ Вильнѣ, съ приличнымъ торжествомъ, греко-уніятская митрополитальная консисторія. При этомъ случаѣ б. уніятскій Суфраганъ Головня произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ, какъ свои пастырскія обязанности, такъ и должности членовъ сотрудниковъ его въ этомъ вѣдомствѣ. За

тѣмъ члены и чиновники новой консисторіи приведены были къ присягѣ.

8 апрѣля положено въ Вильнѣ, по распоряженію университета, начало ветеринарной клиники. Для ней назначенъ на Замковой улицѣ домъ, въ который, за исключеніемъ воскресенія и середы, позволено было ежедневно каждому частному лицу приводить, для осмотра и врачебнаго совѣта, больныхъ домашнихъ животныхъ и принималась плата только за одни лѣкарства.

Въ слѣдствіе высочайшаго указа отъ 6 августа 1809 года, открыты 5 іюня въ университетѣ публичныя лекціи для чиновниковъ, занятыхъ государственною службою и обязанныхъ выдержать экзаменъ для полученія чиновъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника. Въ тоже время, учрежденъ при университетѣ для такихъ чиновниковъ и комитетъ испытаній, состоящій изъ 4-хъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора.

Дворянство виленской губерніи подало всеподданнѣйшую просьбу государю императору о соизволеніи на отправленіе депутаціи для принесенія его величеству вѣрноподданнической благодарности, за многочисленныя милости, изліянныя на здѣшній край въ теченіи многихъ лѣтъ. Г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ виленскаго военнаго губернатора, что государь императоръ, достойно оцѣняя это новое доказательство преданности и вѣрности литовскаго дворянства, повелѣть соизволилъ объявить ему свое монаршее благоволѣніе. Что же касается депутаціи, то его величество, будучи вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности и преданности дворянства, увольняетъ депутатовъ отъ личнаго прибытія; но вмѣстѣ съ тѣмъ благоволитъ объявить, что если кто изъ депутатовъ, желающихъ предстать предъ монаршій престолъ, имѣетъ какую либо нужду по собственнымъ дѣламъ, въ такомъ случаѣ всемилостивѣйше соизволяетъ на его прибытіе.

Такимъ образомъ протекло осьмнадцать лѣтъ со времени возвращенія Россіи здѣшняго края, устроеннаго, обновленнаго, однимъ словомъ вполнѣ осчастливленнаго своими государями. Многіе старожилы, даже между поляками, вспоминаютъ съ умиле-

ніемъ объ этомъ періодѣ благоденствія, какому подобнаго не находятъ во всей прежней исторіи этой страны. Утвердились безопасность и спокойствіе, въ управленіи господствовали порядокъ и справедливость, ученые занимались своими изысканіями, землѣдѣліе и торговля обогащали трудящихся, а безмятежное веселіе, которому предавались всѣ сословія, явственно свидѣтельствовало о томъ, что всѣ были довольны новымъ правленіемъ и не было никакой причины сожалѣть о временахъ смутъ и безпорядковъ, коими омрачена каждая страница исторіи Литвы, подъ управленіемъ польскихъ королей, или, лучше сказать, подъ вліяніямъ поляковъ, а въ особенности римскаго духовенства. Это пагубное вліяніе помрачало самый блистательный періодъ благоденствія здѣшней страны. Казалось само Провидѣніе хотѣло просвѣтить легкомысленныхъ, оставивъ ихъ на время на произволъ гибельныхъ страстей и ослѣпленія, показать имъ всѣ ужасы забвенія своихъ обязанностей и посрамить ихъ лицемѣріе въ глазахъ всего образованнаго свѣта. Къ сожалѣнію, этотъ поучительный урокъ подѣйствовалъ на короткое время. Внушенія преступныхъ страстей заглушили голосъ вѣковыхъ истинъ, а дѣйствительныя блага принесены на жертву безумнымъ и несбыточнымъ мечтамъ.

Наступилъ памятный въ лѣтописяхъ міра 1812 годъ, въ которомъ Россія одна приняла на свои исполинскія рамена бремя, отягчавшее всю Европу, остановила порывъ завоевателя, увѣнчаннаго двадцатилѣтними успѣхами и славою, сокрушила силы двадесяти языкъ, приведенныхъ имъ для ея опустошенія, и, уничтоживъ, въ продолженіи полугода, всѣ его обширные замыслы, обратила, въ послѣдствіи, на него самаго тѣ народы, которые онъ привелъ съ собою, въ тщетной надеждѣ предписать ей свои законы. Это событіе, неоспоримо славнѣйшее въ исторія народовъ, описано подробно многими отечественными и иноземными писателями. Подробности его слишкомъ извѣстны почти всякому, а потому, не входя въ разсмотрѣніе происшествій, относящихся къ общему плану военныхъ дѣйствій, опишемъ только то, что случилось въ предѣлахъ виленской губерніи, современи переправы француз-

скихъ войскъ черезъ Нѣманъ, близъ Ковна, до изгнанія ихъ изъ предѣловъ России. Приготовленія къ этой войнѣ со стороны Россіи и расположеніе русскихъ войскъ въ западныхъ губерніяхъ, до начатія военныхъ дѣйствій, извѣстны также изъ сочиней многихъ писателей. Мы начинаемъ свое повѣствованіе современи прибытія въ Вильну императора Александра I. Это событіе, увѣнчавшее *живѣйшія и вожделѣннѣйшія желанія здѣшнихъ жителей* *) совершилось 2 апрѣля въ 2½ часа по полудни, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ и костелахъ. Его величество, будучи встрѣченъ главно-командующимъ первою западною арміею генераломъ Барклаемъ де-Толли и множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, въѣхалъ въ Вильну верхомъ съ предмѣстія Антоколя. Вершины горъ, находящихся между предмѣстіемъ и городомъ, крыши домовъ покрыты были толпами народа различнаго званія, всѣ окна стоящихъ на этомъ пути строеній были растворены и наполнены зрителями. Городовой магистратъ и обыватели Вильны вышли на встрѣчу государю императору. Ремесленные цѣхи, въ своихъ торжественныхъ одѣяніяхъ, преклоненіемъ своихъ хоругвей и тимпаннымъ боемъ, отдавали честь высокому посѣтителю. Евреи, по обыкновенному своему обряду, изъявляли свои чувства вынеся дѣсятословіе и хлѣбъ. Монашествующее духовенство привѣтствовало государя императора на предмѣстіи, а члены капитула, въ торжественныхъ облаченіяхъ, при каѳедральномъ костелѣ. Отъ замковыхъ воротъ до самаго дворца стояли, по одной сторонѣ войска, построенныя въ три шиpинги, по другой безчисленная толпа народа. Отъ главныхъ университетскихъ воротъ, вдоль св. Янской улицы, стояли воспитанники университета и гимназіи съ своими наставниками. Наконецъ во дворцѣ государь императоръ встрѣченъ былъ гражданскимъ губернаторомъ, чиновниками, дворянствомъ, членами университета, которымъ изъявивъ свое удовольствіе съ необыкновенною привѣтливостію, его величество из-

*) Слова тогдашней виленской газеты *Литовскаго курьера*.

волилъ обратиться во внутренные апартаменты.— Ввечеру городъ былъ иллюминованъ.

На другой день послѣ своего прибытія, и въ слѣдующіе дни государь императоръ изволилъ принимать военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянство, духовенство, университетъ, магистратъ, купечество и кагалъ. Кромѣ военныхъ, нѣкоторые изъ гражданскихъ чиновниковъ и дворянъ имѣли счастіе быть приглашенными его величествомъ къ обѣденному столу. Послѣ обѣда каждый день государь императоръ осматривалъ находившіяся въ Вильнѣ войска и военные лазареты.

Съ 8 на 9 число, въ полночь, во время служенія въ дворцовой церкви заутрени, предъ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія, государь императоръ присутствовалъ при богослуженіи и по окончаніи его принималъ поздравленія, отъ находившихся въ церкви, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянъ и дамъ.

9 апрѣля въ день свѣтлаго Христова Воскресенія происходилъ большой военный парядъ на равнинахъ Погулянки, въ присутствіи его величества. Отличное состояніе и порядокъ войска составляли предметъ удивленія для безчисленнаго множества зрителей и пріобрѣли особенное благоволѣніе государя императора, приказавшаго выдать всѣмъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки, по фунту говядины и по одному рублю на человѣка.

10 числа прибылъ въ Вильну великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а за день передъ тѣмъ принцы ольденбургскіе Георгій и Августъ; первый—военный губернаторъ тверской и главный начальникъ путей сообщенія; а второй — ревельскій военный губернаторъ.

12 числа дворянство виленской губерніи приготовило, въ домѣ б. Паца (нынѣ окружнаго штаба) на большой улицѣ, балъ, который его величества осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ цесаревичемъ и принцами ольденбургскими. Домъ былъ великолѣпно иллюминованъ. Передняя стѣна его украшена была вензелемъ государя императора. Лѣстница, ведущая въ залъ, покрыта была коврами и обставлена экзотиче-

скими растѣніями. Въ залѣ находился транспарантъ, изображавшій августѣйшаго посѣтителя, сидящаго въ креслахъ, а предъ нимъ генія, приносящаго ему дань благоговѣнія. Подъ транспарантомъ стихи на польскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

Прославляетъ мы, прославитъ потомство
Божественную благость въ твоей особѣ.
И свѣтъ никогда не забудетъ
О Титѣ и о тебѣ.

Въ 8 часовъ собрались военные и гражданскіе чины, дворянство и множество дамъ, и ожидали прибытія его величества. Въ 9 часовъ прибылъ августѣйшій гость и встрѣченъ былъ дворянствомъ, при живѣйшей радости всѣхъ присутствовавшихъ. Грянула музыка, и хоръ воспѣлъ кантату, предлагаемую здѣсь въ буквальномъ переводѣ съ польскаго.

По милостивому опредѣленію небесъ
Мы видимъ эту священную главу,
Которая очарованіемъ своей благости
Порабощаетъ полъ свѣта.

Монархъ грознаго сѣвера
И народовъ извѣстныхъ мужествомъ!
Дабы ничто неизбѣгло твоей власти—
Ты владѣешь сердцами подданныхъ.

Какъ солнце, которое одинаково свѣтитъ
Для бѣдныхъ деревень и городовъ,
Такъ одинаково ты любишь своихъ дѣтей
Отче тысячи народовъ.

Прославляемъ мы, прославитъ потомство
Божественную благость въ твоей особѣ.
И свѣтъ никогда не забудетъ
О Титѣ, и о тебѣ.

Уже хвала вьетъ тебѣ вѣнокъ.
Добродѣтель возноситъ на степень боговъ.
Мы повторяемъ: «да здравствуетъ
«Отрада человѣческаго рода!»

По окончаніи кантаты императоръ Александръ изволилъ самъ открыть балъ польскимъ. Танцы продолжались до часу, при общей радости и нелицемѣрномъ восхищеніи всѣхъ присутствовавшихъ. Потомъ послѣдовалъ великолѣпный и приготовленный въ нѣсколькихъ залахъ ужинъ, который его величество изволилъ осмотрѣть, и вскорѣ оставилъ собраніе, очарованное его кротостію и привѣтливостію. Пировавшіе веселились до появленія зари.

Обыкновенный сборъ пожертвованій, отъ имени человѣколюбиваго общества, увеличился въ этомъ году чрезвычайно щедротами государя императора. Собиравшія милостыню, въ шести кварталахъ Вильны, шесть здѣшнихъ дамъ, явясь передъ лицемъ его величества, получили каждая по 100 червонцевъ въ помощъ бѣднымъ, для которыхъ они посвятили труды свои. Такимъ образомъ милость государя императора неожиданно увеличила ежегодный сборъ человѣколюбиваго общества 1800 руб. серебромъ. Примѣръ отца отечества сильно подѣйствовалъ на вѣрноподданныхъ. Подражая его великодушію, каждый, по мѣрѣ возможности своей присоединялъ свои пожертвованія къ общему сбору, который въ этомъ году простирался до 2856 рублей чистыхъ денегъ, и векселей на 90 черв. и 137½ злотыхъ на серебро. Такого сбора виленское человѣколюбивое общество не запомнитъ во все время своего существованія.

13 апрѣля императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вильны, для осмотра войскъ расположенныхъ въ Вилкомирѣ, Шавляхъ и Плунгянахъ. Въ послѣднихъ двухъ городахъ его величество сопровождаемъ былъ начальникомъ этихъ войскъ генералъ-лейтенантомъ графомъ Витгенштейномъ, а на обратномъ пути въ Вильну *удостоилъ посѣщеніемъ своимъ содержателя* Майшогольской почтовой станціи, помѣщика статскаго совѣтника Гувальда. На поворотѣ, отъ большой дороги къ дому Гувальда поставлены были ворота украшенныя зеленью, крыльцо и лѣстницы дома усыпаны были цвѣтами, а надъ балкономъ красовался сплетенный изъ цвѣтовъ вензель высокаго посѣтителя. 18 числа въ 7 часовъ вечера государь императоръ, возвратясь въ Вильну, встрѣченъ былъ

за городомъ дежурнымъ генераломъ, комендантомъ и городничимъ, а въ самомъ городѣ принцами ольденбургскими, генераломъ отъ кавалеріи барономъ Бенигсеномъ, министромъ полиціи Балашовымъ и множествомъ военныхъ чиновъ, въ сопровожденіи коихъ въѣхалъ въ городъ верхомъ и прибылъ во дворецъ, гдѣ уже его ожидали генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Кочубей, государственный секретарь вице адмиралъ Шишковъ и многія другія знатнѣйшія лица.

Въ то же время указомъ отъ 5 апрѣля назначенъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ отъ инфантеріи Римскій Корсаковъ.

5 мая императоръ Александръ посѣтилъ Гродно, гдѣ за городомъ еще встрѣченъ былъ главнокомандующимъ и многочисленнымъ генералитетомъ. Отъ заставы до дома губернскаго предводителя провожали его мѣщане съ хоругвями и остановились передъ домомъ, окруженнымъ безчисленными толпами народа. Обѣденный столъ приготовленъ былъ высокому посѣтителю въ домѣ гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника Ланскаго. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ государь императоръ отправился за Нѣманъ, для осмотра находившихся тамъ войскъ; въ 10 часовъ возвратился домой, а въ 12 отправился въ Вильну. Въ вечеру весь городъ былъ иллюминованъ.

На дорогѣ въ Гродну его величество осматривалъ въ Ейшишкахъ корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ адъютанта графа Шувалова, а въ Щучинѣ—три полка и три артиллерійскія роты, принадлежавшіе къ дивизіи, находившейся подъ начальствомъ генералъ-маіора Бахметьева.

Въ 3 верстахъ отъ города на берегу Виліи находился, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, опустѣлый поіезуитскій монастырь. Мѣсто это, именуемое Закретъ, было собственностію генерала Бенигсена, который перестроилъ монастырь въ прекрасное лѣтнее мѣстопребываніе и развелъ около него роскошный садъ. Въ этомъ то мѣстѣ генералъ Бенигсенъ хотѣлъ дать балъ для императора Александра. Но какъ въ перестроенномъ монастырѣ

не нашлось ни одного удобнаго для танцевъ зала, то онъ велѣлъ устроить въ саду галерею или павильонъ для этого предмета. Постройка поручена была профессору архитектуры въ виленскомъ университетѣ Шульцу. Въ самомъ началѣ работы, свѣдущіе въ зодчествѣ люди замѣтили ему, что ни фундаментъ, ни поставленныя имъ колоны не выдержатъ тяжести предполагаемаго потолка и крыши. Шульцъ по теоріи доказывалъ неосновательность такихъ возраженій и продолжалъ работу. Наконецъ въ полдень, 9 іюня, когда къ счастію всѣ работники пошли обѣдать, павильонъ рухнулъ. Приведенный въ отчаяніе Шульцъ, бросился въ Вилію, въ которой уже по прошествіи 5-ти дней тѣло его было найдено. Это обстоятельство не воспрепятствовало Бенигсену исполнить свое предначертаніе. Въ два дня убрали обломки развалинъ, устроили въ саду паркетъ, обставили его множествомъ горшковъ съ цвѣтами и 12-го іюня веселились въ великолѣпномъ саду и танцовали на мѣстѣ обрушившагося павильона, подъ открытымъ небомъ, при великолѣпной иллюминаціи, освѣщавшей это празднество. Императоръ Александръ удостоилъ балъ своимъ присутствіемъ и открылъ его самъ полонезомъ. Во время этого увеселенія, на которое смотрѣли массы публики съ возвышенностей, окружавшихъ каменный заборъ закретскаго сада, пришло извѣстіе о переправѣ французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Александръ необнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства и оставался еще нѣсколько времени въ собраніи. Публика не замѣтила, какъ онъ удалился изъ Закрета, и на другой день узнали, что его уже не было въ Вильнѣ.

Представивъ вниманію читателей длинный списокъ благотвореній и мудрыхъ распоряженій правительства, которыя привели здѣшній край въ самое блистательное положеніе, представивъ направленіе умовъ, дѣятельность и самыя увеселенія здѣшнихъ жителей, наконецъ тотъ непритворный повидимому восторгъ, который обнаруживали не единицы, не десятки какихъ нибудь личностей, но цѣлая масса народонаселенія при торжественныхъ встрѣчахъ своихъ монарховъ благотворителей, и даже въ отсут-

ствіи ихъ въ праздничныя дни ихъ рожденія и тезоименитства, тѣ громкія и безпрерывныя прославленія именъ ихъ, въ особенности Александра I, въ адресахъ, стихахъ, газетахъ, рѣчахъ, въ публичныхъ засѣданіяхъ, и даже въ ежедневныхъ разговорахъ,— спрашиваемъ каждаго безъ исключенія, пусть отвѣтитъ намъ, по первому ли побужденію сердца, или послѣ глубокаго соображенія: можно ли было выраженія этихъ чувствъ считать иначе, какъ за проявленія искренной благодарности и преданности? Казалось, самый упорный скептикъ долженъ былъ убѣдиться, что наконецъ поляки образумились, что они постигли въ чемъ состоятъ основаніе и залогъ ихъ истиннаго благосостоянія, котораго, въ продолженіи вѣковъ, недоставили имъ ни сеймы, ни сеймики, ни похищаемыя у престола права, ни мнимое шляхетское равенство ни всѣ тѣ мечтательныя преимущества, которыя въ сущности не только губили государство, но недоставляли прочныхъ благъ и самымъ частнымъ личностямъ. Между тѣмъ разочарованіе последовало столь быстро и столь неожиданно, что, читая два нумера тогдашнихъ виленскихъ газетъ, вышедшія одинъ вслѣдъ за другимъ, невозможно вѣрить, чтобы, описываемыя въ нихъ событія, произошли въ одномъ и томъ же городѣ.

Приступая къ описанію дальнѣйшихъ происшествій и мы къ сожалѣнію, должны вдругъ перемѣнить тонъ нашего повѣствованія Изчезаютъ чувствованія, усладительныя для каждаго вѣрноподданническаго сердца, и мѣсто ихъ занимаютъ другія, совершенно имъ противуположныя. Эта перемѣна произошла такъ неожиданно и такъ скоро, что посторонній зритель никогда бы не могъ повѣрить, чтобы эти выраженія чувствъ были одного и того же населенія. Выраженія эти были такъ живы, такъ, повидимому, неподдѣльны какъ при торжественной встрѣчѣ Александра, такъ и Наполеона, что никакой мудрецъ, видя ихъ отдѣльно, не могъ бы рѣшить, которыя изъ нихъ были искренны, и которыя притворны. Это рѣшили публичныя возгласы и рѣчи, раздававшіяся на площадяхъ и въ костелахъ, стихи, и надписи на иллюминованныхъ транспарантахъ, наконецъ, издаваемыя прокламаціи во время событій, о которыхъ мы съ грустію начинаемъ разсказъ.

12 іюня французскія войска переправились черезъ Нѣманъ, близъ Ковна. Русскія ополченія удалялись отъ нихъ поспѣшно, по мудрому и непонятному въ то время, для многихъ, плану, который пріуготовилъ спасеніе и торжество Россіи и паденіе Наполеону. Не удивительно, что, при такихъ обстоятельствахъ, шествіе французовъ было быстро и 16 числа они вступили въ Вильну. Магистратъ, знатнѣйшіе жители и большая часть народа вышли имъ на встрѣчу съ ключами города. Депутація эта принята была на предмѣстіи Погулянкѣ королемъ Неаполитанскимъ. Потомъ она отправилась далѣе къ Понарамъ, гдѣ поднесла ключи Наполеону, принявшему ихъ благосклонно. Императоръ французовъ, объѣхавъ ряды своего многочисленнаго войска, далъ ему повелѣніе вступить въ городъ. Первые вошли польскіе уланы 8 полка, подъ начальствомъ князя Доминика Радзивилла. Не будемъ описывать подробностей встрѣчи, сдѣланной жителями Вильны вступившимъ войскамъ и ихъ императору. Для этого надобно усвоить себѣ чужой языкъ и чужія чувства. Скажемъ только что выраженія восторга и удивленія, расточаемые не задолго передъ тѣмъ императору Александру, приносимы были, съ такимъ же увлеченіемъ, Наполеону. Воздухъ наполнился восклицаніями: «да здравствуетъ императоръ и король!»—

Русскія войска, выходя изъ Вильны зажгли мостъ на рѣкѣ и магазейны. Наполеонъ отправился на берегъ Виліи, приказалъ потушить пожаръ и велѣлъ, въ присутствіи своемъ, начать строеніе двухъ мостовъ. Въ продолженіи двухъ часовой работы, сидя на голой скамьѣ, онъ разговаривалъ со всѣми, которые къ нему приближались, и распрашивалъ объ общественныхъ заведеніяхъ и управленіи краемъ. Ввечеру того дня городъ былъ иллюминованъ.

17-го числа утромъ Наполеонъ присутствовалъ при воинскихъ эволюціяхъ, а послѣ обѣда далъ дворянству и духовенству аудіенцію, которая продолжалась около часу.

18 числа утромъ дана была аудіенція университету. Наполеонъ разговаривалъ съ профессорами о разныхъ предметахъ, преподаваемыхъ ими наукъ, и удивлялся успѣхамъ заведенія. Къ удивленію присутствовавшихъ, бывшій въ то время ректоромъ

Иванъ Снядецкій рѣшился сказать, что всѣми этими успѣхами университетъ обязанъ императору Александру. «Да, отвѣчалъ Наполеонъ, это добрый государь!» но въ тужъ минуту обратилъ разговоръ на другіе предметы.

19 числа учреждено въ Вильнѣ временное правленіе вел. кн. литовскаго, котораго членами назначены графъ Іосифъ Сѣраковскій, князь Александръ Сапѣга, Францискъ Іельскій, Александръ Потоцкій и ректоръ университета Иванъ Снядецкій, а секретаремъ-генералъ Іосифъ Коссаковскій. Тогоже числа обнародовано распоряженіе французской власти объ учрежденіи мѣстныхъ управленій въ городахъ и уѣздахъ, оставленныхъ русскими войсками. Главною цѣлію учрежденія этихъ управленій было изысканіе средствъ по доставленію продовольствія французской арміи.—

Въ первые дни, по вступленіи французскихъ войскъ въ Вильну, напечатана была въ виленскихъ газетахъ прокламація Наполеона къ войску, при переправѣ черезъ Нѣманъ. Мы помѣщаемъ ее здѣсь какъ образецъ несвоевременнаго хвастовства и неосновательнаго самонадѣянія, которыя, будучи вскорѣ пристыжены Провидѣніемъ, должны бы служить громкимъ поученіемъ для подобныхъ предсказателей.

«Воины!»

«Уже началась вторая польская война. Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Въ стѣнахъ тильзитскихъ Россія поклялась хранить вѣчный миръ съ Франціей и воевать съ Англіей. Теперь торжественно нарушаетъ клятву. Она нехочетъ объяснить этого необыкновеннаго поведенія прежде, нежели французскіе орлы уйдутъ за Ельбу и предоставятъ нашихъ союзниковъ ея волѣ и милости. Несчастная судьба гонитъ это государство. Должно исполниться ея предназначеніе. Неужели Россія воображаетъ, что мы переродились? Не мы-ли герои аустерлица? Россія ставитъ насъ между позоромъ и войною; выборъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Пойдемъ впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ! перенесемъ войну на ея землю. Вторая польская война, также какъ и первая увѣнчаетъ славою французское оружіе,

но послѣдующій миръ положитъ конецъ ужасному вліянію, которое Россія имѣла въ продолженіи 50 лѣтъ на дѣла Европы.»

Небудемъ разбирать подробно смысла этой прокламаціи, въ которой столько же лжи, сколько и самохвальства. Непрошло пяти мѣсяцевъ, какъ самъ Богъ разъяснилъ ее самымъ поучительнымъ событіемъ.—Послѣдствія кампаніи 1812 года еще болѣе убѣдили вселенную въ видимомъ покровительствѣ Его, оказанномъ своему избраннику.

Между тѣмъ пресловутое верховное правленіе, тотчасъ по учрежденіи его, полагая, что уже достигло своей цѣли, и идея ослѣпленныхъ поляковъ вполнѣ осуществилась, издало отъ себя, 10-го же іюня, слѣдующую прокламацію къ жителямъ Литвы:

«Граждане!»

«Нѣтъ мѣръ жертвамъ и самоотверженію, когда дѣло идетъ о возвращеніи отечества. Примѣръ тому оставили намъ, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдство, отцы наши. Постараемся быть достойными ихъ. — Защитники и избавители наши требуютъ жизненныхъ припасовъ; они проливаютъ за насъ кровь свою. Мы обязаны дѣлиться съ ними остатками своихъ запасовъ, а еще болѣе жертвовать имъ тѣми, которые остаются, за удовлетвореніемъ нашихъ нуждъ. Правительство (!!) пріиметъ все за подати, а благородное соперничество въ этомъ отношеніи будетъ началомъ гражданской заслуги и самымъ убѣдительнымъ знакомъ ревности примѣрнаго гражданина, а насъ содѣлаетъ достойными опеки героя вѣка.»

22 числа Наполеонъ далъ аудіенцію членамъ временнаго правленія, коменданту и начальникамъ, составлявшейся народной гвардіи. Въ этотъ же день принималъ у себя знатнѣйшихъ виленскихъ дамъ.

26 іюня, въ присутствіи Наполеона, происходили маневры пѣхотныхъ полковъ его гвардіи, за предмѣстіемъ Снипишками. Множество народа, вышедъ изъ города, смотрѣлъ на движеніе войскъ, и при этомъ случаѣ также не обходилось безъ громкихъ восклицаній, къ чему побуждала толпу ярая молодежь, непредвидя, чѣмъ кончатся эти затѣи.

Въ тоже время обнародована вторая прокламація временнаго вравленія, слѣдующаго содержанія:

«Граждане! Слишкомъ двадцать лѣтъ поражали слухъ вашъ чуждыя и непонятныя для васъ выраженія предписаній правительства 1). Двадцать лѣтъ вы слышали ихъ на чуждомъ и неизвѣстномъ вамъ языкѣ 2). Поляки 3)! слушайте теперь собратій! Слушайте голосъ и языкъ поляковъ, а прославляя совершившіяся надъ вами опредѣленія неба 4), прославьте вмѣстѣ съ тѣмъ другое видимое провидѣніе, которое пріобрѣтаете въ героѣ вѣка Наполеонѣ великомъ. Одно приближеніе его, подобно возносящемуся надъ глыбами льда солнцу, растопило и сокрушило всѣ преграды, а благотворнымъ и предвѣщающимъ сладчайшія надежды вліяніемъ, согрѣло сердца наши и склонило къ самой чувствительной благодарности къ своему благодѣтелю. — Будучи призваны дневнымъ приказомъ 19 іюня въ составъ временнаго литовскаго правленія, призываемъ васъ раздѣлять съ нами наши чувства. Нужны-ли для этого другіе поводы, кромѣ воспоминанія о величайшемъ для пасъ благодѣяніи—возвращеніи народнаго быта? Выуслышите, въ дальнѣйшихъ отзывахъ нашихъ, стараніе объ уменшеніи, сколько возможно, бѣдствій войны и оказаніи вамъ пощады, а жертвы хоть трудныя, которыхъ отъ васъ по-

1) Въ самомъ началѣ ложь. Временное правленіе не умѣло счесть порядочно числа лѣтъ, современи возвращенія Россіи здѣшняго края, не смотря на то, что между членами его находился извѣстный математикъ, профессоръ астрономіи. Съ тѣхъ поръ прошло всего 18, а не 20 лѣтъ.—

2) Опять ложь. Жители здѣшняго края слышали и понимали цѣлые вѣка русскій языкъ, который былъ семейный, разговорный, на которомъ писаны были ихъ законы, судебные приговоры, и всѣ офиціяльныя бумаги, а большая часть обитателей югозападнаго края, еще въ самыя послѣднія времени существованія Польши слушала на этомъ языкѣ богослуженіе и училась на немъ закону Божію.—

3) Такъ вотъ къ кому относится прокламація. Но это пришельцы, или самая малая часть, здѣшняго населенія. Такіе возгласы были въ западной Руссии вовсе не у мѣста.

4) Очень жаль, что поляки не прислушивались къ дѣйствительнымъ опредѣленіямъ неба. Оно имъ слишкомъ ясно указывало, гдѣ находится залогъ ихъ истиннаго благоденствія, и гдѣ источникъ ихъ бѣдствій и униженія.—

требуемъ, несоставляютъ ничего въ сравненіи съ вновь пріобрѣтенною самостоятельностію, которою мы имѣемъ право утѣшаться,— а потому ограничиваемся теперь увѣдомленіемъ всѣхъ властей и жителей княжества литовскаго, объ учрежденіи временнаго правленія и началѣ его дѣйствій, предписывая всѣмъ обращаться къ нему, во всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся къ государственному управленію.»

Такими то напыщенными и натянутыми фразами, малое число разгоряченныхъ умовъ, старалось преклонить всю массу народонаселенія къ дѣйствіямъ противнымъ присягѣ, совѣсти, благоразумію и даже матеріяльнымъ выгодамъ края. Къ счастію масса мало оказывала сочувствія къ ихъ дѣйствіямъ и слушала довольно равнодушно ихъ восклицанія, а собиралась толпами вокругъ агитаторовъ, чтобы посмотрѣть на зрѣлище небывалое, и расходилось безъ всякихъ послѣдствій, какихъ польскіе ораторы ожидали отъ своего краснорѣчія. Самое большое участіе въ этомъ дѣлѣ показали польскіе и ополяченные литовскіе дворяне и помѣщики, люди по большой части молодые и неопытные, недоученые студенты, бездомная шляхта, бросавшаяся на все очертя голову, и нѣсколько десятковъ ремесленныхъ подмастерій, предпочитавшихъ разгульную жизнь честному и урочному труду. Но болѣе всего обнаружилъ самаго приторнаго энтузіязма издатель тогдашней виленской офиціяльной газеты «Литовскаго Курьера» Марциновскій. Самый пламенный панегиристъ императора Александра, онъ, вдругъ послѣ вступленія французскихъ войскъ въ Вильну, является ожесточеннымъ непріятелемъ всего русскаго, куритъ ѳиміамъ, лесть предъ Наполеономъ, котораго еще при жизни едва не помѣщаетъ въ число боговъ, и наконецъ называетъ пророкомъ воскресенія и обновленія польскаго королевства.

Изъ числа членовъ временнаго правленія одному только Снядецкому удалось оказать услугу, если не краю, то по крайней мѣрѣ университету. Онъ спасъ его богатую казну отъ расхищенія французовъ и отстоялъ библіотеку, которой угрожала большая опасность. Французское военное начальство намѣревалось поставить въ залахъ ея солдатъ, которые находящіяся

въ архивахъ дѣла и книги въ библіотекахъ, употребляли на патроны.—Смѣлое и энергическое противодѣйствіе Снядецкаго недозволило французскимъ офицерамъ исполнить это распоряженіе.—Въ самомъ началѣ вступленія французскихъ войскъ въ виленскую губернію встрѣчалось мало случаевъ частныхъ грабежей; но казенныя суммы были тщательно отыскиваемы и немедленно забираемы.—Въ этомъ мѣстѣ невозможно пропустить безъ вниманія подвига бывшаго виленскимъ губернскимъ казначеемъ Алексѣя Пузыревскаго. — Какъ только русскія войска начали выходить изъ Вильна, онъ представилъ мѣстному начальству о необходимости вывезти изъ города суммы, хранившіяся въ виленскомъ уѣздномъ казначействѣ. Получивъ на то уполномочіе, онъ нагрузилъ около 20 телегъ разнаго рода монетою, и, взявъ съ собою 45 человѣкъ вооруженныхъ солдатъ, отправился по дорогѣ на Свенцяны и Видзы. Послѣ четырехъ недѣльнаго путешествія, преодолѣвъ большія затрудненія, и избѣгая многихъ опасностей, онъ прибылъ наконецъ благополучно въ Новгородъ и здалъ во всей исправности казну въ тамошней казенной палатѣ.

Вслѣдъ за вышеприведенною прокламаціею, временное правленіе разослало по всѣмъ властямъ губернскимъ, повѣтовымъ, муниципальнымъ и сельскимъ, циркуляры, заключавшія въ себѣ распоряженія на счетъ возвращенія въ дома свои и къ прежнимъ занятіямъ разбѣжавшихся крестьянъ, опредѣленія власти и обязанностей повѣтоваго управленія, и приказанія ловить и доставлять въ полки, отстающихъ отъ нихъ въ дорогѣ и занимающихся мородерствомъ солдатъ.

Между прочимъ это самое временное правленіе разослало прокламаціи къ духовенству, дабы оно, вмѣстѣ съ народомъ, принесло благодареніе Богу въ костелахъ, за прибытіе Наполеона въ Польшу и Литву и молило Его о дальнѣйшихъ успѣхахъ французскаго оружія.—Странно! Эти люди носили имя христіянъ.—Неуже ли они могли подумать, что Богъ услышитъ молитвы явныхъ противниковъ его непреложнаго закона, утвержденнаго и освященнаго его пречистою кровію! Недолжно ли было этому самому

духовенству, которому дано было такое предписаніе, просвѣтить свѣтомъ истины ученія воплощенной любви, уклонившихся отъ указаннаго ею пути, и указать кто и о чемъ можетъ съ надеждою обращать моленія свои къ милосердному, но вмѣстѣ съ тѣмъ праведному и нелицемѣрному судіѣ? Но это духовенство забыло свои обязанности, и вмѣсто пути спасенія указывало путь погибели. Въ продолженіи нашего повѣствованія мы будемъ имѣть случай показать неоднократно, до какой степени преступнаго ослѣпленія доходили здѣшніе провозвѣстники слова спасенія и жизни.

30 іюня Наполеонъ далъ аудіенцію посламъ генеральнаго сейма польской конфедераціи, сенаторамъ и воеводамъ Вибицкому и Соболевскому, посламъ Солтыку, Тарновскому, Стадницкому, Александровичу, Бнинскому и Водзинскому. Они представлены были ему министромъ иностранныхъ дѣлъ герцогомъ Бассано. Президентъ депутаціи Выбицкій, произнесъ рѣчь, которую предлагаемъ здѣсь въ извлеченіи. Изъ нее читатели увидятъ до какой степени дерзости и ослѣпленія доходятъ тѣ, коихъ преслѣдуетъ неотвязная мысль. Они хотятъ обмануть другихъ, силятся обмануть самихъ себя, и употребляютъ часто очевидную ложь для поддержанія своихъ выводовъ, которые, само собою разумѣется, на такомъ основаніи удержаться не могутъ.

Рѣчь Выбицкаго.

«Сеймъ герцогства Варшавскаго, съ приближеніемъ могущественнаго воинства вашего императорскаго величества, обратилъ все стараніе свое на то, чтобы, сколько дозволили мѣстныя обстоятельства, ратники ваши не имѣли ни въ чемъ недостатка,— но чувствовалъ при первомъ своемъ собраніи, что наступило время потребовать вознагражденія за народныя обиды, и исполненія предначертаній, которыя важнѣе всего на свѣтѣ. По этой причинѣ сеймъ единодушно преобразился въ генеральную конфедерацію и провозгласилъ Польшу возстановленною во всѣхъ правахъ

своихъ, объявивъ ничтожными всѣ самовластныя дѣйствія, погубившія самостоятельность нашего народа.»

«Ваше императорское величество трудитесь для потомства и для исторіи цѣлаго міра, а исторія и потомство, равно какъ и вся Европа, не могутъ не знать нашихъ правъ, такъ какъ мы далёки отъ незнанія нашихъ обязанностей. Будучи народомъ свободнымъ и независимымъ отъ незапамятныхъ вѣковъ, мы не утратили ни земли, ни независимости нашей.

«Мы видѣли послѣдняго короля нашего, вывезеннаго въ Петербургъ, гдѣ онъ окончилъ жизнь свою. Мы видѣли, какъ нашъ край растерзанъ былъ на части, какъ раздѣлили его между собою царствовавшія лица.

«Мы имѣемъ право провозгласить себя поляками, возобновить величіе Ягеллоновъ и Собѣсскихъ, возвратить свой политическій бытъ, собрать разсѣянные члены, наконецъ вооружиться за отечество, сражаться за него, и показать міру, что мы еще достойны предковъ нашихъ. Однакожъ то, что составляетъ наши права, составляетъ также наши обязанности.»

«Благодаря вашему императорскому величеству уже четыре миліона поляковъ свободны и управляются польскими законами; но счастіе, которымъ они пользуются, не заглушило, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, чувствованія обязанностей, которыя возлагаетъ на нихъ отечество, онѣ начертаны на сердцѣ каждаго; на нихъ указываетъ небо.

«Осудите-ли ваше величество нашъ поступокъ, къ которому призываетъ насъ долгъ поляка? сочтете-ли намъ за зло, что мы возвратились подъ сѣнь нашихъ законовъ? Совершилось! съ этого часа отчизна наша Польша воскрешена. Законъ уже обезпечиваетъ ее бытъ. Утвердятъ ли его послѣдствія? Долгъ и законъ одобряютъ наше предпріятіе: но будетъ ли дѣйствовать въ пользу нашего дѣла могущество? Не ужели Богъ еще не насы-

тился наказаніемъ, которое послалъ за наше несогласіе? Неужели онъ захотѣлъ бы увѣковѣчить наше несчастіе и поляки, за то, что живили въ сердцахъ своихъ любовь къ отечеству, должны, въ отчаяніи и безъ надежды, сойти во гробъ? — Нѣтъ! Ваше императорское величество носланы Провидѣніемъ; его сила хранится въ васъ, и бытъ нашего герцогства есть произведеніе вашего могущества.»

«Конфедерація отправила насъ къ вашему императорскому величеству въ намѣреніи представить свой актъ на высочайшее ваше утвержденіе и испросить всемогущаго вашего покровительства королевству Польскому. Скажите всемилостивѣйшій государь: *королевство Польское существуетъ!* и этотъ приговоръ будетъ въ очахъ міра приговоромъ исполнившейся истины.»

«Насъ поляковъ 16 миліоновъ (!!!) и между ими нѣтъ ни одного, который не посвятилъ бы своихъ силъ, крови и имущества вашему императорскому величеству. Всѣ жертвы будутъ для насъ легки, когда дѣло пойдетъ о возстановленіи нашего отечества. На его голосъ отъ Двины до Днѣстра, отъ Днѣпра до Одера, всѣ станутъ съ оружіемъ въ рукахъ, всѣ посвятятъ вамъ свои сердца.»

«Вспомнивъ Аустерлицъ, Пултускъ, Ейлау и Фридландъ, вспомнивъ о клятвахъ въ Ерфуртѣ и Тильзитѣ, должно вѣрить, что эта война, которую теперь безразсудно объявила Москва есть осуждающій ее приговоръ Провидѣнія, которое, тронувшись нашими страданіями, предприняло положить имъ предѣлъ.»

«Едва объявлена эта вторая польская война, уже мы приносимъ дань преданности вашему императорскому величеству въ этой древней столицѣ Ягеллоновъ; уже орлы ваши покрыли берега Нѣмана; уже русскія войска, разбитыя, раздѣленныя, разсѣянныя, блуждаютъ безъ цѣли и силятся безполезно соединиться и устроиться.»

«Польза государства вашего императорскаго величества требуетъ возстановленія Польши; безъ сомнѣнія и слава французскаго народа требуетъ того же. Если раздѣленіе Польши было

признакомъ прибилиженія къ упадку французской монархіи, пусть же возстановленіе ея будетъ доказательствомъ новаго благосостоянія Франціи. Сколько разъ Польша обременена была тягостію притѣсненій, всегда, въ продолженіи трехъ вѣковъ, обращала взоры свои къ Франціи-этому великодушно-могущественному народу. Но предопредѣленіе отсрочало исполненіе нашихъ желаній до начальника четвертой династіи, скажу, до Наполеона Великаго, передъ которымъ политика трехъ вѣковъ содѣлалась предметомъ одного мгновенья, а пространство отъ юга къ сѣверу, которое съ трудомъ можно измѣрить, обнялъ одинъ его взглядъ.»

«Всемилостивѣйшій государь! подвергаемъ передъ вами актъ конфедераціи, которымъ объявлено возрожденіе и существованіе Польши. Въ присутствіи вашемъ, именемъ всѣхъ братій нашихъ, возобновляемъ самые торжественные обѣты, что будемъ стараться привести къ окончанію всѣ наши намѣреція соединеніемъ въ одно всѣхъ воль, всѣхъ силъ, и если нужно будетъ, пролить всю кровь текущую въ жилахъ нашихъ. Благопріятный успѣхъ увѣнчаетъ столь великое предпріятіе, если покровительство вашего императорскаго величества захочетъ поддержать его.»

Здѣсь не мѣсто разбирать подробности этой рѣчи, заключающей въ себѣ столько натянутаго и неосновательнаго. Это замѣтитъ каждый безпристрастный читатель при первомъ на нее взглядѣ. Гораздо искуснѣе былъ отвѣтъ Наполеона. Онъ не выводилъ депутатовъ изъ очарованія, не отнималъ у нихъ надежды, но и не обѣщалъ ничего рѣшительнаго. Вотъ его отвѣтъ:

„Господа депутаты польской конфедераціи!“ „Я внималъ съ чувствомъ тому, что вы мнѣ говорили. Еслибъ я былъ полякъ, то думалъ бы и дѣйствовалъ какъ вы. Въ варшавскомъ собраніи подавалъ-бы такой же голосъ, какъ вы. Въ моемъ положеніи я имѣю множество дѣлъ, которыя долженъ привести къ окончанію, и множество обязанностей, которыя долженъ исполнить. Еслибъ я царствовалъ во время перваго, втораго и третьяго раздѣленія Польши, я вооружилъ-бы весь мой

народъ, для поддержанія вашего. Какъ только побѣды дозволили мнѣ возвратить вашей столицѣ и нѣкоторымъ областямъ древнія права ваши, я сдѣлалъ то поспѣшно, безъ продолженія однакоже войны, которая точила бы еще кровь моихъ подданныхъ.“

„Я люблю вашъ народъ. Въ продолженіи 16-ти лѣтъ я видѣлъ при себѣ вашихъ ратниковъ на поляхъ Италіи и Испаніи.“

„Хвалю все сдѣланное вами. Одобряю поприще, на которое вы устремились. Сдѣлаю все, что будетъ зависѣть отъ меня для поддержанія вашихъ предпріятій.“

„Если усилія ваши будутъ согласны, можете надѣяться заставить вашихъ непріятелей признать ваши права. Но въ этихъ отдалѐнныхъ и обширныхъ странахъ можете основывать успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ только на единомысліи въ дѣйствіяхъ всѣхъ жителей.“

„Я говорилъ вамъ тоже самое, когда явился первый разъ на польской землѣ. Теперь я долженъ присовокупить, что я обѣщалъ Австрійскому императору сохранить цѣлость его государства, и что не могу согласиться ни на какое движеніе, которое угрожало бы спокойному его владѣнію областями, оставшимися ему отъ Польши. Пусть тотъ же духъ, который я видѣлъ въ великой Польшѣ, оживляетъ Литву, Жмудь, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Украйну и Подолію,—и Провидѣніе увѣнчаетъ благопріятными успѣхами святость вашего дѣла. Оно вознаградитъ васъ за тѣ пожертвованія для отечества, которыя преклонили къ вамъ всѣ сердца, которыми вы пріобрѣли столько права на мое уваженіе и покровительство, въ коемъ вы во всякомъ случаѣ можете быть совершенно увѣрены.»

Въ тотъ же самый день дана была Наполеономъ аудіенція жмудскимъ депутатамъ: Гѣлгуду, Билевичамъ, Бялозору, Іеленскимъ, и другимъ помѣщикамъ прибывшимъ по этому случаю въ Вильну. Дворяне виленской губерніи вооружались на свой счетъ и составили почетную гвардію подъ начальствомъ князя Огинскаго. Въ нее поступили между прочими помѣщики Пилсудскій, Бріоте, Плятеръ, Ренне, Ромеръ, Хлевинскій, Ленкѣвичь, Чарновскій, Носаржевскій, Іеленскій, Помернацкій, Стравинскій,

2 Воловича, Пузына, Лясковичь, Забѣлло, Нарбутъ, Михаловскій, Абрамовичь, Вѣпржовскій, Лавриновичь, Могильницкій. Они поступили потомъ въ литовскую гвардію, формируемую французскимъ бригаднымъ генераломъ Конопкою.

Въ воскресные дни епископъ Коссаковскій приглашаемъ былъ для служенія литургіи въ устроенной для Наполеона часовнѣ въ занимаемомъ имъ домѣ. Онъ награжденъ былъ за то, при выѣздѣ Наполеона изъ Вильна, бриллянтовымъ перстнемъ. Ксендзамъ, участвовавшимъ въ богослуженіи, даны разныя подарки. Причетники получили значительныя денежныя награды.

Со дня вступленія французовъ въ Вильну происходили въ немъ безпрерывныя празднества. Провозвѣстники новыхъ мнимо патріотическихъ идей пользовались каждымъ случаемъ, чтобы ошеломить населеніе торжественностію своихъ дѣйствій, чтобы сбить его съ пути и не дать ему времени образумиться. Во время этихъ празднествъ словоохотные поджигалы не пропускали случая блеснуть своими рѣчами, которыя хотя составлены были на одинъ ладъ, но не менѣе того забавляли массу, какъ предметъ совершенно для нея новый. Такимъ образомъ 28 іюня провозглашенъ былъ въ каѳедральномъ костелѣ актъ польской конфедераціи, въ присутствіи членовъ временнаго правленія и всѣхъ новоучрежденныхъ властей, также членовъ судебныхъ мѣстъ, старшинъ народной гвардіи и множества другихъ лицъ разнаго званія и пола наполнявшихъ костелъ. По окончаніи литургіи, которую совершалъ епископъ Коссаковскій, и пропѣтіи гимна Тебѣ Бога хвалимъ, президентъ временнаго правленія произнесъ рѣчь, въ которой провозгласилъ актъ конфедераціи. Окружавшая его молодежъ крикнула: *да здравствуетъ императоръ великій Наполеонъ!* а какъ подобныя выходки заразительны, то неудивительно, что толпа, которая часто не знаетъ о чемъ происходитъ дѣло, повторила нѣсколько разъ это восклицаніе. Жаль только, что для проявленія такого буйнаго восторга выбранъ храмъ Христовъ, для святости котораго подобныя продѣлки всегда составляютъ оскорбленіе.—Но это было только начало того, что въ

послѣдствіи сдѣлалось предметомъ омерзенія и осужденія самыхъ противниковъ христіанской религіи.

Коль скоро возгласы утихли, ксендзы запѣли *Salvum fac imperatorem Napoleonem.* Потомъ объявлено было, что временное правленіе, желая *освятить* память этого дня, опредѣлило дать приданое двумъ дѣвушкамъ по 1000 злотыхъ, и выдать ихъ замужъ: одну литвинку за поляка и одну польку за литовца, въ знакъ соединенія въ этотъ день двухъ народовъ. Нашлась первая пара, и въ тужъ минуту была обвѣнчана.— О другой парѣ не сообщили намъ свѣденій ни документы, ни изустныя преданія.

Послѣ этой церемоніи всѣ власти обратились къ герцогу Бассано для врученія ему акта конфедераціи, съ просьбою представить его императору. Въ этотъ день во многихъ домахъ приготовлено было изобильное угощеніе; а въ вечеру ратуша и городъ великолѣпно освѣщены. Въ театрѣ, въ этотъ разъ, дана была безплатно для публики любимая ею опера *Краковяки.* Великолѣпный балъ заключилъ торжество. Балъ этотъ данъ былъ графомъ Пацомъ, который украсилъ его всевозможнымъ блескомъ убранства, освѣщенія, транспарантами, надписями, наконецъ великолѣпнымъ угощеніемъ. На балѣ находились всѣ мѣстныя власти, французскія и польскія и офицеры и дворянство западныхъ губерній.

Коль скоро возвѣщено было въ залахъ собранія о прибытіи на балъ Наполеона, французскіе маршалы и знатнѣйшіе чиновники стремительно бросились изъ залы на лѣстницу, чтобы встрѣтить его у подъѣзда. Для принятія его на лѣстницѣ наряжены были многія дамы, а великій конюшій Коленкуръ опустилъ ступеньки кареты, при выходѣ изъ нея императора. Проходя по лѣстницѣ, покрытой драгоцѣнными тканями, Наполеонъ непоклонился ожидавшимъ его на ней дамамъ, не удостоилъ ихъ своего взгляда, и даже, какъ увѣряютъ очевидцы, обратился къ нимъ спиною. Вошедъ въ главный залъ, и сказавъ нѣсколько словъ нѣкоторымъ дамамъ, онъ сѣлъ на приготовленный ему родъ престола, оттолкнувъ ногою подушку, положенную на полу у креселъ. Тогда раздался почти повелительный голосъ, позволявшій дамамъ садиться

и начались танцы. Наполеонъ смотрѣлъ нѣсколько времени на танцовавшихъ, потомъ поговорилъ съ лицами, составлявшими его дворъ, прошелся по комнатамъ, въ которыхъ забавлялись приглашенные на балъ, потомъ, сказавъ нѣсколько словъ хозяину бала, удалился провожаемый громкими восклицаніями. Неодинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ балѣ вспомнилъ съ невольнымъ умиленіемъ кротость и привѣтливость императора Александра, который за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, въ томъ самомъ домѣ, очаровалъ все собраніе своимъ ласковымъ и любезнымъ обращеніемъ. Наполеонъ, казалось, хотѣлъ дать почувствовать собранію, что онъ дѣлаетъ ему милость прибывъ на приготовленное для него празднество.— Когда онъ входилъ въ комнаты, въ которыхъ сидѣли дамы, французскіе офицеры возглашали довольно громко: „levez vous mes dames! l' Empereur est debout:" Никто въ залѣ не смѣлъ сидѣть, когда онъ стоялъ.

Къ числу украшеній, которыми графъ Пацъ хотѣлъ придать болѣе блеска приготовленному имъ балу, принадлежала великолѣпная иллюминація его дома. Надъ воротами его видны были два транспаранта. На одномъ изображенъ былъ Наполеонъ, указующій на Геркулеса и женщину въ польской коронѣ, освобожденную отъ оковъ, а вблизи ихъ находилось чудовище, на которое парящій орелъ бросалъ громы. Второй изображалъ два связанные щита съ гербами польскимъ и литовскимъ, которые въ когтяхъ своихъ держалъ французскій орелъ.

2-го іюля составленъ и подписанъ въ Вильнѣ актъ приступленія Литвы къ польской конфедераціи слѣдующаго содержанія.

«Мы члены временнаго правленія въ в. кн. литовскомъ, администрація виленскаго департамента, свѣтское и монашествующее духовенство латынское, греко-унитское и другихъ исповѣданій, академія, судебныя власти, маршалъ, подпрефектъ съ земскими обывателями, президентъ съ муниципальными чиновниками, и всѣ сословія города и собраніе жителей княжества литовскаго, находящихся нынѣ въ Вильнѣ, собравшись въ каѳедральномъ костелѣ, въ присутствіи гг. сенаторовъ и пословъ, уполномоченныхъ сеймомъ и конфедераціею варшавскою, выслушали прочитанный и

записанный здѣсь актъ оной, заключающій въ себѣ похвальное предначертаніе: дабы раздѣленныя земли королевства польскаго и вел. кн. литовскаго соединились снова въ одно политическое тѣло и возвратились въ нѣдра древняго своего отечества, подъ его законы и обладаніе. Соединяясь, вѣнчаются всѣ наши желанія, усилія и средства къ достиженію столь блистательной и вожделѣнной цѣли. Мы присоединяемся къ варшавской конфедераціи и этотъ актъ присоединенія, яко братскій и гражданскій союзъ, въ храмѣ и присутствіи Бога, пользуясь всемогущею и милостивою Его помощію, собственноручно подписываемъ. Въ Вильнѣ въ каѳедральномъ костелѣ $^{2}/_{14}$ іюля 1812 года.»

Актъ этотъ, какъ видно изъ его содержанія, провозглашенъ былъ въ виленскомъ каѳедральномъ костелѣ въ присутствіи многочисленнаго собранія. Совѣщаніе открылъ Сѣраковскій безконечною рѣчью, наполненною обыкновенными выходками польскихъ революціонеровъ, клеветою на русское правительство, оскорбленіями русской народности, прославленіемъ мнимыхъ достоинствъ и добродѣтелей польскаго народа, предсказаніемъ быстрыхъ успѣховъ Наполеону, униженія Россіи, блистательнѣйшей участи Польшѣ, однимъ словомъ всѣмъ, что можетъ внушить безотчетная страсть и ослѣпленіе. Въ продолженіи цѣлаго дня было большое движеніе на улицахъ и площадяхъ, а ввечеру великолѣпная иллюминація. Въ особенности красовался домъ Паца, въ которомъ данъ былъ блестательный балъ, продолжавшійся до 5-ти часовъ утра.—Наполеонъ находился въ числѣ гостей.

Около того же времени обнародована, составленная 25 іюля временнымъ правленіемъ, слѣдующая прокламація къ полякамъ, находившимся въ русской службѣ:

«Поляки! Вы служите подъ знаменами Россіи. Эта служба была законная, пока отечество находилось во гробѣ, и пока война ведена была по политическимъ дѣламъ государствъ. Теперь все перемѣнилось! Польша воскресла. Нынѣшняя война имѣетъ цѣлію возвратить цѣлость нашему отечеству и принудить Россію къ признанію правъ, которыхъ могли насъ только лишить несправедливость и тиранское присвоеніе. Генеральная конфедераці

Польши и Литвы отозвала поляковъ изъ русской службы. Генералы, офицеры, солдаты поляки! Услышьте голосъ отечества! Бросьте службу вашихъ притѣснителей и станьте подъ орлами Ягайловъ, Казимировъ, Собѣскихъ! Отечество васъ призываетъ, а честь и вѣра повелѣваютъ.—

Къ чести благомыслящихъ поляковъ прокламація эта неимѣла никакого дѣйствія. Находившіеся въ рядахъ русской арміи поляки не отставали отъ русскихъ въ подвигахъ храбрости и самоотверженія. Между множествомъ поляковъ, отличившихся вѣрностію къ русскому правительству въ эту достопамятную войну, генералъ Чаплицъ, родомъ полякъ, разбилъ, впослѣдствіи, совершенно и взялъ въ плѣнъ того самаго Конюпку, который формировалъ въ Вильнѣ литовскую гвардію.

Еще прежде постановленія 2 іюля составилась въ Гроднѣ конфедерація 20 іюня подъ предсѣдательствомъ Панцержинскаго. Актъ ея подписали 182 человѣка.

Въ ночь, съ 4-го на 5-е число іюля, Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильна, въ которомъ остались министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано, баронъ Жомини, какъ генералъ-губернаторъ и баронъ Биньонъ, въ качествѣ императорскаго коммиссара при временномъ правленіи. Императоръ оставилъ Вильну, волнуемую восторгомъ, удивленіемъ и надеждами, которыя, спустя пять мѣсяцевъ, должны были превратиться въ уныніе при видѣ жалкихъ остатковъ его огромной арміи, возвращавшейся въ самомъ отчаянномъ положеніи. Этотъ ужасный и вмѣстѣ поучительный примѣръ долженъ былъ убѣдить жителей здѣшняго края въ ненадежности предначертаній, какія внушаютъ страсти, и непрочности могущества, пріобрѣтеннаго человѣческими соображеніями какого бы то ни было генія. Но къ несчастію этотъ важный урокъ подѣйствовалъ на нихъ не на долго, и спустя 18 лѣтъ они увлеклись еще неосновательнѣйшимъ ослѣпленіемъ и подвергли себя и край несравненно чувствительнѣйшимъ бѣдствіямъ. Въ этотъ однакожъ кратковременный періодъ все, что льстило страстямъ, казалось имъ не только сбыточнымъ, но даже естественнымъ.

Восторгамъ не было предѣловъ. Литовскій курьеръ увѣряетъ даже, что, во время вступленія французскихъ войскъ въ Вильну, одинъ гражданинъ умеръ отъ радости. (!!)

Со времени удаленія Наполеона изъ Вильны, ни временное правленіе, ни оставленные имъ чиновники, не въ состояніи были удержать въ предѣлахъ порядка и строгой подчиненности проходившія безпрестанно по западнымъ губерніямъ войска разныхъ народовъ. Грабежи и насилія умножались съ каждымъ днемъ. Великое число солдатъ, отставая случайно, а иногда и умышленно, отъ полковъ, занималось марадерствомъ и раззорило помѣщичьи дворы и селенія. Близъ самой Вильны необузданное своевольство французовъ превратило въ развалины прекрасный замокъ въ Закретѣ, отстроенный и украшенный съ отличнымъ вкусомъ генераломъ Бенигсеномъ, а также великолѣпный дворецъ въ Веркахъ, бывшее мѣстопребываніе виленскаго епископа Массальскаго. Оба эти зданія никогда уже небыли возобновлены.— Замокъ въ закретѣ представляетъ понынѣ одинъ грустный видъ разоренія, а Верковскій дворецъ совершенно изчезъ съ лица земли.— Изъ уѣздовъ безпрестанно приходили вѣсти о новыхъ насиліяхъ и грабежахъ, причиненныхъ марадерами, а иногда и проходящими солдатами и ихъ офицерами.— Польскіе революціонеры, кои обнаружили столько энтузіязма при вступленіи французовъ въ предѣлы Россіи, первые почувствовали тягость того благодѣянія, которое, какъ они громко и публично проповѣдывали, ниспослано имъ было небомъ.

Между тѣмъ акты присоединенія къ конфедераціи происходили въ разныхъ мѣстахъ виленской губерніи и въ разныя времена.— Такимъ образомъ въ продолженіи іюня и іюля мѣсяцевъ составились такія акты въ Брестѣ, Вилкомирѣ, Ошмянѣ, Тельшахъ, Свенцянахъ и Россіенахъ. Съ самою большою торжественностію составленъ былъ этотъ актъ въ Ошмянѣ. Совѣщаніе происходило въ доминиканскомъ костелѣ, по окончаніи котораго подпрефектъ Іосифъ Забѣлло пригласилъ къ обѣду французскаго генерала, офицеровъ и присутствовавшихъ при совѣщаніи.— Въ концѣ обѣда провозглашены были тостъ за здоровье Наполеона, ко-

роля Саксонскаго и успѣхъ французскаго орудія. Ввечеру городъ былъ ярко освѣщенъ, въ особенности ратуша, передъ которой находились два транспаранта съ разными изображеніями, приводящими на память Наполеона и возобновленіе самостоятельности Польши. Замѣчательна слѣдующая надпись на одномъ изъ транспарантовъ по своей оригинальности и высокопарности:

«Тѣ, которыя пожертвовали жизнію и кровью, чтобъ отыскать гробъ и воскресить мать,

Прошедъ широкое пространство,
Здѣсь нашли его остатки.
Душа жила въ ея сынахъ,
Надъ Вислой дышала надежда.
Тѣло надъ Нѣманомъ, въ развалинахъ,
Закопалъ несчастный жребій.
Здѣсь мститель за обиду, который спасаетъ народы,
Собралъ мужественныя племена всѣхъ государствъ,
Сталъ и воскликнулъ: впередъ храброе племя!
Поднимите мать! забирайте землю!

Таками то игрушками забавлялось вѣтренное племя, невоображая, что черезъ четыре мѣсяца обнаружиться самая мрачная дѣйствительность.

13 іюля обнародованъ въ Вильнѣ списокъ новоназначеннымъ литовскимъ чинамъ:

Члены временнаго правленія. Станиславъ Солтанъ, Карлъ Прозоръ, Іосифъ Сѣраковскій, князь Александръ Сапѣга, Францъ Іельскій, Иванъ Снядецкій, генеральный секретарь Іосифъ Коссаковскій. Совѣтники комитетовъ: *продовольствія и магазейновъ* Солтанъ (президентъ), Лаппа, Горновскій, Ясинскій, Ѳома Вилейко, Іосифъ Кѣвличь. *Полиціи:* Прозоръ (президентъ), князь Павелъ Сапѣга, Викентій Залѣсскій, Малевичь, Пржецишевскій. *Финансовъ*: Сѣраковскій (президентъ), Антоній Ляхницкій, Листовскій, Тарановскій, Понятовскій, Казимиръ Швейковскій, Михаилъ Залѣскій, Домбровскій, Пашковскій. *Военной силы*: князь Александръ Сапѣга (президентъ), графъ Тышкѣвичь, князь Гедройць, генералъ Коссаковскій, графъ Ходкѣвичь, князь Павелъ

Сапѣга, Антоній Храповицкій, Лапча, Іосифъ Коссаковскій, Косѣльскій; *юстиціи*: Іельскій (президентъ), Михаилъ Ромеръ, Антоній Ляуданскій, Балинскій, Ѳома Умястовскій, Валентій Горецкій; *внутреннихъ дѣлъ*: Александръ Потоцкій (президентъ), Реппо, Зенонъ Махвицъ, Кордзиковскій, Микуличь, Николай Абрамовичь, Антоній Гелгудъ, Струмилло; *просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ*. Сидецкій (президентъ), епископъ Коссаковскій, уніатскій епископъ Головня, Іеленскій, Евстафій Карпъ, Ѳаддей Кукѣвичь.—

Члены администраціи виленскаго департамента: графъ Игнатій Тызенгаузъ, графъ Адамъ Хребтовичь, Волловичь, графъ Фердинандъ Плятеръ, *начальникъ почетной гвардіи;* князь Гавріилъ Огинскій; подпрефекты: *виленскій* князь Иванъ Гедройць; *трокскій* Іосифъ Петриковскій: *вилкомирскій* Мориконн; *завилейскій* (свенцянскій) Пжездзѣцкій; *браславскій*: (новоалександровскій) Вавржецкій; *ковенскій* Забѣлло;. *упитскій* (поневѣжскій) Брунновъ; *россіенскій* Мицевичь; *шавельскій* Виткѣвичь; *тельшевскій* Пилсудскій;— *муниципальные чиновники города Вильны*: *президентъ* Михаилъ Ромеръ; *адъюнкты*: Симонъ Малевскій, Калистъ Даниловичь, Игнатій Войничь, купецъ Следзинскій; *члены муниципальнаго совѣта*: Антоній Храповицкій, Францъ Чижъ, Мальчевскій, Фроландъ, Шимкѣвичь, Войницкій, Нейманъ, купцы: Рейзеръ, Маузеръ, сѣдельникъ Максъ, музыкантъ Статковскій, и б. бургомистръ Борковскій:— *жандармы департамента*: комендантъ Антоній Храповицкій, шефы: князь Стефанъ Гедройць, Станиславъ Радзишевскій; *народная гвардія*: комендантъ Косельскій, баталіонные командиры Францесомъ и Заиржевскій.—

Это собраніе чиновъ импровизированнаго государства не успѣло не только удовлетворить мѣстнымъ требованіямъ, но даже ознакомиться съ ними. Существованіе ихъ было кратковременно, а по возобновленіи законнаго порядка необращено на нихъ никакого вниманія, какъ будто они никогда не существовали. — Оставшійся печатанный имъ списокъ передалъ только памяти потом-

ства ихъ легкомыслiе и неосновательныя затѣи, которыя само Провидѣнiя пристыдило такъ скоро и неожиданно.—

Того же 13 Iюля совершемо было въ Вильнѣ во всѣхъ костелахъ торжественное богослуженiе, для испрошенiя успѣха Французскимъ войскамъ. Въ костелѣ св. Духа оно сопровождаемо было музыкою, а ксендзъ Кошко произнесъ проповѣдь на текстъ: «истинные сыны отечества недолжны щадить достоянiй своихъ и жизни, для освобожденiя его изъ непрiятельскихъ рукъ, потому что такая любовь составляетъ не только нравственную, но даже религiозную добродѣтель.» Гимнъ: «Тебѣ Бога хвалимъ» заключилъ богослуженiе. Ввечеру на виленскомъ театрѣ представлена была драмма: *возстановленiе отечества*. Легко представить какъ велико было число, посѣтителей и какiя раздавались рукоплесканiя.—

Наступило 3 августа, день рожденiя Наполеона. Въ этотъ день какъ Вильна, такъ и прочiе города сѣверо западнаго края, старались превзойти одинъ другого въ изобрѣтенiи торжествъ, которыя могли бы оживить и украсить этотъ праздникъ. Описывая это событiе приведемъ нѣсколько словъ, помѣщенныхъ объ немъ въ Литовскомъ курьерѣ:

«Съ давняго времени литовцы завидовали счастiю поляковъ, которые могли свободно праздновать день рожденiя Наполеона. Вчера (3 августа) исполнились наши желанiя. На берегахъ Вилiи загремѣли тѣ радостные восклицанiя, которыя въ продолженiи пяти лѣтъ раздавались надъ Вислою. Вскорѣ они будутъ раздаваться отъ Балтiйскаго до Чернаго моря (1). Вчера въ святынѣ Ягеллоновъ, также какъ и во храмѣ Болеславовъ, отозвались тѣ пѣнiя, пламенныя молитвы и желанiя, которыя, со времени славной италiанской кампанiи, каждый полякъ возсылаетъ къ Провидѣнiю и къ Наполеону. (!!)

(Этого никогда небыло. Въ продолженiи 16 лѣтъ, въ сѣверозападномъ краѣ, мало кто думалъ о Наполеонѣ.—Каждый за-

1) Между тѣмъ имъ суждено было умолкнуть на всегда не только въ Вильнѣ, но и въ Варшавѣ.—

нимался своимъ дѣломъ спокойно, и благодарилъ Бога ниспослание ему безопасности и защиты отъ насилія, которыя доставили ему отеческія попеченія человѣколюбивыхъ государей. А какъ народъ понималъ благодѣянія неба, и какъ сильно чувствовалъ важность излившихся на него милостей, свидѣтельствуетъ двукратная встрѣча императора Александра въ стѣнахъ Вильна.— Но возвратимся къ разсказу).

Ввечеру 2-го числа громъ пушекъ возвѣстилъ торжество наступающаго дня. Въ городѣ трудились цѣлую ночь надъ приготовленіями для празднества. На другой день утромъ артиллерія снова загремѣла. Многочисленные отряды французскихъ войскъ показались въ парадѣ на площади и промаршировали передъ генералъ-губернаторомъ. Генералы и офицеры штаба отправились къ генералу Гогендорпу, а потомъ представлялись министру иностранныхъ дълъ, у котораго уже собрались всѣ гражданскія власти. Всѣ они отправились въ каѳедральный костелъ. Французская гвардія, построенная въ двѣ шиׁринги стояла посреди зданія. Только что сформированная литовская гвардія стояла на ступеняхъ большаго олтаря. Почетная гвардія окружала престолъ, предназначенный для Наполеона. Военныя и гражданскія власти помѣстились въ пресвитеріи, прочіе въ остальной части костела. Епископъ князь Пузына, въ торжественномъ облаченіи совершалъ литургію при звукѣ музыки. Во время посвященія даровъ гвардія взялась за оружіе и сдѣлала *накараулъ*. Прелатъ Длусскій читалъ проповѣдь на текстъ: «Богъ послалъ своего ангела для освобожденія невинности изъ рукъ Ирода.» Текстъ этотъ объясненъ въ концѣ проповѣди такимъ образомъ, что поляки должны почитать посланника небесъ и любить свою мать (родину); что жертвами для отечества и возвращеніемъ къ обычаямъ Казимировъ и Сигизмундовъ должны загладить *первыя* свои погрѣшности. Въ это время толпа, окружая портикъ костела, кричала безпрерывно: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель поляковъ.»

По окончаніи богослуженія все духовенство обратилось съ поздравленіемъ къ министру иностранныхъ дѣлъ. Туда же отпра-

вился президентъ города Ромеръ съ муниципальными чиновниками и всѣми цѣхами, которые отдавали честь хоругвями, когда онъ изъявлялъ передъ министромъ чувства города. Оттуда пошли къ генералу Гогендорпу, барону Биньону и барону Жомини. Потомъ президентъ приказалъ поставить на площади огромные столы, на которыхъ приготовлено было угощеніе для народа.— Непропуская ни одного случая, гдѣ бы можно было отличиться своимъ патріотическимъ краснорѣчіемъ, Ромеръ выступилъ передъ народомъ съ рѣчью, наполненною многократно написанными, напечатанными и продекламированными фразами, кои каждый разъ предлагаемы были публикѣ, какъ нѣчто новое.— Это угощеніе продолжалось отъ 4 до 9 часовъ вечера. — Водка и пиво раздаваемы были въ изобиліи; а потому неудивительно, что пировавшіе, ходя цѣлую ночь по улицамъ, кричали «да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ ея мститель! Да здравствуетъ его непобѣдимое войско!»—Министръ иностранныхъ дѣлъ далъ великолѣпный обѣдъ, на которомъ находились знатнѣйшіе военные и гражданскіе чины.

На театрѣ, въ этотъ день, безплатно для публики представляли оперу *Краковяки*, которая, (какъ увѣрялъ Литовскій курьеръ) «всегда принимается съ большимъ восторгомъ, потому что пробуждаетъ чувства любви къ отечеству и ненависти къ его притѣснителямъ.» (Не знаю изъ чего выведено такое заключеніе. Содержаніе піэсы непредставляетъ ни того ни другого).—Послѣ спектакля высшая публика отправилась на балъ, приготовленный обывателями. Цѣлый домъ, назначенный для него, сіялъ снаружи и внутри тысячами разноцвѣтныхъ огней. — При концѣ великолѣпнаго ужина, провозглашенъ былъ тостъ за здоровье Наполеона и успѣхи его арміи.

Посреди безчисленнаго множества огней, освѣщавшихъ фронтонъ ратуши, находилось между колонами пять транспарантовъ; на среднемъ и самомъ большомъ изображены были два улана польскій и литовскій, окруженные множествомъ соотечественниковъ, возносящихъ руки къ вензелю Наполеона, и орлу, метающему громы. — Они соединяли свои сабли на защиту двухъ женщинъ, обнимавшихся и представлявшихъ Польшу и Литву. Внизу нахо-

дилась надпись: *Animumque vocatus magnanimi Herois.* На боковыхъ транспарантахъ, изображавшихъ трофеи, окруженные польскими знаменами, видны были слѣдующія слова: *Redidit hic suis vietricia signa Polonis;—Dulci et decorum pro patria mori.* На иллюминованныхъ университетскихъ воротахъ видѣнъ былъ въ транспарантѣ Геркулесъ, ведущій музъ. Подъ украшеннымъ короною вензелемъ Наполеона находилась надпись: *Herculi Musarum*, а внизу: *Tam bene conveniunt, illae huius nomine tuta. Clarns hic illarum vocis et artis ope.* Еврейская школа, также какъ и дворъ ея и ворота освѣщена была богато и великолѣпно. Всю ночь играла музыка и въ школѣ продолжались моленія. Разныя надписи изъ псалмовъ сіяли вмѣстѣ съ именемъ Наполеона. Между частными домами обращалъ въ особенности на себя вниманіе домъ заслуженнаго профессора каноника Богуславскаго. Тамъ изображенъ былъ въ транспарантѣ, пылающій на Виліи мостъ, бѣгущій непріятель, работники, трудящіеся надъ постройкою двухъ мостовъ. Посреди этихъ предметовъ видѣнъ былъ Наполеонъ, сидящій на скамьѣ на берегу рѣки и разговаривающій съ ректоромъ духовныхъ училищъ, а около него толпящійся народъ. Далѣе два улана, плывущіе черезъ рѣку, а другіе два бѣгущіе по мосту вслѣдъ за удалявшимся непріятелемъ. Вверху надпись *Wilno oswobodzone* 28 (16) *czerwca* 1812 *roku*, внизу: *Virtus non territo monstris.*

По случаю описаннаго празднества появилась въ Вильнѣ ода, сочиненная профессоромъ польской словесности въ виленскомъ университетѣ Словацкимъ. Ода эта, наполненная такими же воспоминаніями, прославленіемъ небывалыхъ подвиговъ, предсказаніями, и вообще дѣтскою фантазіей, какими отличались рѣчи тогдашнихъ ораторовъ, по изгнаніи Наполеона совершенно исчезла съ лица земли.

Подобныя торжества происходили въ тотъ самый день въ Свенцянахъ, Шавляхъ, Тельшахъ, Россіенахъ Волковыскѣ и Лидѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ празднество это сопровождаемо было особенною торжественностію. Во время богослуженія внутренность костела украшена была гирляндами изъ

цвѣтовъ, окружавшими вензель Наполеона и надписями. У подпрефекта былъ великолѣпный обѣдъ. Ввечеру явилась на Виленской улицѣ ярко освѣщенная трехсторонная пирамида. На одной сторонѣ видѣнъ былъ въ транспарантѣ вензель Наполеона, окруженный лаврами и лучами, на другой и на третьей разныя надписи стихами.—По данному сигналу, выстрѣлами изъ пушекъ, подпрефектъ, съ собравшимися у него гостями, отправился къ пирамидѣ. По прибытіи его раздались громкіе восклицанія: *да здравствуетъ и долгоденствуетъ императ ръ и король— нашъ избавитель!* Осмотрѣвъ пирамиду подпрефектъ и прибывшіе съ нимъ дворяне и дамы отправились въ его домъ, въ которомъ начался балъ, продолжавшійся до восхожденія солнца. На воротахъ и стѣнѣ Доминиканскаго и на одной стѣнѣ Францишканскаго костеловъ находились также иллюминованные транспаранты съ разными изображеніями и надписями.

Описывая это празднество, скажемъ еще объ немъ нѣсколько словъ. Въ рѣчи, произнесенной Ромеромъ на площади, во время угощенія народа въ Вильнѣ, помѣщены слѣдующія выраженія: «Эта площадь, на которой стоимъ, отъ нынѣ на вѣчныя времена будетъ носить названіе Наполеоновой площади. Могущественная рука его сокрушила цѣпи, скованныя некогда происками измѣнниковъ, закаленныя несогласіемъ гражданъ, и возложенныя на насъ насиліемъ московскимъ. Народъ! Нѣтъ уже цѣпей! Ты дышешь свободнымъ отечественнымъ воздухомъ, твои мысли, чувствованія и всѣ дѣйствія свободны. Тебя неожидаетъ уже Сибирь, а *москаль*, который ею угрожалъ, самъ будетъ теперь искать убѣжища въ ея пустыняхъ.» Провидѣніе, котораго дѣйствія всегда быстры и праведны, вскорѣ посрамило лжепророка.— Площадь никогда неносила имени Наполеонова, а *Москаль*, вмѣсто того, чтобы искать убѣжища въ сибирскихъ пустыняхъ, явился, въ полномъ торжествѣ, на этой самой площади и заставилъ, какъ оратора, такъ и подобныхъ ему возмутителей, бѣжать въ отдаленный уголъ, чтобы скрыть свой стыдъ и униженіе.

11 августа въ Вильнѣ выбраны 2 депутата въ варшавскую конфедерацію: докторъ медицины Шимкѣвичь и секретарь го-

родоваго совѣта Позлевѐль. Происходившее по этому случаю засѣданіе открыто было рѣчью президента Ромера, который опять явился на поприще ораторства и засыпалъ присутствовавшихъ избитыми и обветшалыми фразами, повторяемыми безпрерывно, какъ-бы изъ опасенія, чтобы слушатели ихъ не забыли.

15 августа Вильна праздновала день имянинъ французской императрицы Маріи Луизы. Графъ Гогендорпъ пригласилъ многочисленную публику къ обѣду, а герцогъ Бассано далъ великолѣпный балъ съ богатымъ угощеніемъ, иллюминаціей и фейерверкомъ. Городъ былъ освѣщенъ съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ и въ день рожденія Наполеона. Каноникъ Богуславскій поставилъ передъ домомъ своимъ транспарантъ, изображавшій Парижъ, а надъ нимъ славу, провозглашающую взятіе Смоленска, также короля римскаго, разъѣзжающаго въ присутствіи матери по террасѣ тюлерійскаго дворца въ колесницѣ, запряженной овечками, за транспарантомъ раздавалась вокальная и инструментальная музыка.—

Представляемъ на судъ совѣсти каждаго благомыслящаго человѣка эти столь противуположныя чувства, которыя измѣнились въ столь короткое время. Что должно подумать объ нихъ? Какъ истолковать этотъ внезапный переходъ отъ самаго пламеннаго энтузіязма къ русскому государю, до боготворенія его непріятеля? чтожъ значили возгласы Литовскаго курьера, который должно считать органомъ проявленія чувства народа,—эти великолѣпныя встрѣчи, свидѣтельства преданности, иллюминаціи, транспаранты и наконецъ восторженная кантата въ честь Александра I, когда вслѣдъ за тѣмъ, тоже самое, еще съ большимъ усиліемъ, расточаемо было непріятелю его. Изъявленія и тѣхъ и другихъ чувствъ обнародовано, напечатано, а потому не можетъ скрыться отъ очей, слѣдственно и отъ суда потомства, а этотъ судъ, сколько бы ни былъ пристрастенъ, не можетъ рѣшить этого дѣла иначе, какъ признавъ одно или другое за ложъ, и ложъ безстыдную, потому что не посовѣстились провозгласить ее всенародно, какъ искренное изліяніе чувствъ, въ память вѣкамъ и поколѣніямъ. — Не будемъ ожесточать благонамѣренныхъ сердецъ,

вникая въ чувствованія народа, которому Благословенный монархъ оказалъ несравненно болѣе благодѣяній, нежели весь рядъ Піястовъ и Ягеллоновъ, и который отплатилъ ему гнуснѣйшею неблагодарностію и измѣной, усиливаясь оправдать въ послѣдствіи преступниковъ, дерзнувшихъ посягнуть на жизнь его, (въ 1826 году). Станемъ продолжать нашъ разсказъ, а факты обнаружатъ дѣло яснѣе и убѣдительнѣе всякихъ выводовъ и заключеній.

21 августа обнародована была слѣдующая прокламація временнаго правленія къ литовскимъ дамамъ.

«Дамы! поляки и ихъ защитники, раненные подъ Смоленскомъ, требуютъ вашей помощи. Раны ихъ еще открыты; спѣшите остановить драгоцѣнную кровь нашихъ избавителей. Нѣтъ прекраснѣе и приличнѣе цѣли вашихъ заботъ. Невозможно провести время полезнѣе, какъ приготовляя корпію для страждущихъ собратій. Вы съ удовольствіемъ читали въ газетахъ о подобныхъ пожертвованіяхъ, ознаменованныхъ несравненнымъ патріотизмомъ варшавскихъ, сендомирскихъ и краковскихъ дамъ, въ продолженіи кампаніи 1809 года. Вѣрьте, что съ такимъ же чувствомъ будутъ читать извѣстіе о вашихъ пожертвованіяхъ и прославятъ столько же ваше человѣколюбивое, сколько и патріотическое исполненіе вашей священной обязанности.»

Въ концѣ августа временное правленіе постановило сдѣлать во всей Литвѣ чрезвычайный налогъ на содержаніе 9 сформированныхъ полковъ и другія военныя надобности, на удовлетвореніе которыхъ обыкновенные источники мѣстныхъ доходовъ оказались недостаточными. Отъ этихъ новыхъ платежей освождались: солдаты, унтеръ офицеры и оберъ офицеры до чина капитана; монастыри, содержащіеся милостынею и завѣдывающіе гошпиталями,—нищіе, старцы увѣченные, находящіеся въ богодѣльняхъ, замужнія женщины, не имѣющія собственнаго имѣнія, и малолѣтніе. Прочіе жители раздѣлены на одиннадцать классовъ, соотвѣтственно состояніямъ и доходамъ каждаго, и обязаны были, кромѣ обыкновенныхъ податей и пошлинъ, вносить ежегодно: I классъ по $7\frac{1}{2}$ коп, II—по 15 коп. III—по 30 коп. IV—по 60 к. V—по 1 р. 50 к. VI—по 4 руб. 50 к. VII—по 9 руб. VIII—по 15 руб. IX—по

45 руб. X—по 75 руб. Наконецъ къ XI классу относились капиталисты, обязанные платить по 7 процентовъ изъ получаемыхъ ими доходовъ.

2 сентября временное правленіе, для умноженія казны сдѣлало, согласный съ конституціею 1789 года, налогъ на духовенство, которое по этому распоряженію обязано было выплатить, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, единовременно, по пяти процентовъ съ четырехъ-лѣтняго дохода, и сверхъ того еще такъ называемыхъ гербовыхъ пошлинъ отъ 30 до 3000 рублей серебромъ. Такимъ образомъ митрополиты (?) и архіепископы обязаны были платить гербовыхъ пошлинъ по 3000 р., эпархіальные епископы по 1800 р., суфраганы, инфулаты, опаты (Архимандриты) по 300 руб., виленскіе прелаты по 240 руб., жмудскіе—по 90 р., прелаты другихъ эпархій по 60 р., виленскіе каноники по 150 р. жмудскіе по 75 руб., каноники прочихъ эпархій по 45 руб., настоятели приходовъ, соотвѣтственно количеству дохода, отъ 30 до 1500 руб., викаріи, комендари, бѣдные приходскіе священники и духовные гувернера по 6 р., всѣ монашествующіе ордена обязаны были внести пять процентовъ съ четырех-лѣтняго дохода монастырей, за исключеніемъ орденовъ: 1) занимающихся обученіемъ юношества, 2) живущихъ милостынею, 3) содержащихъ больницы. Къ величайшему удовольствію духовенства, спустя три мѣсяца, французы выгнаны были изъ Россіи и распоряженіе временнаго правленія потеряло свою силу, прежде истеченія назначеннаго срока.—

10 сентября издана была прокламація временнаго правленія, призывающая жителей Литвы къ сформированію одного конно-егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Монюшки и маіора Абрамовича. Полкъ этотъ имѣлъ быть составленъ изъ однихъ только охотниковъ. Прокламація эта была повторена въ двухъ нумерахъ Литовскаго курьера; но неизвѣстно, какія были ея послѣдствія.

Въ продолженіи этого времени пришло извѣстіе о сраженіи при Бородинѣ и отступленіи русскихъ къ Москвѣ. Герцогъ Бассано видѣлъ въ этомъ событіи предвѣстіе мира, и готовился уже

ѣхать въ Москву, для составленія предварительныхъ пунктовъ трактата съ Россіей. Но вдругъ получена вѣсть о занятіи французами Москвы, которая отдана была имъ безъ сопротивленія.— Вѣсть эта произвела живѣйшій восторгъ во всей французско-польской партіи въ Вильнѣ. Она почитала это событіе величайшимъ торжествомъ Наполеона и предсказывала его намѣреніямъ самые блистательные успѣхи.— Одинъ только герцогъ Бассано пораженъ былъ этой вѣстію, какъ самымъ неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ.— Онъ присутствовалъ при совершаемомъ по этому случаю богослуженіи, а ввечеру далъ у себя великолѣпный балъ, на которомъ было множество гостей; но въ то время, когда гости эти, веселясь, прославляли подвиги и успѣхи Наполеона, герцогъ былъ мраченъ и мучимъ сильнымъ безпокойствомъ, котораго немогъ ни побѣдить ни скрыть отъ глазъ присутствовавшихъ на балѣ.—

11 октября обнародована была въ Вильнѣ прокламація къ татарамъ, командира 1-го эскадрона татарской конницы Мустафа Мурзы Ахматовича. Онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Литвѣ, къ составленію татарскаго коннаго полка, прославлялъ подвиги ихъ единоплеменниковъ Корницкаго, Барановскаго, Бѣляка, Азулевича, которые должны имъ служить для подражанія, обѣщалъ имъ помощь и покровительство Наполеона, однимъ словомъ употреблялъ все свое татарское краснорѣчіе, чтобы склонить ихъ къ приведенію въ исполненіе своего намѣренія. Но эта прокламація не могла уже имѣть успѣха. Сколько ни старались публичные листы, французскіе агенты и ревностные польскіе патріоты разглашать извѣстія о успѣхахъ Наполеона, но критическое положеніе его арміи не могло быть тайною для жителей здѣшняго края. Въ Вильну проникали одно за другимъ извѣстія о сраженіи при Тарутинѣ, взятіи Полоцка графомъ Витгенштейномъ, оставленіи французами Москвы, наконецъ о мирѣ Россіи съ Турціею и движеніи задунайской арміи въ предѣлы Россіи. Это послѣднее обстоятельство старался Литовскій курьеръ скрыть отъ здѣшней публики, искажая факты и объясняя все по своему, въ пользу французовъ. Доходило до того, что старались

увѣрить, якобы турки гонятъ нашу армію и скоро вступятъ въ предѣлы Россіи. Не будемъ распространяться, описывая нелѣпости, какія выдумываемы и печатаемы были на счетъ бѣдственнаго состоянія русской арміи, распоряженій русскаго правительства, характера и поведенія русскаго народа. Все, что могла истощить желчь и ненависть истощено было для искаженія великихъ подвиговъ самоотверженія этого народа и мудрыхъ мѣръ правительства. Все это не имѣло уже никакого дѣйствія. Бѣгство великой французской арміи сдѣлалось уже гласнымъ. 12 ноября генералъ Красинскій обнародовалъ еще прокламацію, призывая литовскую шляхту къ составленію полка легко-конной гвардіи; но частными путями проникло уже въ Вильну извѣстіе о пораженіи французской арміи при Красномъ. Прокламація не имѣла желаннаго отголоска. Никто не явился на призваніе Красинскаго. Гогендорпъ еще оставался въ Вильнѣ, которая на закатѣ Наполеонова свѣтила была свидѣтелемъ послѣдняго празднества въ честь его въ здѣшнемъ краѣ. 21 ноября въ день коронаціи Наполеона, въ присутствіи герцога Бассано, генераловъ Гогендорпа, Биньона, и множества посѣтителей разныхъ званій, совершена была литургія въ каѳедральномъ костелѣ. По окончаніи богослуженія данъ былъ герцогомъ великолѣпный обѣдъ, а ввечеру городъ былъ ярко освѣщенъ, въ особенности домъ каноника Богуславскаго, передъ которымъ находилось нѣсколько транспарантовъ, изображавшихъ главнѣйшіе подвиги Наполеона. Наконецъ генералъ Гогендорпъ окончилъ торжество великолѣпнымъ баломъ. Это былъ послѣдній блескъ славы Наполеоновой въ Литвѣ, блескъ послѣдняго огня, изчезающій быстро и оставляющій за собою двойную темноту. Литовскій курьеръ, напрягавшій послѣднія силы для обольщенія жителей, осмѣлился еще разъ обнародовать безстыдную ложь, разгласивъ извѣстіе о пораженіи французами соединенныхъ силъ адмирала Чичагова и графа Витгенштейна въ битвѣ при Березинѣ, въ которой французы взяли, якобы, 12 пушекъ и отъ 9—10 тысячь плѣнныхъ (!!) но это самое извѣстіе, которымъ приверженцы Наполеона старались ободрить жителей Литвы, довершило только ихъ уныніе. Положеніе на Березинѣ

французской арміи, которая, по ихъ мнѣнію, долженствовала находиться во внутренности Россіи, убѣждало явно въ стремительномъ ея отступленіи, которое не могло произойти безъ видимыхъ и значительныхъ потерь. Вскорѣ обстоятельства положенія Наполеона обнаружились въ полномъ свѣтѣ, неоставивъ никакого сомнѣнія въ его паденіи, и никакой надежды, полагавшимся на его могущество. Вскорѣ послѣ даннаго Гогендорпомъ бала, Наполеонъ проѣхалъ чрезъ Вильну въ строжайшемъ инкогнито подъ именемъ Коменкура. Это путешествіе его было тайною для жителей Вильна. Они узнали о томъ уже послѣ его проѣзда. Наполеонъ, остановясь близь заставы, велѣлъ призвать къ себѣ герцога Бассано, Гогендорпа и Биньона, разговаривалъ съ ними довольно долго, не показывая ни малѣйшаго признака грусти или смущенія. Напротивъ онъ казался веселъ и былъ словоохотливъ противъ обыкновенія. Позавтракая на станціи, онъ отправился въ дальнѣйшій путь на Ковно и Варшаву. Вслѣдъ за тѣмъ явились жалкія остатки гвардіи, за пять мѣсяцевъ предъ тѣмъ изумлявшей своею многочисленностію и устройствомъ. Эта гвардія теперь, въ безпорядкѣ, въ изорванной одеждѣ, лишась большой части оружія, поспѣшно проходила по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ не за долго передъ тѣмъ, встрѣчали ее громкими и радостными восклицаніями и стремилась по дорогѣ къ Нѣману. Вмѣстѣ съ нею выѣхали изъ Вильна герцогъ Бассано, генералы Гогендорпъ, Биньонъ, и всѣ французскія чиновники. Изчезли члены временнаго правленія, президенты, подпрефекты, интенданты, коменданты и всѣ чины—произведенія мечты новаго управленія. Офицеры и ратники, ново сформированныхъ литовскихъ полковъ, разошлись по домамъ, и уничтожили новые мундиры, чтобы и слѣдовъ ихъ неосталось. Наконецъ явились остатки той большой арміи, которой исполинскіе успѣхи провозглашалъ еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ Литовскій курьеръ. Что должны были чувствовать жители здѣшняго края, видя въ самомъ отчаянномъ положеніи тѣхъ героевъ, которые, по ихъ мнѣнію, долженствовали возстановить Польшу. Изнуренные голодомъ и усталостію, полунагіе, прикрывавшіе часть своего тѣла лохмотьями, женскими платка-

ми, передниками, они влеклись толпами безъ всякаго порядка, падали на пути и умирали сотнями, и не смотря на странность и пестроту своего наряда, возбуждали самыя мучительныя чувства въ жителяхъ тѣхъ мѣстъ, черезъ кои проходили.—Вслѣдъ за этой толпой, которой видъ раздиралъ душу, и которой большая часть погибла на пути, появилось бодрое, сильное, многочисленное и благоустроенное русское воинство.—Здѣсь мы оканчиваемъ нашу исторію 1812 года.—Остальное извѣстно изъ другихъ сочиненій.

Остановимъ на нѣсколько минутъ вниманіе наше надъ описанными событіями и спросимъ совѣсть каждаго: что принесли жителямъ здѣшняго края ихъ неумѣренный энтузіязмъ, пожертвованія, предсказанія и гибельная увѣренность въ земной помощи, въ то время, какъ судьбы ихъ видимо рѣшены были самымъ провидѣніемъ?—Не нужно большой проницательности, чтобы убѣдиться, что всѣ ихъ дѣйствія были явнымъ нарушеніемъ присяги, данной именемъ и въ присутствіи Бога. Чтожъ значили послѣ того молитвы и благодаренія во храмахъ, и призываніе Божіей помощи и покровительства богопротивному дѣлу? Можно ли было призывать, во свидѣтельство новыхъ клятвъ, того самаго Бога, который видѣлъ преступное нарушеніе первыхъ, принесенныхъ также передъ Его олтаремъ, въ присутствіи Его креста и завѣта? Чтожъ могли составлять эти молитвы и клятвы, какъ не преступную насмѣшку надъ святостію долга, оскорбленіе вѣры и таинствъ ея? Можно ли было надѣяться, что Богъ вѣнчаетъ успѣхами намѣренія, противныя Его опредѣленіямъ, обѣтованію, завѣту? Самая эта надежда составляла уже преступленіе, которое не могло избѣжать гнѣва и наказанія Превѣчнаго. Такъ и случилось. Земное могущество, котораго ненадежную помощь предпочли дѣйствіямъ премудрости Господней, сокрушилось, — порядокъ, указанный перстомъ Всемогущаго возобновленъ, — а всѣ усилія вѣроломныхъ пріобрѣли имъ одинъ только стыдъ, коего неизгладятъ вѣка, и неуменшатъ никакія натянутыя разсужденія и умствованія ослѣпленныхъ ненавистію софистовъ, которымъ теперь уже никто невѣритъ, и которые въ свою очередь сдѣлались предметомъ ненависти и презрѣнія. Гнѣвъ Гос-

поднiй не ограничился наказанiемъ возмутителей однимъ только уничтоженiемъ несбыточныхъ ихъ надеждъ. Вскорѣ явился новый признакъ Господняго посѣщенiя. Безчисленное множество труповъ, оставленныхъ французскою армiей, и которыхъ неуспѣвали своевременно предать землѣ, произвело жестокую горячку вовсей виленской губернiи, похитившую множество жертвъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Вильну главнокомандующiй русскими армiями генералъ-фельдмаршалъ князь Голенищевъ Кутузовъ Смоленскiй, а вскорѣ послѣ его прибытiя императоръ Александръ I. Великiй вождь, съ обнаженною головою, держа въ рукахъ два французскiе орла, прiобрѣтенiе послѣднихъ дней, ожидалъ знаменитаго посѣтителя на крыльцѣ виленскаго дворца. Едва государь императоръ вышелъ изъ экипажа, маститый фельдмаршалъ повергъ орловъ къ стопамъ его. Ничто не могло быть краснорѣчивѣе этого привѣтствiя. Признательный монархъ обнялъ его и вслѣдъ за тѣмъ наградилъ орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгiя 1 степени.

Въ манифестѣ, изданномъ при началѣ войны, императоръ Александръ объявилъ, что не положитъ меча, пока въ предѣлахъ Россiи неостанется ни одного непрiятеля,—и сдержалъ слово. Въ концѣ декабря не было уже ни одного непрiятеля въ предѣлахъ его государства.

(*Продолженiе впредь*).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА (*) О СЛОНИМѢ, ГОРОДѢ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНIИ.

Хотя о принадлежности Слонима, съ самыхъ древнихъ временъ его существованiя,—русскимъ, никто изъ здравомыслящихъ и безпристрастныхъ людей не можетъ въ настоящее время спо-

(*) Эта замѣтка, весьма интересная и сама по себѣ, печатается нами еще какъ бы въ дополненiе вышенапечатаннаго въ этомъ № извѣщенiя объ освященiи слонимской соборной церкви и для напоминанiя о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, которыя занимали православныхъ молитвенниковъ во время освященiя церкви. *Ред.*

рить, но постоянныя притязанія на край сей поляков даютъ мнѣ смѣлость взяться за перо и передать въ общее свѣдѣніе то, что о Слонимѣ собственно—удалось мнѣ извлечь въ недавнее время изъ собранныхъ разныхъ, преимущественно же польскихъ источниковъ.

Кто былъ основателемъ этого города и въ какомъ году именно онъ построенъ, о томъ нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Первое историческое указаніе на Слонимъ мы находимъ въ самомъ началѣ XI вѣка. У *польскаго* историка Нарбута (въ III-мъ томѣ) сказано: что великій князь Ярославъ, сражаясь въ 1040 г. съ литовцами, сосѣдями полоцкаго и туровскаго княжествъ, одержалъ надъ ними побѣду при Слонимѣ. Далѣе: у этого историка (въ томъ же III-мъ томѣ) находимъ, что въ 1103 г. Слонимъ принадлежалъ русскимъ и на него дѣлалъ тогда нападеніе—Ердвилла, князь литовскій, сынъ Монтвилы, а въ 1140 г. на этотъ городъ опять нападали литовскіе князья Куновойтъ и Монтвилъ, но Всеволодъ и Игорь Олеговичи — сыновья Олега Святославовича, коимъ тогда принадлежалъ Слонимъ, одержали надъ ними совершенную побѣду. Еще далѣе: по сказанію того же историка (томъ IV) видно, что въ 1242 году, когда татары, подъ предводительствомъ Шейбсека, брата Батыя, вторгнувшись чрезъ Волынь въ русскія княжества, близь Литвы лежащія (нынѣшнюю гродненскую и минскую губернію), послѣ взятія Новогрудка осадили Слонимъ, то литовцы, призванные тогда русскими на помощь, не желая отдать города въ руки татаръ, сожгли его. За помощь, оказанную Руси въ отраженіи татаръ, литовцамъ отданы были предѣлы нынѣшней гродненской и минской губерніи, кои получили тогда названіе литовской Руси. Но Даніилъ князь галицкій, сражаясь въ 1251 г. съ Миндовгомъ, княземъ литовско-русскимъ, такъ искусно повелъ тогда войну, что отнялъ у него опять нѣкоторые города, уступленные прежде русскими, именно: Волковыскъ, Новогрудокъ и Слонимъ, и, вслѣдствіе этой побѣды Даніила, Миндовгъ принужденъ былъ заключить въ 1252 году съ нимъ миръ, по коему—сыну его Льву Даніиловичу достались города,—не только Волковыскъ и Слонимъ,

но и другіе, именно: Брестъ, Мельникъ и Гродно. Новогрудокъ же остался снова за Миндовгомъ. Слонимъ тогда вошелъ въ составъ червонной или красной Руси. Вскорѣ, по случаю новой неблагопріятной войны съ Миндовгомъ, русскіе опять лишились Слонима, но въ 1281 г. онъ снова былъ имъ возвращенъ и имѣлъ своего князя Василька; потомъ въ 1282 году зависѣлъ отъ волынскаго князя Владиміра.

Во времена же Гедимина, князя литовскаго, въ началѣ XIV столѣтія, Слонимъ сдѣлался уже достояніемъ сына его Монтвилы и былъ долгое время во власти литовцевъ; а потомъ, до окончательнаго присоединенія къ Россіи, во власти королей польскихъ.

Вотъ каково было положеніе и судьба г. Слонима! Изъ приведенныхъ выше указаній нашихъ ясно видно, что городъ этотъ, болѣе чѣмъ два столѣтія, принадлежалъ собственно князьямъ русскимъ, а потомъ уже, по праву сильнаго, какъ и весь западный и южный русскій край, былъ сперва во власти литовцевъ и наконецъ перешелъ къ полякамъ. Но характеръ народа русскаго отъ этого почти нисколько не измѣнился. И теперь въ языкѣ простонародномъ слышна рѣчь чисто-русская (съ малымъ искаженіемъ только на польскій ладъ). Можно услышать также много простонародныхъ пѣсенъ, въ коихъ какъ языкъ, такъ и мотивъ самый, остались чисто русскіе. Даже самый покрой простонародной одежды, если его не много подправить, былъ бы тотъ же совершенно великорусскій. Одна только физіономія нашего простолюдина (по причинѣ бритія бородъ, что заимствовано было отъ поляковъ) отличаетъ его отъ мужика чисто русскаго. Впрочемъ бѣлоруссъ нашъ на великорусса похожъ совершенно. Чтобы еще болѣе уяснить себѣ, что городъ этотъ чисто русскій, обратимъ вниманіе на вѣру.

Изъ многихъ источниковъ положительно извѣстно, что какъ былъ здѣсь собственно одинъ народъ русскій, то была первоначально и одна лишь вѣра православная, здѣсь еще Ярославомъ I-мъ, великимъ ревнителемъ православія водворенная и утвержденная потомъ другими князьями. Еслибы здѣсь были предѣлы чисто польскіе, какъ это многіе слабоголовые поляки намъ доказываютъ,

то здѣсь бы не было и званія исконнаго православія, а была бы повсемѣстно исповѣдуема одна только вѣра римско-католическая. Между тѣмъ, по исторіи намъ положительно извѣстно, что въ XIV вѣкѣ, когда Слонимъ отъ русскихъ окончательно перешелъ во власть литовцевъ, православіе и тогда подъ мирнымъ ихъ правленіемъ процвѣтало. Самые князья литовскіе, еще далеко раньше этого времени, видя благотворность христіанскаго православнаго ученія и преимущество вѣры восточной предъ западною римской, отправляясь по нуждамъ своимъ со многими своими подданными въ Псковъ, принимали тамъ православіе. А Воишелгъ, князь литовскій, жившій долго въ залогѣ при дворѣ князя Даніила Галицкаго, ознакомившись тамъ съ ученіемъ православной церкви, по возвращеніи оттуда въ Новогрудокъ (что въ 9 миляхъ отъ Слонима), не только принялъ православіе, но и основалъ, около 1252 г. вблизи самаго Новогрудка, монастырь, самъ постригся въ монахи и былъ ревностнѣйшимъ поборникомъ православія. Такъ вотъ какъ здѣсь сильно развивалось и вкоренялось православіе! Исторія положительно свидѣтельствуетъ, что, до половины XIV столѣтія, здѣсь нигдѣ не было ни одного римско-католическаго костела, и что Гедиминъ князь Литовскій, въ это время, въ первый разъ только позволилъ построить по одному костелу въ Вильнѣ и Новогрудкѣ: значитъ, до этого времени въ его владѣніяхъ рѣшительно не было католиковъ-поляковъ.

Въ самомъ Слонимѣ, едва уже въ XV вѣкѣ, а можетъ быть и позже, начали появляться римскіе монахи, а съ ними скоро и римскіе костелы. Съ распространеніемъ же здѣсь, въ большей и большей мѣрѣ римской пропаганды, католики стали мало по малу брать надъ православными верхъ; и церкви наши, коихъ до того времени было всѣхъ девять, стали—однѣ закрываться, другія, отъ введенія впослѣдствіи (въ началѣ XVI вѣка) церковной уніи, превращаться въ церкви уніатскія, а нѣкоторыя въ римскія, и такимъ образомъ одна за другою уничтожились всѣ. Время это было самое гибельное и несчастное для русскихъ-православныхъ. Русь тогда была подъ самымъ страшнымъ гнетомъ Польши. Фанатики-поляки просто изувѣрствовали надъ русскими. Мощная

хитрая политика іезуитовъ, истребляя постепенно православіе, съ помощью силы правительственной, заставляла русскихъ православныхъ, подъ страхомъ смерти, поклоняться идолу своему—папѣ римскому.

При такомъ печальномъ для православія, въ родномъ краѣ русскомъ, положеніи дѣлъ, три церкви въ г. Слонимѣ безъ вѣсти навсегда исчезли: неизвѣстно теперь, гдѣ даже ихъ мѣста были. Говорятъ, что одинъ плацъ церковный находится въ Замосцьѣ, около приходскаго костела. Этотъ плацъ и теперь ничѣмъ не застроенъ. Тамъ былъ въ прошломъ году, въ разгарѣ мятежа, построенъ не извѣстно кѣмъ революціонный памятникъ, но онъ въ настоящее время не существуетъ: мѣстная власть его уничтожила. Этотъ плацъ теперь принадлежитъ католикамъ. Говорятъ также, что изъ церкви, на этомъ плацѣ находившейся, образъ матери Божіей перенесенъ, послѣ уничтоженія церкви, въ костелъ приходскій и по настоящее время тамъ находится. Въ костелѣ этомъ есть на колокольнѣ два нашихъ колокола—изъ прежней церкви спасской, съ славянскою на оныхъ надписью; но какъ они туда попали, Богъ ихъ знаетъ. Другіе плацы, вѣроятно, теперь принадлежатъ городу и находятся въ вѣдѣніи магистрата.

Впрочемъ, не смотря на всѣ гоненія католиковъ на церкви наши, шесть изъ нихъ еще очень долго существовали. Такъ изъ документовъ и инвентарей г. Слонима видно, что въ XVI столѣтіи, и позже, здѣсь еще вотъ какія церкви были. На улицѣ Спасской было ихъ двѣ: одна Спасо-Преображенская, отъ коей древнее церковное братство имѣло свое названіе (1), равно какъ и улица, на коей церковь эта стояла. Другая церковь была Свято-Троицкая. На улицѣ Аѳанасіевской (которая потомъ короче стала называться Панасовской, отъ имени Панасъ, что въ простонародіи означаетъ Аѳанасій) было также двѣ церкви. Одна—очень древняя Аѳанасіевская, которая стояла, какъ надобно полагать

(1) Это братство прихожанами церкви, на прежнихъ началахъ, нынѣ возобновлено.

и какъ ходитъ преданіе о томъ между старыми жителями города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возобновленный соборъ и гдѣ послѣ нея, на мѣстѣ уже праздномъ, былъ построенъ въ 1625 г. Львомъ Сапегой приходскій костелъ св. Андрея первозваннаго, а потомъ чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1635 году, нынѣ существующее соборное зданіе, которое было сооружено для канониковъ Казиміромъ-Леономъ Сапегой. Другая церковь на этой улицѣ была Воскресенская. Есть въ настоящее время, у пишущаго эти строки, ясные слѣды, что эта церковь построена была нѣкимъ Остроухомъ, который перенесъ съ городской площади старую церковь на свой собственный плацъ и тамъ своими средствами ее перестроилъ. Извѣстно даже, что при этой церкви былъ священникъ Грегоровичь. На площади городской было также двѣ церкви. Одна Воскресенская, о перенесеніи которой на улицу Аѳанасіевскую только что говорено было. Плацъ этой церкви, какъ я съ достовѣрностію слышалъ, и по настоящее время оспаривается слонимскими евреями (о немъ ими заведено дѣло), но по справедливости онъ долженъ принадлежать слонимскому собору и составлять доходъ церкви. Другая, по другой сторонѣ площади, стояла церковь св. Иліи. Мѣсто, гдѣ была эта церковь, нынѣ подъ корчмой и другими строеніями, принадлежащими евреямъ и еще нѣкоторымъ католикамъ. На Зарѣчьѣ, за рѣкою Щарой, была также церковь св. Никольская, отъ которой улица, идущая къ ней, получила въ древности свое названіе и по настоящее время, по инвентарямъ города, такъ именовалась. Трудно объяснить себѣ, какъ, хитрые и искусные искажать все древнее, поляки не переименовали этой улицы, въ золотое свое время, на какой нибудь иной ладъ; а то, право, имъ теперь даже должно быть не ловко въ виду тѣхъ притязаній, какія, въ недавнее еще время, они имѣли на нашъ древле русскій православный городъ!

Правда, вѣдь, и сами они хорошо все это знали и понимали, когда переименовали улицу Спасскую на Бернардинскую; можетъ быть съ Никольской послѣдовала бы та же участь, но объ ней, какъ расположенной на концѣ города, по всей вѣроятности, они забыли.

Говоря о существованіи церквей слонимскихъ, надобно здѣсь замѣтить, что при нихъ, во время оно, было очень много земель и плацовъ. Но нѣкоторые изъ нихъ давно уже безъ вѣсти пропали. Именно: плацъ на Спасской улицѣ отъ церкви св. Троицкой, два плаца на городской площади: отъ церкви Воскресенской и Ильинской, и плацъ на Зарѣчье, отъ церкви Никольской. Другіе же, хотя и застроены евреями, но собственностію церкви слонимской все-таки еще считаются. Жаль, очень жаль этихъ плацовъ; если бы они составляли въ настоящее время собственность церкви, какой славный былъ бы доходъ для нея!... Почти всѣ эти плацы церковные и въ настоящее время находятся въ инвентаряхъ г. Слонима, которые хранятся въ магистратѣ. Кстати здѣсь замѣтить, что о неприкосновенности и неотчуждаемости отъ церкви земель и плацовъ были дѣлаемы еще королями польскими, во время ихъ владычества, особыя распоряженія. Пишущій сіи строки и теперь подъ руками имѣетъ документъ,—по коему, за духовенствомъ шести церквей г. Слонима, утверждалась на вѣчныя времена королемъ Сигизмундомъ Августомъ, въ 1559 г., вся земля церковная. По этому документу вмѣнялось даже духовенству въ обязанность, подъ строгою отвѣтственностію, имѣть самое тщательное о землѣ этой попеченіе, и ни подъ какимъ видомъ не передавать ее въ чужія руки. Но гдѣ она теперь дѣвалась и куда за нее доходъ идетъ, рѣшить намъ трудно. Впрочемъ, нынѣшнее благопріятное для православія время, можетъ быть, какъ-нибудь откроетъ и уяснитъ намъ это дѣло. А пока объ этомъ—*sapienti satis.*

Все выше сказанное о церквахъ нами приведено здѣсь собственно для того, чтобы пояснить, что существованіе въ древности многихъ церквей православныхъ въ маленькомъ городѣ Слонимѣ служитъ новымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что нѣкогда здѣсь былъ чисто русскій-православный городъ. Ибо спрашивается, для кого бы онѣ здѣсь стояли, если бы городъ этотъ былъ, напр., польско-католическій?!..

Раждается затѣмъ теперь, послѣ всего нами въ этой статьѣ сказаннаго, такой вопросъ: за чѣмъ поляки, въ недавнее еще

7

время, такъ не добросовѣстно искажали наше народное дѣло? за чѣмъ встрѣчному и поперечному доказывали, что вся страна эта польская, а не русская, католическая, а не православная, когда по своей даже исторіи, — по документамъ и другимъ актамъ, которые всегда имѣли подъ руками, — видѣли явныя доказательства противнаго?... Но въ этомъ они и сами, вѣроятно, не могутъ дать теперь себѣ отчета... За это-то они и наказаны. Они теперь сами понимаютъ, что буйная фантазія, всегда ими заправляющая, крѣпко на этотъ разъ ихъ обманула и теперь, по дѣломъ, за старые грѣхи, приходится имъ расплачиваться... Но чтожъ дѣлать? Мы вѣдь въ томъ не виноваты. За то теперь дѣла наши поправляются. Въ настоящее время городъ нашъ по наружности своей принимаетъ совершенно русскій видъ. Все польское какъ то скоро изгладилось. Уже у насъ нѣтъ теперь варшавскихъ отелей: на мѣсто ихъ явились гостинницы: Петербургская, Московская, Новгородская, Тверская, Орловская, Одесская, Могилевская, Камчатская, Иркутская и другія. Опять явились улицы какъ въ древности: Спаская, Аѳанасіевская, Никольская, Ильинская площадь и другія. Есть много у насъ теперь и русскихъ чиновниковъ. Есть прекрасно возобновленный соборъ, который, въ настоящее время, составляетъ истинное утѣшеніе для всѣхъ русскихъ.

Св.—К. С-кій.

Учрежденіе львовской, галицкой и каменецъ-подольской епископіи въ 16 вѣкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, когда на югѣ Россіи господствовали православные русскіе князья знаменитаго дома Романа Волынскаго, Галиція имѣла своихъ архипастырей. Архипастыри галицкіе, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, по временамъ, имѣли санъ митрополитовъ, и, кромѣ собственно галицкой епархіи, управляли нѣкоторыми южно-русскими епархіями отдѣльно отъ кіевскаго митрополита. Историческіе памятники сохранили имена нѣсколькихъ митрополитовъ, бывшихъ въ Галиціи, прежде завоеванія ея, въ 1340 году, Казиміромъ, коро-

лемъ польскимъ; напр: Нифонта, Гавріила (1), Іосифа, Григорія, (2). Казиміръ, владѣя Галиціею, просилъ константинопольскаго патріарха Филоѳея возвести въ санъ галицкаго митрополита, избраннаго имъ епископа Антонія, который дѣйствительно и былъ поставленъ галицкимъ митрополитомъ, съ подчиненіемъ ему епархій: холмской, туровской, перемышльской и владиміро-волынской (3). Этотъ Антоній, по всей вѣроятности, былъ послѣднимъ галицкимъ митрополитомъ. Послѣ него галицкая архіерейская каѳедра, долгое время-около двухъ столѣтій-оставалась праздною. При томъ же самомъ Казимірѣ, который просилъ константинопольскаго патріарха Филоѳея о возведеніи епископа Антонія въ санъ митрополита, на мѣсто православной епископіи въ Галиціи, папою Урбаномъ учреждено латинское архіепископство, съ усвоеніемъ ему имѣній, принадлежавшихъ православной архіерейской каѳедрѣ (4). При преемникѣ Казиміра, Людовикѣ Венгерскомъ, латинскому галицкому архіепископу предоставлены права митрополита.

Послѣ уничтоженія въ Галиціи православной епископіи, дѣлами галицкой церкви управляли, въ зависимости отъ кіевскаго митрополита, намѣстники, имѣвшіе большею частію санъ архимандрита, и именовавшіеся намѣстниками галицкой митрополіи. Когда существовали въ галиціи православные архипастыри, то къ ихъ епархіи, по всей вѣроятности, принадлежала и Подолія. Посему-то и намѣстники галицкой митрополіи, управляя галицкимъ духовенствомъ, имѣли въ своей власти и подольское духовенство (5).

Между тѣмъ православные обитатели Галиціи и Подоліи претерпѣвали весьма сильныя притѣсненія, какъ отъ галицкихъ латинскихъ архіепископовъ, такъ, по проискамъ ихъ, и со стороны королей польскихъ. Еще Ягелло, великій князь литовскій и король польскій, отдалъ-было православныхъ во власть латинскаго архіепископа. Король польскій Сигизмундъ I въ 1509 году предоставилъ львовскому латинскому архіепископу Бернарду Вильчку право опредѣлять намѣстниковъ галицкой митрополіи

(1) Проток. конст. патр. XIV вѣк. съ журн. м. н. пр. 1847 г.

(2) Истор. Галиц. Зубрицкаго.

(3) Проток, конст. патр.

(4) Акты зап. Россіи т. II № 198.

(5) Suppl. ad hist. Russiae monum. № № 50, 51, 52 и 53. Акты зап. Россіи т. II NN № 2, № 5, 193.

(6), а въ 1638 году далъ этому архіепископу власть и надъ всѣми вообще православными Галиціи и Подоліи (7). Находясь въ зависимости отъ латинскаго архіепископа, намѣстникъ православной галицкой митрополіи на каждомъ шагу встрѣчалъ затрудненія въ исполненіи своихъ обязанностей. Притѣсненія же православнымъ, со стороны латинянъ, были такъ велики, что нѣкоторые изъ нихъ не выносили этихъ притѣсненій и невольно принимали латинство (8).

Чтобы освободить своего намѣстника и самимъ избавиться отъ притѣсненій латинскаго архіепископа и вообще латинянъ, ревностные по вѣрѣ православные обитатели Галиціи и Подоліи, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, рѣшились стараться объ учрежденіи въ Галиціи православной епископіи. Съ этою цѣлію они обратились съ просьбами къ кіевскому митрополиту Макарію о посвященіи въ санъ епископа намѣтника, архимандрита Макарія Тучанскаго, и къ польскому королю Сигизмунду I, о соизволеніи на это посвященіе (9). Въ просьбѣ къ королю православные галицкіе и подольскіе просили себѣ епископа потому, что некому поставлять въ Галиціи на церковные степени, некому освящать церквей и проч. Въ просьбѣ же къ кіевскому митрополиту они прямо говорили, что имъ нуженъ епископъ, чтобы избавиться отъ власти и притѣсненій латинскаго архіепископа.

Усилія галичанъ и подолянъ увѣнчались успѣхомъ. Сигизмундъ I далъ привиллегію на учрежденіе православной епархіи въ Галиціи и Подоліи, и въ 1540 году архимандритъ Макарій Тучанскій былъ посвященъ въ санъ епископа львовскаго, галицкаго и каменецъ-подольскаго. Съ этого времени Галиція и Подолія соединены были подъ управленіемъ одного епископа до самаго присоединенія Подоліи къ Россіи. Галицкіе и Каменецъ-Подольскіе епископы были православными до 18 столѣтія. Въ началѣ 18-го столѣтія епископъ Іосифъ Шумлянскій принялъ унію.

(6) Suppl. ad Hist. Russ. mon. № 50.
(7) Акт. зап. Росс. т. II № 198.
(8) Повѣсть врем. лѣт. Зубрицкаго.
(9) Акт. зап. Росс. т. II. № 198. Suppl, ad, Hist. Russiae mon. № 55.

III.

ПО ПОВОДУ ЗАКРЫТІЯ НѢКОТОРЫХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Догматъ римской куріи о главенствѣ папы въ западной церкви, по силѣ логической послѣдовательности, привелъ къ выводу о сочетаніи въ этой главѣ свѣтской власти съ духовною. На первомъ лжеученіи крѣпко держится послѣднее. Это весьма естественно. Коль скоро подъ именемъ церкви разумѣютъ не стѣны зданія, глава церкви долженъ быть главою всѣхъ членовъ, составляющихъ цѣлость этой церкви, долженъ быть судьею, правителемъ-назовите, какъ хотите-всѣхъ христіанъ, исповѣдующихъ эту догму, безъ различія ихъ національности, званія, сословія, пола и возраста. Извѣстно изъ исторіи, что римскіе епископы не разъ достигали такого абсолютнаго главенства въ римской церкви. Очевидно поэтому, что самый коренной догматъ папскаго символа построенъ на софизмѣ. Такъ какъ этотъ софизмъ (фальшивое умозаключеніе) не могъ отыскать для себя твердыхъ посылокъ ни въ словѣ Божіемъ, ни въ ученіи и преданіи Церкви, ни даже въ положеніяхъ здраваго разсудка, то оставалось поддерживать его или путемъ всесвѣтной интриги, или насиліемъ,—внѣшнею, то есть, искуственною силою. Не всегда, или точнѣе-очень рѣдко, свободно располагая внѣшнею силою, римскіе первосвященники обратили преимущественное вниманіе на первое средство къ поддержанію своего главенства, своей свѣт-

ской власти-интригу. Для формулированія этой интриги, въ Римѣ открыта нарочитая школа миссіонерства или пропаганды. Главною задачей этой школы—отстояніе мнимыхъ правъ римскаго первосвященника, главнымъ ученіемъ—главенство папы. Считая себя прямымъ наслѣдникомъ въ церкви Іисуса Христа, папы распоряжаются *прямымъ* Его наслѣдіемъ съ произволомъ обыкновенныхъ наслѣдниковъ: подорвать тотъ или другой догматъ въ никейскомъ, вселенско-христіанскомъ символѣ, перетолковать по своему или исказить то либо другое преданіе, приговоръ вселенской церкви, предоставить произволу прозелитовъ такое или другое вѣроученіе, ту либо другую заповѣдь христіанскую,—самое обычное занятіе папъ: на то они хозяева въ церкви, на то-они непогрѣшимые; главное—лишь бы осталось въ символѣ главенство римскаго архіепископа, лишь бы у него остались Петровы ключи отъ рая, лишь бы не была задѣта свѣтская власть папы.

И школа пропаганды не столько занимается ученіемъ Христа, сколько ученіемъ папства. Ученики ея несравненно слабѣе въ богословіи, чѣмъ въ наукѣ поддерживать авторитетъ своего главы, хотя бы то самыми неразборчивыми средствами. Какъ во всякой школѣ,—въ школѣ пропаганды есть ученики—и сильнѣе, и слабѣе. Чѣмъ глубже и всестороннѣе постигъ кто изъ нихъ науку интриги, тѣмъ важнѣй и обширнѣе предоставлялась ему главою римской церкви миссія. Первенцы этой школы интригуютъ при дворахъ владѣтельныхъ особъ, заправляютъ ихъ совѣстью, нерѣдко ихъ умомъ, ихъ дѣлами политическими и дипломатическими. Изъ нихъ выходятъ кардиналы римскіе и иностранные, легаты, нунціи и разные другіе чиновники особыхъ порученій его святѣйшества. Ученики нестолько талантливые, хоть и ловкіе (неловкихъ не принимаютъ), втираются въ салоны вельможъ, покоряютъ умы и сердца женщинъ, гремятъ экзальтированными проповѣдями въ знаменитыхъ столичныхъ храмахъ, управляютъ совѣстью знати, стоятъ наочереди къ полученію высшихъ іерархическихъ назначеній.—Слѣдующіе за ними по таланту и умѣнью интриговать проходятъ разныя степени своей профессіи въ провинціяхъ; слабѣйшіе, наконецъ, или менѣе ловкіе, исполняютъ свою миссію по селамъ, заправляютъ по своему народнымъ образованіемъ,—а всѣ вмѣстѣ, составляютъ

такое сплошное, нераздѣльное, плотное и круглое цѣлое, что задѣвъ одно звѣно этой живой машины, вы приведете въ движеніе всю-ее. Едва ли стоитъ и говорить, что лучшими учениками въ этой школѣ оказались fratres societatis Jesu—или потому, что въ этотъ классъ школы поступали болѣе способные, или потому, что въ этомъ классѣ были всегда преподаватели—въ родѣ Лойолы.

Но дѣло не въ томъ, что люди болѣе достойные, болѣе образованные занимаютъ посты болѣе видные; это явленіе повсюдное и обыкновенное; грустно то, что эти люди занимаются не тѣмъ, чего требуетъ ихъ званіе; нравственною миссіей они только маскируютъ—политическую, дипломатическую. Ихъ исповѣдь есть практическое изученіе психологіи, направленіе кающагося къ извѣстной цѣли, хотя бы и противозаконной, что доказано послѣдними событіями,— есть случай узнать матеріальное состояніе кающихся и расположить ихъ къ обильному подаянію въ пользу того либо другаго кляштора,—есть самый удобный поводъ для осязанія, такъ сказать, политическаго пульса кающихся, есть инищіатива тѣхъ дѣлъ, которыхъ неожиданности, таинственности побужденій такъ часто удивлялась исторія; ихъ профессія въ народныхъ школахъ есть таже пропаганда, въ миніатюрныхъ только размѣрахъ и менѣе искуственныхъ формахъ,—есть длинная лекція ультрамонтанства, главныя темы которой: главенство папы, невозможность спасенія внѣ римской церкви, безотчетное довѣріе къ церковной іерархіи—даже и тогда, когда убѣжденія и желанія ея идутъ вперерѣзъ съ намѣреніями и дѣйствіями гражданской іерархіи. Короче: главенство, свѣтская власть папы составляютъ душу мыслей и дѣйствій всѣхъ его подчиненныхъ, заправляютъ сложною машиною латинской іерархіи, составляютъ главный параграфъ инструкціи, которою вооружены всѣ миссіонеры Ватикана. И не думайте, чтобы все это полчище миссіонеровъ самоотверженно сражалось подъ знаменемъ папы, въ его только интересахъ! Разные прелаты, патеры, даже клерики, отстаивая принципъ ультрамонтанства, отстаиваютъ свое собственное достояніе. Папы—сильны дружнымъ содѣйствіемъ ихъ планамъ, ихъ догмѣ всей клерикальной арміи, а эта армія, съ своими генералами и рядовыми, еще сильнѣй величіемъ мірскимъ и духовнымъ своего главнокомандующаго. Власть папы—это лучъ

солнца, власть его адептовъ - это тотъ же лучь, перехваченный призмой, окрашенный въ разные цвѣта орденовъ: подставьте другое стекло подъ семь цвѣтовъ, на которые раздробился лучь солнечный, посредствомъ призмы, и снова получите тотъ же единый лугъ солнечный—папство. Такимъ образомъ, власть папы равносильна власти всей клерикальной партіи и наоборотъ; (1) такимъ образомъ всѣ недѣлимые, изъ которыхъ слагается цѣлость римской іерархіи, сильны одною и тою же властію, пропитаны однимъ духомъ преобладанія,—такъ что и кардиналъ и новиціатъ есть тотъ же папа, только въ зародышѣ, въ миніатюркѣ, есть въ своей сферѣ глава (или покрайней мѣрѣ желаетъ быть ею) общества, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ.

Какъ ни ловко ведется эта интрига, какъ искусно ни прячется махіавелизмъ ультрамонтанства, его теорія нерѣдко проявляется въ фактахъ, возбуждающихъ реакцію или въ тѣхъ натурахъ, которыя избрали своимъ девизомъ честь и правду, или въ тѣхъ властяхъ, которыя хотѣла подавить власть папская. Отсюда безконечный рядъ столкновеній, папскихъ софизмовъ, лжеученій, святокупствъ съ истиной и преданіемъ,—незаконной свѣтской власти римскихъ епископовъ—съ законною властью правителей различныхъ обществъ; отсюда вѣчная упорная ненависть ультрамонтанства къ русскому православію, то есть къ истинному, *католичеству*. Еслибъ мы захотѣли здѣсь усилить свои положенія фактами историческими, мы нарисовали бы картину необъятную, ужасную; мы доказали бы, что большая половина кровавыхъ столкновеній въ мірѣ, случившихся послѣ отпаденія церкви западной отъ восточной, обязана принципу папства либо своей иниціативой, либо продолженіемъ, упорствомъ и жестокостью; что эти столкновенія пролили море крови покрыли землю руинами, нищетою, истребили огромные мильоны человѣчества. Едва ли вы можете указать въ теченіе послѣднихъ 6 вѣковъ хоть одну свалку историческую, въ которой бы, такъ или иначе, не принимала тайнаго, или явнаго, участія римская пропаганда.

(1) Да, власть папы немогла бы продолжаться и одинъ день, если бы ся негарантировала, неподдерживала власть всей римской іерархіи.

Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ смутахъ и кровопролитіяхъ важнѣйшую роль играло *монашествующее* римское духовенство. Сильное своимъ числомъ, богатствомъ солидарностью и вліяніемъ, почти не подчиненное іерархіи даже духовной, окруженное въ своихъ цитаделяхъ — кляшторахъ таинственными стѣнами, изрытое такими же подземельями, неприсупными для сторонняго наблюдателя,— это духовенство всегда высылало на арену борьбы между-народной и междоусобной самыхъ ревностныхъ агитаторовъ. Тогда какъ приходское *) духовенство, занятое исполненіемъ своего долга, заимствующее много мирныхъ качествъ отъ окружающаго его, всегда почти, добраго народа,— мало имѣетъ побужденій и времени заниматься политическими интригами и демонстраціями;— разныя папскія корпораціи едвали не исключительно заняты разными житейско — политическими проэктами, сочиненіемъ демонстрацій, столкновеній между собою лицъ и обществъ, революціями и другими дѣлами, радикально противорѣчащими ихъ религіозному назначенію, ихъ духовному созерцанію, отреченію отъ суетъ мірскихъ и спасенію души. Укажите имъ хоть одну свалку историческую, начиная отъ крестовыхъ походовъ до мятежа польскаго, въ которой бы такой или другой патеръ не игралъ болѣе или менѣе видной роли!

Желая защититься отъ этого status in statu, ослабить или разрушить эти цитадели, изъ которыхъ поминутно надо ожидать рьяной вылазки, правители разныхъ странъ (иногда и обществъ) были вынуждены закрывать и уничтожать разные латинскіе монастыри, конгрегаціи, капитулы, учрежденія. Еще бы сокращеніемъ этой папской арміи, вѣчно сражавшейся за властолюбіе своего вождя и свое собственное, занимались правители и общества, въ отношеніи къ Риму, инославныя; замѣчательно то, что всего безпощаднѣй отяготѣла строгость законодательства надъ папскими миссіонерами тѣхъ именно обществъ, которыя дер-

*) Мы неговоримъ *больше*; потому что нѣтъ достаточной причины называть этимъ именемъ безженное духовенство. А безженнымъ его сдѣлали папы для того, чтобы у лицъ духовныхъ нераздвоялись обязанности и симпатіи между папой и семьею, чтобы разорвать у нихъ всѣ связи, кромѣ связей съ папой.

жатся ученія римской церкви, признають въ числѣ догматовъ этой церкви и главенство, и свѣтскую власть ея первосвященника: потому ли, что враги домашніе — опаснѣй и преступнѣе чужихъ, или потому, что ультрамонтанизмъ клерикаловъ всего безпокойнѣе проявлялся въ окружающей ихъ средѣ, всего невыносимѣе тормозилъ интересы пріютившей и упитывавшей ихъ націи,— только державы римскаго исповѣданія раньше обнаружили реакцію противъ своихъ монашествующихъ орденовъ, строже и поголовнѣе привели въ исполненіе мысль о закрытіи монастырей и конфискаціи ихъ имуществъ. Не говоря о другихъ націяхъ, даже его „апостольское величество," даже латинская франція и италія, религіозная до фанатизма испанія и португалія, вынуждены прибѣгнуть къ поголовному закрытію убѣжищъ политической интриги, извѣстныхъ подъ именемъ латинскихъ монастырей. Только въ папской области, да въ царствѣ польскомъ эти скопища интригантовъ оставались во всей своей неприкосновенности. Причины и снисхожденія къ нимъ св. отца въ своихъ владѣніяхъ, въ этомъ резервуарѣ папскихъ миссіонеровъ, для насъ понятна. Какой отецъ изгонитъ изъ своего дому любимыхъ дѣтей, какой господинъ накажетъ слугъ, готовыхъ пожертвовать для него всѣмъ, даже жизнію,— на усердіи которыхъ къ господину опирается его власть, честь и богатство! Но существованіе монастырей въ царствѣ польскомъ, и при томъ существованіе самое привольное, безконтрольное, объясняется тою терпимостію, снисхожденіемъ и незлобіемъ, которыя возможны только въ правительствѣ, держащемся *правило* ученія Христова, способнаго прощать злодѣянія личныхъ враговъ, покрывать своимъ великодушіемъ низости людей, ничего не получавшихъ отъ него, кромѣ безпредѣльныхъ благодѣяній.

Но всему въ мірѣ есть предѣлъ: есть предѣлъ и христіанскому незлобію, есть черта, закоторою снисхожденіе равняется преступленію. Если кроткій и незлобивый Христосъ изгналъ *вервіемъ* изъ храма Іерусалимскаго всѣхъ, осквернявшихъ его святыню безчинствомъ уличныхъ занятій; то можно ли удивляться, что и самое гуманное въ мірѣ (*потому что православное*), русское правительство, наконецъ нашло себя въ необходимости изгнать изъ святилища убѣжищъ христіанскихъ людей, торговавшихъ въ нихъ

и клятвою другихъ, и своими обѣтами, и религіей, и злодѣяніемъ. Скорѣе нужно удивляться великодушію Того, Кто видѣлъ столько опытовъ, враждебныхъ къ намъ отношеній латинскаго монашества, и при всемъ томъ такъ снисходительно отнесся къ ихъ преступленіямъ, что наказаніе ихъ злодѣяній немного развѣ отличается отъ помилованія. А опытовъ закоренѣлой, неукротимой ненависти къ намъ латинской іерархіи, начиная отъ Гозія до Мацкевича, заявлено такъ много, что сомнѣваться въ этой ненависти долѣе, значитъ ничего не видѣть, что не взять противъ нея мѣръ самосохраненія, значилобы слишкомъ мало дорожить собою, слишкомъ дешево цѣнить цѣлость и спокойствіе нашей церкви и отечества. Но никогда эта безпричинная и кровожадная ненависть не проявлялась даже въ средѣ латинскаго монашества, такъ ужасно, какъ въ Польшѣ, въ 1863 году. Въ манифестѣ Всеросссійскаго Императора и Короля Польскаго отъ 27 октября 1864 г. между прочимъ, сказано: „монахи, забывъ заповѣди евангелія и презрѣвъ добровольно — принесенные предъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые сами вступали въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровью неповинныхъ жертвъ.“ Вотъ краткій послужной списокъ служебной дѣятельности польскихъ монаховъ въ эпоху недавняго буйства въ царствѣ польскомъ, — подтвержденный длиннымъ рядомъ самыхъ вопіющихъ фактовъ, юридически обслѣдованныхъ нарочно составленною для того коммисіею! А сколько подобныхъ фактовъ осталось извѣстно одному Всевѣдущему; сколько совершено злодѣяній въ томъ мракѣ, въ которомъ онѣ побольшей части совершаются! Смѣло можно сказать, что еслибъ *уничтожены* были въ царствѣ *всѣ* монастыри латинскіе, едвали и одинъ изъ нихъ былъ бы уничтоженъ напрасно. Ссылаемся на вашу совѣсть, оо. святые обитатели этихъ монастырей, — сами скажите въ душѣ своей, далеки ли мы отъ истины? *)

---

*) Высочайше назначенная поделу о польскихъ монастыряхъ коммиссія говоритъ: „мы непомѣщаемъ фактовъ, хотя бы и общеизвѣстныхъ и всѣми признанныхъ за достовѣрные, но не под-

Еще смѣлѣе можемъ сказать, что если бы гдѣ либо въ тѣхъ націяхъ, которыя такъ часто, такъ недавно обзывали насъ тиранами, такъ грозно укоряли насъ въ угнетеніи поляковъ, въ стѣсненіи ихъ религіи,—патеры обнаружили такое буйство противъ предержащей власти, такую кровожадность къ покровительствующей ихъ націи, — всѣ убѣжища ихъ были бы разгромлены, сами они, *по меньшей мѣрѣ*, были бы изгнаны изъ предѣловъ той страны, противъ которой неистовствовали, и всѣ имѣнія ихъ сдѣлались бы *достояніемъ націи*.

Что же дѣлаетъ русское правительство? Изъ 197 монастырей, этихъ резервуаровъ резолюцій, которые всѣ можно было бы *уничтожить*, по причинамъ каноническимъ и криминальнымъ, непогрѣшаемъ ни предъ Богомъ, ни предъ людьми, оно закрываетъ, или точнѣе обращаетъ изъ монастырей въ приходскія церкви, — только 114 и оставляетъ неприкосновенными 83 монастыря (кромѣ разныхъ другихъ корпорацій), которыхъ все еще слишкомъ много на 3,800,000 латинскихъ жителей царства польскаго; монаховъ упраздненныхъ монастырей не изгоняетъ изъ отечества, не предоставляетъ даже собственной ихъ участи, а позволяетъ переселиться въ монастыри соотвѣтствующихъ орденовъ, снабжаетъ монашествующихъ всѣми средствами къ жизни, къ путешествію, распространяя эти милости (и при томъ сугубо) даже на тѣхъ, которые, въ порывѣ безсильной злобы противъ Россіи, захотѣли бы переселиться заграницу; имѣнія и капиталы обращаетъ не

твержденныхъ формальными доказательствами... Представленныя (коммиссіею) вѣдомости заключаютъ въ себѣ далеко еще не всѣ данныя, относительно содѣйствія монастырей и монаховъ подготовленію и развитію мятежа... Изложенныя (въ докладѣ) черты представляютъ далеко еще не полную картину этого (участія монаховъ въ бунтѣ) сложнаго явленія, которому подобнаго съ трудомъ можно найдти въ исторіи другой страны... Дѣятельность монаховъ ускользала отъ всякаго наблюденія... Коммиссія имѣетъ въ рукахъ положительныя тому (участіе монастырей въ бунтѣ) доказательства .. (такъ что) факты, дознанные подлежащими начальствами и сдѣлавшіеся предметомъ формальныхъ слѣдствій, составляютъ лишь малую долю тѣхъ преступныхъ дѣйствій, которыми польское монашество заявило свое участіе въ бывшихъ смутахъ.

въ казну, не въ общій фондъ государственныхъ доходовъ, а даетъ имъ спеціальное, самое прогресивное назначеніе,— повелѣвъ употреблять доходы съ этихъ имѣній *только* на содержаніе остающихся монастырей, на ремонтъ церковныхъ зданій, нарасходы по закрытію монастырей, на усиленіе средствъ къ содержанію приходскаго духовенства, учебныхъ заведеній и на содержаніе богоугодныхъ заведеній. Какое правительство, даже при меньшихъ поводахъ къ праведному и поголовному негодованію на латинское монашество, поступило бы съ ними снисходительнѣй!...

И новиціатамъ, которые въ монастыряхъ не рѣдко тунеядствуютъ и пресмыкаются предъ своими старшими, предоставлены всѣ средства къ исходу изъ этого положенія,— имъ обезпечивается полезная жизнь въ обществѣ, посредствомъ назначенія безбѣдной, на первыхъ порахъ и при другихъ занятіяхъ, пенсіи и квартирнаго пособія; для новиціатовъ—это огромное благодѣяніе. Новиціаты,— это побольшей части пролетаріи, поступающіе въ кляшторъ, повыраженію ихъ самыхъ, „nie dla Iezusa, a dla chleba kusa;“ это люди, набербованные для укомплектованія арміи св. отца, для подготовленія къ ролѣ будущихъ политическихъ интригантовъ. Облегченіе этимъ людямъ исхода съ ихъ скользскаго пути-выгодно для нихъ. Тѣмъ хуже для новиціатовъ, которые не поймутъ намѣреній человѣчнаго правительства, не оцѣнятъ какъ нужно его благодѣяній. Само собой—мы, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ нашей замѣтки, слишкомъ далеки отъ обобщенія нашихъ мыслей и наблюденій, отъ поголовнаго осужденія монашескаго принципа, отъ укора всѣхъ монаховъ римскихъ, отъ запрета всѣмъ новиціатамъ слѣдовать неодолимому призванію къ монашеской жизни; мы имѣемъ въ виду тѣхъ, которые слишкомъ сильно чувствуютъ противоположное призваніе, а такихъ огромное большинство. Рѣдкій, въ самомъ дѣлѣ, юноша возчувствуетъ *неложное* призваніе къ несродной ему жизни—даже при той обстановкѣ, къ которой съ дѣтства привыкли всѣ его 5 чувствъ, при тѣхъ подстрекательствахъ и заохочиваньяхъ, въ которыхъ такъ неподражаемы ихъ руководители и образцы, при той легкоти отношеній къ монашескимъ обѣтамъ, которая составляетъ главнѣйшую приманку къ монашеской жизни, со стороны руководящихъ руководи-

ныхъ: „non caste, sed caute“ — обычная догма этихъ патеровъ—педагоговъ.

Неменѣе мудры и благодѣтельны льготы, предоставленныя указомъ отъ 27 октября, тѣмъ изъ польскихъ монаховъ, которые захотѣли-бъ отправиться на постоянное жительство за границу. Но этою льготой, кажется, воспользуются только не истые монахи, а истые красные, которые не могутъ уже скрыть своей ненависти къ намъ и православію, и которымъ всего необходимѣе, для избѣжанія искушеній къ новымъ резолюціоннымъ попыткамъ,—избавить насъ отъ своего сосѣдства. Но, къ изумленію нашему, какъ этою льготой, такъ и предоставленною новиціатамъ, воспользовались весьма немногіе. Что это значитъ? Мѣры такъ гуманны, такъ раціональны; отъ чего же патеры не примѣняютъ ихъ къ своимъ особамъ? Неужели они думаютъ, что ихъ присутствіе въ краѣ еще необходимо для какихъ то цѣлей?!....

Особенно незабвеннымъ и благодѣтельнымъ дѣлаетъ указъ 27 октября-отнятіе у латинскаго монашества образованія разнаго юношества. Нестанемъ указывать цѣль и характеръ этого образованія: они извѣстны всякому, они довольно ясно и подробно намѣчены выше. Вліяніе клерикальнаго образованія на массы народныя, на души питомцевъ, настрой общественной жизни, столь же ядовито, сколько вліяніе на образованіе нравственнаго духовенства—раціонально и благотворно; первое идетъ въ разрѣзъ счастью человѣческихъ обществъ, послѣднее ведетъ прямо къ нему—по той дорогѣ, которую указываетъ божественное откровеніе, разумъ человѣческій и наблюденія историческія надъ судьбами человѣчества; первое—революціонное, ультрамонтанское, послѣднее консервативное-нравственно-христіанское. Что, напр., такое миссіонерская семинарія, какъ не педагогическое, воспитательно-образовательное заведеніе ультрамонтанства, какъ не разсадникъ, въ которомъ растутъ и зрѣютъ политическіе дѣятели и агенты ватиканскаго двора, снабженные безсрочной индульгенціей на всѣ средства, ведущія къ всемірному преобладанію римскаго первосвященника!? Слитіе такой семинаріи съ обыкновенными, такъ называемыми спеціальными заведеніями, подчиненіе ихъ, равно какъ и всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній въ царствѣ, контролю

и администраціи департамента народнаго просвѣщенія,— указываетъ радикальное противоядіе отъ той нравственной отравы, какую подносили своимъ питомцамъ патеры-педагоги,—вырываетъ изъ рукъ ихъ самое надежное оружіе папской пропаганды, которымъ такъ искусно научились въ теченіе вѣковъ владѣть самозванные, непрошенные, просвѣтители западной Европы.

Какъ же отнеслась европейская пресса къ указу 27 октября? На передъ оговоримся, что мы предлагаемъ этотъ вопросъ не потому, чтобъ были слишкомъ любопытны, или слишкомъ трусливы. Вопросъ: что скажетъ Европа? у насъ имѣетъ со всѣмъ иное значеніе, чѣмъ у тѣхъ, которые хотѣли пугать насъ или себя приговоромъ, неимѣющимъ для насъ никакой силы и значенія, маскировать имъ какую-нибудь заднюю мысль или намѣреніе. Вопросъ этотъ для насъ излишенъ, когда дѣло идетъ о разногласіи Европы съ нашимъ образомъ мыслей и дѣйствій; но когда наши правительственныя распоряженія встрѣчаютъ одобреніе въ тѣхъ даже кружкахъ, которыхъ симпатіи къ намъ болѣе чѣмъ сомнительны, то въ подобныхъ приговорахъ мы должны видѣть торжество истины надъ предзанятыми мыслями, мимовольное, такъ сказать, рукоплесканіе, вызванное исторической доблестью. Какъ же-повторимъ-отнеслась европейская пресса къ указу 27 октября? Потому ли, что Европа далеко раньше насъ сдѣлала то, что мы сдѣлали въ крайней только необходимости, назадъ тому нѣсколько мѣсяцовъ, потому ли, слѣдовательно, что осуждая насъ, она еще строже осудила бы самое-себя, или потому, что нужно не имѣть ни смысла, ни чести, чтобы протестовать противъ дѣла вопіющей ясности и правды,—только Европа весьма снисходительно посмотрѣла на закрытіе *нѣкоторыхъ* монастырей въ царствѣ польскомъ. За исключеніемъ весьма понятнаго шума нѣкоторыхъ революціонныхъ и клерикальныхъ органовъ, теряющихъ въ закрываемыхъ монастыряхъ сильную поддержку, всѣ вліятельныя газеты отнеслись къ этой реформѣ въ царствѣ, какъ мѣрѣ полезной и необходимой. Мы незатрудняемъ нашихъ читателей выдержками въ этомъ родѣ изъ заграничной прессы—какъ потому, что она мало сказала намъ новаго, что она все-та-

ки была сдерживаема разновѣріемъ съ нами религіознымъ и не вполнѣ досказывала мысль, такъ и потому, что любопытные могутъ читать эти приговоры въ нашихъ газетахъ и частію въ нашемъ журналѣ. Развѣ то для насъ въ настоящемъ случаѣ замѣчательно, что нѣкоторые западные органы, въ своихъ отзывахъ о закрытіи въ царствѣ монастырей, пошли далеко выше совершившагося факта. Судя о другихъ по себѣ, не могши возвыситься до уровня великодушія русскаго монарха,—они скорбятъ о томъ, что незакрыты всѣ монастыри царства польскаго. Огранъ Сити (Tim.) поворитъ прямо, что „монашество (конечно, папское) отжило свой вѣкъ". М. Her. разсуждаетъ такъ: „Еслибъ (для предотвращенія вредныхъ агитацій со стороны монастырей на будущее время,—сказано выше) ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, вдругъ, однимъ указомъ *уничтожилъ* всѣ монастыри *и ордена* въ царствѣ нольскомъ, имѣнія ихъ отобралъ *въ казну* и въ тоже время подчинилъ свѣтское духовенство непосредственному контролю властей административныхъ; то онъ . . . . сдѣлалъ бы только то, что сдѣлалъ бы каждый *католическій* государь, при рукоплесканіяхъ всѣхъ сторонниковъ польскихъ, подущавшихъ недавно поляковъ къ бунту.... Мѣры его (при закрытіи монастырей).... далеко непохожи на тѣ, которыя въ подобномъ случаѣ употребляли и употребляютъ державы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ католическія, каковы: Испанія, Португалія, Италія и друг.... Римско-католическая церковь не можетъ не видѣть, что Императоръ (русскій), хотя принадлежитъ къ другому вѣроисповѣданію, далеко оказался въ отношеніи къ ней великодушнѣе тѣхъ монаховъ, которые титулуются „послушнѣйшими сынами церкви,"— и далѣе въ томъ же родѣ. Nord. спрашиваетъ: „Для чего въ этомъ случаѣ (закрытіи монастырей) русское правительство ограничилось закрытіемъ нѣкоторыхъ только монастырей, вмѣсто того, чтобъ уничтожить ордена, которыхъ эти монастыри были слѣпыми агентами, быть можетъ, больше только другихъ не ловкими?....

Наказать только монастырь, а пощадить орденъ, къ которому онъ принадлежитъ,—это мѣра похожая на ту, какъ еслибы кто отсѣкъ разбойнику руку, учинившую

злодѣяніе."—Можно соглашаться или несоглашаться съ такимъ или другимъ взглядомъ на принципъ, но съ самымъ принципомъ нельзя несогласиться.

Неможемъ здѣсь пройдти молчаніемъ и той фактической истины, что инипіатива закрытія мятежныхъ монастырей папскихъ положена въ западной Россіи, и что заграничная пресса почти необратила вниманія на это весьма нормальное и законное явленіе.

. . . . ъ.

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И

СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе)

Часть II.

V.

Крещеные.

Высокимъ столбомъ подымался дымъ съ площади града, среди которой стоялъ богъ грома и молній,—великій богъ древнихъ славянъ-Перунъ. Вѣчно горѣлъ предъ истуканомъ костеръ дубовыхъ или ясеновыхъ вѣтвей..., вѣчно несло отъ той площади смрадомъ тлѣвшихъ труповъ людей и животныхъ. Вся площадь была покрыта костьми и пепломъ полусожженныхъ жертвъ. Постоянно предъ истуканомъ видѣли кіевляне ревностныхъ поклонниковъ богу-Перуну, приносившихъ жертвы, или женщихъ, гадавшихъ по пеплу сожженныхъ жертвъ о своей будущности. Идольство воцарилось вновь въ градѣ Ольги, и распространилось такъ, какъ, быть можетъ, никогда до того не распространялось. За то и крещеные страдали такъ, какъ никогда до того не страдали отъ дикости и изувѣрства перунщиковъ.

Оплакивали крещеные времена князя Аскольда и князя Олега; оплакивали они и приснопамятные дни великой княгини

Ольги.... Но святая надежда на лучшее будущее проникала живительнымъ лучемъ въ ихъ сердце и окрыляла духъ ихъ небесною радостью....

Послѣ смерти великой княгини Ольги, любимый ею теремокъ, находившійся на Берестовомъ, въ которомъ, какъ помнятъ читатели, великая княгиня Ольга встрѣтила сына своего,—свѣтлаго пардуса, великаго князя Святослава, когда онъ возвратился въ Кіевъ, послѣ похода въ Болгарію,—рѣдко былъ посѣщаемъ князьями. Святославъ, по смерти матери своей, совершенно забылъ объ этомъ теремѣ; потомъ добродушный Ярополкъ допустилъ, вопреки желанію кіевлянъ-перунщиковъ, свободно селиться на Берестовомъ крещенымъ и никогда туда не пріѣзжалъ. Въ первые же дни княженія своего великій князь Владиміръ вспомнилъ о любимомъ бабкою его теремѣ. Да какъ было и не вспомнить о томъ мѣстѣ, гдѣ протекали его дни дѣтства, гдѣ онъ испытывалъ самую нѣжную любовь и ласки своей бабки, гдѣ жила его мать.... Вспомнилъ великій князь о Берестовомъ, вспомнилъ теремокъ, вспомнилъ тѣ правила, которыя внушала ему бабка-христіанка и мать-христіанка, вспомнилъ онъ многія ихъ наставленія и святые завѣты. И любо было ему увидѣть дебри Берестоваго и поляну предъ теремкомъ, покрытую ярко зеленою бархатною травою; вспомнилъ онъ и встрѣчу отца своего бабкою своего, происходившую въ Берсетовомъ теремкѣ, вспомнилъ какъ отецъ его пожаловалъ Волчьяго-Хвоста въ воеводы и опредѣлилъ его къ нему....

И вотъ въ одинъ день великій князь пріѣхалъ на Берестовое въ теремокъ и призвалъ къ себѣ воеводу Волчьяго-Хвоста и мечниковъ Ивана и Петра, жившихъ на Угорищѣ.

Они явились.

Великій князь сидѣлъ въ теремкѣ за дубовымъ столомъ, покрытымъ поволочною скатертью и предъ нимъ лежалъ толстый пергаментный свитокъ, исписанный по гречески, принадлежавшій еще его бабкѣ и хранившійся съ прочими ея вещами въ томъ теремкѣ. Великій князь внимательно его пересматривалъ, и нѣкоторыя страницы даже прочитывалъ.

— Я желалъ видѣть васъ—крещенцевъ, и подумать съ вами здѣсь думу, да думу крѣпкую, садитесь!

Великій князь указалъ имъ мѣста за столомъ; крещенцы повиновались.

— Бабка моя, съ дней отрочества моего научила меня познавать Бога небеснаго,—началъ говорить князь.—Знаю я вѣру вашу. Я поставилъ боговъ славянскихъ, но и отецъ мой, на внушенія своей матери—признать вѣру вашу, то есть новый законъ, отвѣчалъ: могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною? И я познаю Бога небеснаго, но не могу плыть противъ разъяренной волны. Однакоже и въ морѣ жизни, въ морѣ бурномъ и опасномъ, я научусь плыть такъ, чтобы спасти жизнь и свою и моего народа. Много ли въ Кіевѣ держащихъ новый законъ?

— Нѣсколько сотъ, а съ женами болѣе тысячи, — отвѣчалъ Храбль.

— И три большія божницы, въ коихъ вы молитесь! Гдѣ же живутъ новозаконники?

— По всѣмъ мѣстамъ града, но большая часть на Угорищѣ, въ Берестовомъ, на Подоліи и часть на Лыбеди.

— Для того, чтобы защищать васъ отъ буйства людей стараго закона, я поселю въ этомъ теремкѣ моихъ одринницъ; тоже самое сдѣлаю и на Лыбеди, гдѣ построю для нихъ новый теремокъ. Вы и другіе новозаконники будете ихъ охранять, и не дерзнетъ людъ славянскаго закона гнать васъ; а что будетъ далѣе, то Богъ, держащій въ рукахъ своихъ небо и землю, укажетъ мнѣ. Ты, воевода Волчій-Хвостъ, какъ былъ до сего времени любимымъ мною и остаешься при мнѣ, а вы, мечники, поступаете въ мою теремную дружину.

Сказавши это, великій князь всталъ изъ за стола и въ сопровожденіи крещенцевъ осмотрѣлъ теремокъ, прошелся по лѣсу, и потомъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ каменный теремъ, во градъ.

Въ тотъ же день, къ вечеру, Храбль возвратился въ Угорище и пріѣхалъ къ доминѣ глубокаго старца, попа Григорія. Привязавъ коня къ стволу дерева, росшаго близъ долины, Волчій Хвостъ постучалъ тихо три раза въ дряхлую дверь домины и произнося слова молитвы. Полусогнившая дощатая дверь со скрыпомъ отворилась, и изъ за нее высунулась скудоволосая голова попа Григорія, который, увидѣвъ Храбля пригласилъ его войти въ домину. Храбль вошелъ въ знакомую намъ келійку.

— Да благословитъ Господь Спаситель приходъ твой, сынъ мой. Садись вотъ здѣсь,—произнесъ дрожащимъ голосомъ попъ.

Принявъ благословеніе старца, Храбль сѣлъ на деревянной

скамьѣ, на которой много и много разъ сидѣла великая княгиня Ольга, во время посѣщеній своихъ отца Григорія. Попъ сѣлъ противъ Храбля.

— Какую вѣсть принесъ, благую или смертную. Ты, кажись, пріѣхалъ изъ града?

— Вѣсть благую, отче святый.

— Давно ли видѣлъ великаго князя?

— Сегодня, утромъ, отче; онъ пріѣзжалъ въ берестовый теремокъ и, вызвавъ меня, Ивоя и Петра, говорилъ намъ о намѣреніи своемъ поселять въ теремкѣ своихъ одринницъ, дабы этимъ защищать насъ—крещеныхъ отъ напастей лютыхъ перунщиковъ. Другой теремокъ также для одринницъ онъ желаетъ построить на Лыбеди. Великій князь повѣдалъ намъ, что онъ будетъ оберегать насъ—ново-законниковъ и изъ его словъ видно, что онъ непротивъ небеснаго Бога, но время еще не приспѣло общей благодати.

— Денно и нощно молюсь я Господу, чтобы святое зерно, посѣянное бабкою великаго князя на сердце его, взошло, возросло и принесло плодъ добрый—Богу угодный, и я крѣпко вѣрю, что моя молитва будетъ рано или поздно услышана милосерднымъ Господомъ. Что онъ намѣренъ поселить въ теремцѣ одринницъ, это, отчасти, дѣло доброе. Быть можетъ, многія изъ нихъ постигнутъ умомъ и сердцемъ своимъ Бога живаго, Господа вседержителя и, въ свою очередь, будутъ благотворно дѣйствовать на душу князя.

— Въ числѣ его одринницъ есть гречанки, которыя исповѣдуютъ Христа. Онѣ всѣ будутъ приходить въ нашу церковь и, если Богу будетъ угодно, то и другихъ научатъ познавать Бога небеснаго.

— Такъ, такъ, сынъ мой; ты говоришь святую правду.

— Великій князь поручилъ присмотръ за Берестовымъ теремкомъ мнѣ; а затѣмъ, который будетъ построенъ на Лыбеди, поручилъ наблюдать Петру, а за вышегородскимъ теремкомъ будетъ смотрѣть Ивой.

— Все ладно, и за все слава Отцу небесному!

— Такое распоряженіе и мнѣ по сердцу. Я постоянно буду видѣть тебя, отче,—мать мою и Юнію.

— Ты останешься съ нами. Благодареніе Богу!

— Каждый разъ, какъ я прихожу въ твое жилье, на память мнѣ приходитъ моя прежняя жизнь и жизнь Юніи. Цѣла эта

маленькая горенка, въ которой возрастала моя несравненная Юнія, питаемая твоими богоугодными рѣчами;—всегда и вездѣ живо представляются мнѣ ея дѣтскія лѣта....

Храбль всталъ съ своего мѣста и вошелъ въ другую маленькую келлейку, находившуюся рядомъ съ келліею, въ которой онъ разговаривалъ съ отцемъ Григоріемъ.

— Вотъ та икона Богоматери, которая стояла надъ ложемъ Юніи и та же теплится предъ нею лампадка, которая теплилась и во дни дѣтства Юніи, когда она здѣсь спала. Боже милостивый! какъ быстро текутъ дни человѣческіе! произнесъ Храбль, сложивъ руки на груди и на нѣсколько мгновеній глубоко задумался. Потомъ, какъ бы очнувшись отъ дремоты, и возвысивъ голосъ, сказалъ:

— Отче святый! я твердо рѣшился въ самомъ скоромъ времени поять себѣ въ жены Юнію, по закону Божію, и ты, отче Григорій, благослови насъ.

— Сынъ мой Николай! Совершимъ для Господа и всего люда нашего великое дѣло, повергнемъ во прахъ идоловъ, поставленныхъ во градѣ великимъ княземъ,—наставимъ перунщиковъ на путь истинный, и тогда рука моя съ святымъ благословеніемъ ляжетъ на главы ваши,—тогда Юнія да будетъ твоею женою, но до той годины ты долженъ служить одному Богу...

Храбль въ задумчивости склонилъ голову къ груди и, помолчавъ нѣсколько мгновеній, сказалъ:

— Отче святый, сколько уже лѣтъ прошло съ той годины, въ которую она могла быть моею! Я защитилъ градъ, я принялъ крестъ....

— Умолкни, умолкни сынъ мой! ты все это дѣлалъ только для себя, а не для Бога и Юніи. Ты еще сдѣлай доброе дѣло и для Бога и всего народа. Мать же Юніи и самая Юнія много сдѣлали и дѣлаютъ добра и для тебя и для всего люда крещенаго. Вспомни и клятву, данную тобою въ пещерѣ, послѣ принятія святого крещенія.

— Отче святый, неужели мнѣ и умереть, не дождавшись того дня, когда я могъ бы наречь Юнію моею женою! Нѣтъ я не могу откладывать этого на дальше! И что же я еще долженъ сдѣлать, чтобы она была моею?

— Мы всѣ должны молить Бога и стараться обратить въ прахъ бездушныхъ идоловъ славянскихъ, для торжества вѣры въ истиннаго Бога....

— Нѣтъ, отче святый, я прошу тебя благослови насъ!

— Побывай въ пещерахъ и проси сперва благословенія у матери твоей невѣсты...

Въ тревожномъ состояніи духа возвращался воевода отъ отца Григорія. Онъ шелъ къ знакомой намъ пещерѣ, ведя за поводъ коня своего. По временамъ вырывался вздохъ изъ груди воеводы; взоръ его былъ потупленъ долу. Медленно пробирался онъ среди чащи кустовъ, по крутому косогору. Кое-гдѣ, среди чащи лѣса, встрѣчалъ онъ крещеныхъ жителей пещерныхъ, собиравшихъ ягоды и грибы,—размѣнявшись поклонами, воевода удалялся отъ нихъ, торопясь скорѣй увидѣть Юнію.

Чрезъ полчаса, онъ приблизился къ знакомому намъ входу въ пещеру.

На небольшой площадкѣ, находившейся предъ пещерою, съ которой воевода показывалъ когда то Костарю восходъ солнца изъ-за Днѣпра, говоря, какъ солнце величественно взошло надъ Кіевомъ и озарило землю,—такъ вскорѣ взойдетъ надъ Кіевомъ солнце креста и озаритъ также святою вѣрою и Кіевъ и цѣлую Русь,—воевода встрѣтилъ мать свою, мать Юніи и Юнію. Всѣ въ троемъ онѣ вязали рыболовныя сѣти, для своихъ крещенныхъ братьевъ.

Привязавъ коня къ вѣтви дерева, воевода подошелъ къ *своимъ*. Прибытію его крѣпко возрадовались женщины. На лицѣ Юніи заигралъ яркой румянецъ. Она не видѣла воеводы уже нѣсколько дней; прибытіе его было для нея особенно пріятно.

Усѣвшись подлѣ матери, воевода повелъ рѣчь о посѣщеніи великимъ княземъ *берестоваго теремка*, передавалъ все сказанное Владиміромъ и заключилъ тѣмъ, что хотя великимъ княземъ и поставлены идолы, но онъ не позволитъ перунщикамъ гнать и мучить крещеный людъ. Воевода увѣрялъ женщинъ, что идольство должно перемѣнится на новый законъ, который хорошо знакомъ великому князю и затѣмъ началъ говорить о своей жизни...

— Были дни великой княгини Ольги,—дни счастливые для крещеныхъ, и жили крещеные спокойно, женились, рождали дѣтей и крестили ихъ, и росли дѣти и все было ладно, какъ говоритъ попъ Григорій; настали дни Святославовы, и крещенные, хотя и страдали отъ перунщиковъ, а все же жили по своимъ мѣстамъ и число ихъ не уменьшилось; росли ихъ дѣти спокойно. Тоже самое было и въ княженіе Ярополка; тоже самое бу-

детъ и при нынѣшнемъ великомъ князѣ. Берутъ въ жены себѣ крещеные не только крещеныхъ дѣвъ, но и не крещеныхъ, приведутъ такихъ къ новому закону, и отецъ Григорій брачитъ ихъ. Такъ почему же и мнѣ съ Юніею непобрачиться?

— Конечно такъ, прервала воеводу мать его, но, сынъ мой, счастлива ли будетъ жизнь ваша, угодно ли будетъ великому князю такое твое намѣреніе....

— Князю? А что ему до меня! Онъ знаетъ, что я крещеный, что я противъ идольства, что я уже не тотъ воевода, который былъ во дни его отца... Я сдѣлалъ много для князей, для Кіева, а они что сдѣлали для меня?! Служи, служи вѣчно,— вотъ и все, а какой почетъ? тотъ же, что и всякому служилому и не служилому... Нѣтъ! я хочу оставить свое воеводство, забыть великокняжескіе терема и тамошнія пированья: и безъ меня у великаго князя не будетъ не дочета въ воеводахъ, что я за чудо богатырь,—двѣнадцатиглаваго змѣя не побѣждалъ, въ плугъ его не запрягалъ и окопа вокругъ Бѣлогоротода имъ не дѣлалъ.... Нѣтъ, мать моя, я уже не юноша и Юнія уже не та маковка, которая расцвѣла предъ зарею. Мы оба уже въ лѣтахъ, пора намъ жить вмѣстѣ. Все, все для нее одной я творилъ. Жизнь мою за нее не разъ и не два подвергалъ явной смерти, и что же слышу, мать моя, отъ тебя и отъ попа Григорія!!...

Сказавъ это, воевода склонилъ голову на лѣвую руку; локоть коей уставилъ на свое колѣно, и сильно задумался. Юнія, безмолвно сидѣвшая вовсе продолженіе разговора, когда онъ прервался, также опустила голову долу, продолжая по прежнему вязать сѣть, только нѣсколько торопливѣе. Мать ея, съ какимъ то дикимъ пылающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ блуждающимъ взоромъ, смотрѣла то на Олель, то на воеводу, и также безмолвствовала.

— Юнія, что скажешь ты на рѣчь сына моего?

Юнія молчала, продолжая вязать сѣть еще торопливѣе.

— Юнія, ты неслышишь моихъ словъ, или не хочешь отвѣчать на нихъ?

— Ни то, ни другое. Могу ли я отказаться быть женою воеводы! Вамъ извѣстны мои мысли и желанія; но насталъ ли уже тотъ часъ, въ который мы безбоязненно за наше счастіе можемъ жить вмѣстѣ?... Не разлучитъ ли насъ злая гадина. Охъ! страшны дѣла идольщиковъ, коихъ такъ честитъ великій князь! Матерь моя! Я всею душею предана воеводѣ; вы знаете, что чрезъ

него мы нынѣ здѣсь вмѣстѣ, чрезъ него мы крещеные. Но кто поручится, что завтра же насъ не растерзаютъ злобные перунщики? гдѣ мы нынѣ можемъ найти такое убѣжище, въ которомъ безопасно могли бы жить? А если бы Богъ послалъ намъ дѣтей, то какъ бы ихъ возростили... Горе, тяжкое горе точитъ мое сердце, какъ подумаю, что, побратавшись съ воеводою и проживши дѣтей, лютый врагъ креста—перунщикъ вырветъ изъ рукъ моихъ мое дѣтище, растерзаетъ его предъ своимъ поганымъ перуномъ, обагривъ невинною кровью младенца все нечестивое сборище демонскихъ кумирниковъ! О, эта мысль не даетъ мнѣ покою и день и ночь; а въ особенности съ того дня, въ который великій князь сотворилъ такое пированье богамъ своимъ!!...

На нѣсколько мгновеній Юнія умолкла. На прекрасномъ лицѣ ея то вспыхивалъ пламень румянца, то совершенно исчезалъ и лице становилось бѣло, какъ бѣлый воскъ. Потомъ она, воодушевилась больше прежняго, съ гордостію приподняла голову и, смотря своими прежными глазами на воеводу, начала говорить протянувъ къ нему руку.

— Я твоя, вѣчно твоя! меня съ тобой никто неразлучитъ; ты меня любишь и я тебя также люблю, но Храбль, ты для меня мой прежній Храбль,—скажи же мнѣ, поручишься ли ты, что твое дитя не растерзаютъ на жертвищѣ предъ Перуномъ?!!

— Кчему такія мрачныя предсказанія?

— Да вѣдь это можетъ быть, сказала Олель.

— Могутъ же растерзать, сказала Юнія!

— Какой бы я былъ отецъ, чтобы отдалъ на растерзаніе свое дѣтище!

— Какой бы ты былъ отецъ! такой какъ и прочіе отцы, у которыхъ отнимаютъ силою дѣтей перунщики для принесенія ихъ въ жертву перуну, сказала Олель.

— Нѣтъ, скорѣе они меня убили бы, нежели взяли мое дитя.

— Все равно, твоя ли смерть или смерть моего дитяти не составятъ для меня счастія, отозвалась Юнія.

Во время этого разговора къ разговаривавшимъ приблизился, поддерживаемый Ивоемъ и Петромъ, едва передвигавшій ноги старецъ попъ Григорій. Завидѣвъ его еще издали женщины вскочили съ своихъ мѣстъ и почтительно подошли къ нему, подъ благословеніе. Старецъ, осѣнивъ каждую знаменіемъ св. креста, сѣлъ на указанное мѣсто. Женщины, воевода, Ивой и Петро сѣли близъ отца Григорія.

— О чемъ рѣчь вели, спросилъ отецъ Григорій.

— Рѣчь славную вели, да, быть можетъ, то, что хотѣлось бы намъ исполнить нынѣ еще неблаговременно,—сказала мать воеводы.

— Знаю то, о чемъ рѣчь шла. Оно, когда хотите знать, и благовременно; слѣдовало бы развѣ немного только обождать.

— Да и я тоже сказала,—проговорила Олель.

— Да, какъ хотятъ наши дѣти, пусть такъ и творятъ. Я сказалъ воеводѣ, что на него единаго нынѣ уповаетъ весь кіевскій міръ крещеный, что побратавшись онъ уже не будетъ такимъ дѣятельнымъ защитникомъ нашимъ, какимъ былъ и можетъ быть еще.

— И я тѣхъ мыслей, святый отче, произнесла Юнія. Я ничья, какъ его, но еще мало нужно пождать, еще надобно перетерпѣть годину злую, лютую и быть можетъ, скоро наступятъ дни лучшіе, когда спокойно можно будетъ жить крещенымъ.

— О, святой отче! кто же назначитъ тотъ день, въ которой крещеные освободятся отъ власти перунниковъ! кто скажетъ, что такой день уже близокъ! Вѣдь я и Юнія быть можетъ прожили уже большую половину своей жизни....

— Слушай, милый сынъ мой: день нашего избавленія отъ идольскихъ казней уже недалекъ. Приблизить его ты можешь и долженъ твоимъ стараніемъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ выслушай меня! Послѣ того, какъ Богъ сподобилъ тебя принять святое крещеніе, мы сюда же собрались, и помнишь ли тогда сказанное тебѣ мною?

— Помню: ты мнѣ говорилъ объ обязанностяхъ крещенаго....

— Мало того—вотъ что я тебѣ сказалъ: служа, какъ воевода, великому князю ты долженъ еще болѣе послужить Господу и его избраннымъ. Ты обязанъ и можешь просвѣтить ученіемъ христовымъ близкихъ къ князю и дѣйствовать благотворно на душу его самаго. Ты много можешь сдѣлать и сдѣлаешь, если только восхочешь. На такія слова мои ты мнѣ тогда же отвѣчалъ: Отче, всю жизнь мою я посвящу Христу. Посвяти же теперь хотя нѣсколько дней! Великій князь не чуждъ истинной вѣры, надобно же привести его къ ней, а удобнѣе всѣхъ ты это можешь сдѣлать. Юнія твоя. Но она теперь твоя сестра, а скоро настанетъ часъ, когда она будетъ твоею женою. Дни мои

изочтены; я васъ благословляю теперь же на счастливую жизнь. Юнія! подойди ко мнѣ, подойди и ты воевода!

Юнія и воевода приблизились къ стопамъ дряхлаго старца, склонились предъ нимъ, наклонивъ къ его груди свои головы. Старецъ, поднявъ руки къ небу и устремивъ туда же взоръ свой, началъ творить молитву; окончивъ ее онъ съ святымъ умиленіемъ возложилъ руки свои на головы воеводы и Юніи и ниспослалъ благословеніе свыше на ихъ и ихъ потомство.

— Благословите и вы, матери, дѣтей своихъ! Пусть онѣ знаютъ, что отъ сей минуты они неразрывно принадлежатъ другъ другу, но таинство брака совершится надъ ними тогда только, когда самъ воевода признаетъ его благовременнымъ. Алла и Олель, вставши съ своихъ мѣстъ, также съ святымъ умиленіемъ благословили дѣтей своихъ и всѣ четверо, обнявшись, пробыли въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній. Съ неизъяснимымъ святымъ восторгомъ смотрѣлъ на нихъ святой старецъ и два друга воеводы. Чрезъ нѣсколько мгновеній всѣ они сидѣли уже по своемъ мѣстамъ.

— Трудное дѣло возложилъ ты на меня, святый отецъ,— сказалъ воевода. Буду стараться умягчить сердце князя къ намъ крещенымъ; но могу ли въ томъ успѣть, Богъ одинъ вѣдаетъ! Великій князь знаетъ законъ крещеныхъ, но ему любо многоженство идольское. Любитъ онъ и пиры, кои часто даетъ перунщикамъ... Трудно, очень трудно склонить его къ благости крещенымъ.

— Имѣй вѣру въ горчичное зерно и гору двинешъ, сынъ мой,—сказалъ отецъ Григорій. У тебя два славныхъ помощника, тутъ указалъ на Ивоя и Петра.

Великій князь весь преданъ идольству, сказалъ Петро.

— И не любитъ крещеныхъ,—добавилъ Ивой.

— Старайтесь перемѣнить его нравъ; старайтесь дѣйствовать на него ко благу крещенныхъ, и Богъ вамъ поможетъ.

Отецъ Григорій съ трудомъ поднялся съ своего мѣста, Ивой и Петро приближились къ нему, чтобы его поддерживать. Обратясь къ воеводѣ, онъ простеръ къ нему свою руку и сказалъ.

— Дай мнѣ руку!

Воевода подалъ.

— Юнія, подойди и дай мнѣ свою руку.

Юнія подала ему свою руку. Соединивъ руки воеводы и Юніи, онъ сказалъ.

— Отъ этой годины вы неразрывно принадлежите другъ другу. Повторяю снова, что соединю васъ и предъ святымъ престоломъ, конечно, если доживу до той годины, когда Христосъ восторжествуетъ надъ перуномъ. Прощайте же дѣти мои! Пойду въ свою келлію, когда желаете, проводите меня.

— Приводимъ тебя, отецъ нашъ, сказала Алла.

За нею отозвались Олель и Юнія. Воевода, простившись со всѣми, сѣлъ на коня и поѣхалъ по ярамъ и холмамъ, пробираясь узкою тропою ко граду.

Въѣхавши на Берестовое, онъ остановилъ коня, слѣзъ съ него, поправилъ сѣдло, потомъ опять проворно сѣлъ на коня, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, не быть Юніи моею; зачѣмъ я не похитилъ ее прежде! Но, что я говорю?...

Замѣтно было, что онъ не могъ дать себѣ отчета въ собственныхъ своихъ чувствахъ. Благословеніе, данное ему отцемъ Григоріемъ, и утѣшало его и вмѣстѣ поставляло его въ положеніе человѣка, который можетъ достигнуть желаннаго только по совершеніи труднаго подвига — склонивъ великаго князя къ принятію святой вѣры...

Проѣхавъ дремучій лѣсъ берестовскій, воевода приблизился къ *перевѣсищу*, быстрѣе погналъ коня и скоро достигъ пригородныхъ жилищъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИГОЛКА.

(*Разсказъ А. Стороженка, съ малороссійскаго перевелъ самъ авторъ.*)

Давно, когда-то, въ Украйнѣ были люди, которые не признавали надъ собой никакой власти: каждый изъ нихъ смотрѣлъ на старшаго, какъ на врага; на равнаго, какъ на брата, потому что въ этомъ равенствѣ уважалъ самаго себя и собственное достоинство; въ низшемъ же онъ видѣлъ скота, прахъ, нечисть. Все, что Господь щедрою рукою разсыпалъ по свѣту, все это было въ замкахъ этихъ людей, а вокругъ замковъ — полуразру-

шенныя избенки, ограбленный, голодный и холодный людъ. Все доброе и возвышенное, чѣмъ Провидѣніе надѣляетъ человѣка, давая ему сердце и душу, — все погрязло у нихъ въ тинѣ чванства, высокомѣрія и корыстолюбія ненасытнаго. И какъ дико все это у нихъ сложилось и перепуталось: проповѣдывали *вольность-неподлеглость:* а межъ тѣмъ пороли плетьми своихъ же собратовъ, шляхтичей; жгли села, морили народъ тысячами, и потомъ оплакивали несчастныхъ; строили монастыри, костелы, а души свои губили въ смертныхъ грѣхахъ: для забавы стрѣляли въ людей, жгли ихъ, вѣшали; безъ вины карали, безъ заслугъ награждали; изъ своей корысти перегоняли чрезъ огонь людскія слезы, кровь и трудовой потъ, чтобы съ ведра добыть хоть каплю золота. Если бъ свѣтъ съ людьми перевернулся вверхъ дномъ—они не охнули бы: только бы имъ было хорошо и все бы дѣлалось по ихъ волѣ. Широко и далеко раскинулась эта воля; кажется, если бы она встала, то достала бы неба!.... А знаете ли, какъ называли этихъ людей?.... Польскими магнатами!....

Разскажу вамъ кое-что про одного магната, изъ этого кружка, Потоцкаго, который когда-то жилъ въ Тульчинѣ. Жестокъ онъ былъ ко всему роду человѣческому, въ особенности къ жидамъ. Для потѣхи, чего онъ не выдѣлывалъ съ этими несчастными! Бывало нарисуетъ на стѣнѣ углемъ образину, подъ названіемъ *чарный котъ* (черный котъ), и заставляетъ жида бросать въ этого кота камешками, раскаленными въ огнѣ. Только что жидъ дотронется до камешка, и вскрикнетъ: „Вай, вай!“— обжегъ, бѣдняга, пальцы, а магнатъ его нагайкой: „Попадай,“ говоритъ, „Иродъ! не то запорю до смерти!“ Что дѣлать хватаетъ сердечный камешекъ, бросаетъ. Промахнулся — бьетъ жида за то, что промахнулся; попадетъ—опять хлещетъ: „Зачто,“ говоритъ, „бьешъ *чарнего кота?*“ Да такъ и забавляется съ нимъ, какъ кошка съ мышью, пока не замучитъ несчастнаго Шмуля до полусмерти. Разъ застрѣлилъ онъ жида не своего, а чужаго владѣнія, такого жъ магната, какъ и самъ. Да еще какъ застрѣлилъ! Далъ жиду червонецъ, и говоритъ: „Полѣзай на вербу и кукуй.“ Жидъ обрадовался червонцу, вскарабкался на вербу, и только что закуковалъ, Потоцкій прицѣлился: бацъ! бѣдный жидъ такъ и грохнулся на землю, и духъ вонъ. „Смотрю,“

говоритъ Потоцкій, „кукуетъ на вербѣ; я думалъ, что это кукушка, и застрѣлилъ.“ Вотъ магнатъ этого владѣнія и разсердился на Потоцкаго: „Какъ ты смѣлъ застрѣлить моего жида? Развѣ у тебя мало своихъ?“ Вступился, видишь, за человѣка!... Такъ Потоцкій, чтобы его успокоить, приказалъ накласть полнехонькую повозку жидовъ, да еще сверху нагнести бревномъ, какъ снопы, и отправилъ ихъ къ тому магнату, написавши: „Не сердись, голубчикъ; вотъ тебѣ за одного полсотни посылаю!“

Случалось и такъ, что возвращаясь съ охоты, въ темную осеннюю ночь, Потоцкій приказывалъ зажечь село, чтобъ свѣтлѣе было ѣхать въ замокъ. Разъ приглянулась ему хорошенькая казачка-молодица: но сколько онъ за ней ни ухаживалъ, чего ей ни обѣщалъ, она не поддавалась. Вотъ чортъ и влѣзъ въ сердце магната: призвалъ онъ къ себѣ искуснаго живописца, италіянца и приказалъ снять съ казачки портретъ. Когда италіянецъ принесъ портретъ къ Потоцкому, привели и казачку. Взглянулъ магнатъ на молодицу и на портретъ: стоятъ предъ нимъ какъ двѣ сестры, обѣ такія красивыя и унылыя, и обѣ съ презрѣніемъ на него смотрятъ. Долго потоцкій любовался портретомъ, потомъ мрачно посмотрѣлъ на казачку, и говоритъ: „Видишь, какъ я цѣню твою красоту?... И внуки увидятъ, какая ты была красавица: но за то, что ты отвергла мою любовь, ты должна умереть: если не мнѣ, такъ не доставайся жъ никому!...“ Выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, и застрѣлилъ бѣдняжку!...

Такъ вотъ каковъ былъ Потоцкій!... Теперь, если услышите про мою *иголку*, то не сочтете ее за выдумку.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тульчина, возлѣ одного изъ имѣній Потоцкаго, жилъ съ своимъ семействомъ небогатый шляхтичъ, панъ Кондратовичъ. Было у него нѣсколько морговъ землельки и небольшая усадебка. Шляхтичъ трудился, работалъ, и, благодаря Бога, не нуждался ни въ чьей помощи. Прогнѣвался на него за что-то экономъ того имѣнія, панъ Тридурскій—а каждый изъ экономовъ также старался подражать Потоцкому— взялъ, да и выгналъ несчастнаго шляхтича, съ женою и дѣтьми, изъ собственнаго дома. Что дѣлать сердечному шляхтичу? Не тягаться жъ ему съ магнатомъ. Вотъ онъ осѣдлалъ коня,

и отправился въ Тульчинъ къ самому Потоцкому, въ надеждѣ, на великодушіе и справедливость *его ясновельможности.*

Не доѣзжая одной мили до Тульчина, Кондратовичъ примѣтилъ издалека поѣздъ Потоцкаго. Самъ гетманъ ѣхалъ впереди; за нимъ цѣлый эскадронъ *жолнеровъ*, казаковъ, доѣзжачихъ, стременныхъ и писарей съ гончими и борзыми. Сильно обрадовался Кондратовичъ, увидѣвши магната: „Самъ Богъ,“ подумалъ онъ, „посылаетъ его; можетъ быть, Потоцкій ласково меня выслушаетъ и прикажетъ возвратить мнѣ заграбленное имущество.“ Шляхтичъ остановилъ коня, снялъ шапку, и стоитъ, какъ вкопанный, не смѣя и приблизиться къ магнату. Завидѣвъ его, Потоцкій пришпорилъ коня и самъ подъѣхалъ къ Кондратовичу.

— „Кто ты такой?“ спросилъ Потоцкій.

— „Шляхтичъ, ясновельможный пане!“ отвѣтилъ Кондратовичъ, низко кланяясь.

— „А есть у тебя иголка?“

Кондратовичъ вытаращился на магната, не знаетъ, что и отвѣчать.

— „Есть у тебя иголка, *гунствать, лайдакъ?*“ закричалъ Потоцкій, сдвинувъ брови и покраснѣвъ отъ гнѣва.

— „Нѣтъ, *ясновельможный пане,*“ отвѣтилъ Кондратовичъ.

— „Нѣтъ!“ заревѣлъ Потоцкій, заскрежетавъ зубами: „Посмотри,“ говоритъ, показывая задѣтую за абшлагъ рукава и обмотанную ниткой иголку: „я графъ Потоцкій, коронный гетманъ, надъ панами панъ, владѣю сотней городовъ, и у меня есть иголка, чтобъ зашить, если что разорвется, а ты—оборванецъ, *безштанько*, а у тебя иглы нѣтъ? А ну-те, *хлопцы*, дайте ему въ *шкуру?*“

Не успѣлъ Кондратовичъ промолвить слова, какъ стянули раба Божьяго съ коня, и приняли въ арапники, а Потоцкій смотритъ, да только приговариваетъ:

— „Вотъ какъ дураковъ уму разуму учатъ! Вотъ такъ и ты, кто попадется, учи и валяй *властною* (собственною) моей рукою!“

Кондратовичу и больше досталось бы арапниковъ, если бъ, на его счастіе, не поднялся русакъ; Потоцкій, бросивъ Кондратовича, поскакалъ за зайцомъ. Не опомнился несчастный, откуда бѣда свалилась на его голову; думалъ найти защиту, пра-

вый судъ, а нашелъ, ни за что, ни про что поруганіе и безчеловѣчные побои. „Вотъ тебѣ," подумалъ онъ, „и панская правда! Зови теперь магната на Божій судъ!" Заплакалъ, сердяга, и поѣхалъ въ Тульчинъ къ своему родичу, который служилъ у Потоцкаго конюшимъ. Пріѣхавши, разсказалъ ему все: какъ ограбилъ его панъ Тридурскій, и какъ отодралъ Потоцкій.

— „Что жъ думаешь дѣлать?" спросилъ у него родичъ.

— „А вотъ что," отвѣчалъ Кондратовичъ, „теперь мнѣ не до земли, не до усадьбы—къ чорту ихъ! Жену и дѣтей оставлю на волю Божію, самъ пропаду, а ужъ отомщу разбойнику!..."

Нечего сказать, задорный былъ этотъ Кондратовичъ, и не того десятка, что даровыми червонцами заживляютъ свою спину. Къ тому жъ еще силачъ, на руку охулки не положитъ; однимъ махомъ трехъ бы такихъ шибъ, какъ Потоцкій.

— „Не тужи," говоритъ родичъ, „отомстишь, если ужъ очень захотѣлось, я тебѣ и совѣтъ дамъ: знаешь ли ты часовенку, что въ концѣ парка?"

— „Какъ не знать!" отвѣтилъ Кондратовичъ, а самъ такъ и задрожалъ отъ радости.

— „Вотъ въ эту часовенку Потоцкій, перерядившись въ нищаго, каждую субботу ходитъ отмаливать у Почаевской Богородицы свои грѣхи, которые за недѣлю наберутся. Завтра суббота; если встанешь рано, то тамъ и захватишь его, какъ сотника въ горохѣ, и тогда дѣлай съ нимъ, что твоей душѣ угодно."

Услышавши это, Кондратовичъ, какъ на свѣтъ народился. Тотчасъ и придумалъ что дѣлать, чтобъ лучше подстеречь Потоцкаго. Еще черти не бились въ кулачки, какъ Кондратовичъ, взявши добрый арапникъ, отправился въ паркъ, къ часовенкѣ. Не доходя до нея шаговъ ста, забрался онъ въ чащу, и подстерегаетъ магната, какъ котъ мыши. Только что начало брезжиться, какъ слышитъ что-то зашелестѣло, затопало; смотритъ: идетъ Потоцкій, оборванный, въ заплатной сермягѣ, еще и сума черезъ плечо. Кондратовичъ и духъ притаилъ, глазомъ не мигнетъ; смотритъ: вошелъ Потоцкій въ часовенку, и сталъ молиться. То протянется кржижемъ (крестомъ), то начнетъ кулаками колотить себя въ грудь, то руки подымать къ верху— живой на небо лѣзетъ! Всталъ Кондратовичъ, дрожитъ, какъ

въ лихорадкѣ, такъ и подмываетъ его насытить свое мщеніе. Обождалъ немного, далъ Потоцкому помолиться; потомъ вошелъ въ часовенку, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, и сталъ вслухъ молиться:

— „Пресвятая мать!" говоритъ, а у самого свое на умѣ, „пошли всякаго счастья, здоровья и долголѣтія *дѣдичу* нашему, *ясновельможному пану* Потоцкому, за то, что онъ, насъ дураковъ, учитъ и на истинный путь наставляетъ! Да пануетъ надъ нами онъ и потомство его до скончанія міра!"

Потоцкій, прижавшись въ уголъ, слушаетъ; какъ масломъ по губамъ, такъ мажетъ его по душѣ этой молитвой; сію минуту узналъ онъ, что это тотъ самый шляхтичъ, которому вчера задалъ онъ дерку. Помолившись, Кондратовичъ повернулся къ Потоцкому, и спрашиваетъ:

— „А ты что тутъ дѣлаешь?"

— „Молился, *вельможный пане*," отвѣчалъ Потоцкій, поклонившись и закрываясь сумою, чтобъ шляхтичъ не узналъ его.

— „А есть у тебя иголка?" спросилъ Кондратовичъ.

„Видишь, какой понятливый," подумалъ Потоцкій, „навѣрное ужъ у него иголка есть."

— „Есть ли у тебя иголка, *гунстватъ, лайдакъ?*" закричалъ Кондратовичъ, грозно посматривая на Потоцкаго.

— „Нѣтъ, велможный панъ!" отвѣтилъ магнатъ, а самъ къ дверямъ, думаетъ: „вотъ себѣ на бѣду научилъ человѣка; чего добраго, онъ и меня такъ вздуетъ, какъ я его вчера."

— Нѣтъ! крикнулъ Кондратовичъ, протягивая руку: „вотъ посмотри, я *гоноровый* шляхтичъ, владѣю нѣсколькими моргами земли, имѣю двѣ лошади, корову, четыре свиньи и у меня естъ иголка, чтобы не ходить оборванцемъ, а ты, бродяга нищій, *безштанько*, а у тебя нѣтъ?!.."

Да говоря это, хвать его за чубъ! Трепалъ, трепалъ: потомъ голову между ногъ, да ну его арапникомъ; хлесталъ хлесталъ! а самъ все приговариваетъ: „вотъ такъ *батько* нашъ, Потоцкій, приказывалъ дураковъ учить! Не я тебя бью, а онъ бьетъ, *власною* рукою!" и валялъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не протянулся безъ чувствъ. Натѣшившись въ волю, Кондратовичъ плюнулъ и пошелъ къ родичу.

— „Ну что?" спросилъ родичъ, увидѣвши Кондратовича.

— „Знатную потасовку задалъ," говоритъ Кондратовичъ усмѣхаясь: „будетъ вспоминать эту иголку по субботамъ."

— „Убирайся же поскорѣй отсюда а'то Потоцкій пожалуй провѣтритъ еще тебя на висѣлицѣ!"

— „За что?... Развѣ не онъ самъ приказывалъ мнѣ учить дураковъ? Вѣдь я билъ не его, а нищаго, и еще *власною* его рукой?... Да куда отъ Потоцкаго уйдешь? Развѣ на тотъ свѣтъ, а на этомъ не спрячешься!"

— „Оно такъ, только ты знаешь, что эта правда у магнатовъ, какъ палка въ рукѣ, какимъ концемъ захочетъ, тѣмъ и ударитъ."

Потолковали себѣ, и ждутъ, не будетъ ли какой нибудь вѣсточки о Потоцкомъ. Какъ приходитъ со двора лакей и говоритъ, что гетманъ вчера на охотѣ простудился и заболѣлъ.

На другой день, только что возвратились изъ костела, прибѣгаетъ казакъ.

— „Не здѣсь ли," спрашиваетъ, „гоститъ панъ Кондратовичъ?"

— „Здѣсь," отвѣчаетъ родичъ, „а на что вамъ?"

— „Гетманъ требуетъ къ себѣ: пускай идетъ скорѣй."

Смѣло пошелъ Кондратовичъ къ Потоцкому, думая себѣ: что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ!

Только что увидѣлъ его Потоцкій, какъ вскрикнетъ:

— „А что, есть у тебя иголка?"

Но теперь онъ спросилъ уже не по вчерашнему, а ласково, съ усмѣшкой.

— „Есть, *ясне-вельможный пане!*" отвѣчалъ Кондратовичъ, показывая иголку.

Посмотрѣлъ на нее Потоцкій, какъ будто никогда не видалъ, а тамъ не только глаза, спина видѣла эту иголку.

— „А что, не случилось ли тебѣ проучить какого нибудь дурака?" спрашиваетъ Гетманъ, самъ пристально смотритъ на Кондратовича.

— „Какъ не случилось, *ясневельможный пане?*" смѣло отвѣтилъ Кондратовичъ, „вчера въ часовенкѣ захватилъ какого-то нищаго, и такую задалъ ему потасовку, что нескоро забудетъ."

Тутъ Потоцкій сталъ разспрашивать Кондратовича, откуда онъ и зачѣмъ пріѣхалъ. Пользуясь случаемъ, Кондратовичъ

разсказалъ ему все, какъ слѣдуетъ. Гетманъ ласково со вниманіемъ его выслушалъ, взялъ листокъ бумаги, что-то написалъ и говоритъ:

— „Возьми этотъ приказъ и отдашь главному эконому; то все устроится, какъ тебѣ и не снилось!"

Кондратовичъ поблагодарилъ гетмана, поцѣловалъ полу его кунтуша и пошелъ въ контору. Только что взглянулъ главный экономъ на приказъ, какъ вытаращится, какъ вскрикнетъ:

— „Сколько лѣтъ служу его *ясно-вельможности*, а онъ мнѣ десяти грошей не подарилъ, а тутъ чортъ знаетъ кому и за что даритъ и деньги, и землю!..."

— „Да это моя земля," говоритъ Кондратовичъ, „еще отцовская. Не свою даритъ, а ту, которую заграбилъ панъ Тридурскій!..."

— „Разсказывай, не свою!.... Потоцкій приказалъ, въ придачу къ твоей землѣ, дать еще втрое столько, сколько у тебя было, да кромѣ того еще двѣсти червонцевъ—вотъ что!"

— „Такъ тебѣ жаль чужихъ денегъ, а не жаль чужой спины?... Третьяго дня Потоцкій всыпалъ мнѣ двѣсти арапниковъ, а сегодня отсыпалъ двѣсти червонцевъ: такъ попробуй сначала арапниковъ, да потомъ и завидуй ласкѣ его *ясно-вельможности*."

Взявши деньги и приказъ къ пану Тридурскому, Кондратовичъ, поблагодаривъ родича за совѣтъ, отправился домой веселый и счастливый. Хоть спина еще не зажила, такъ, по крайней мѣрѣ, сердце не щемило.

Не прошло и недѣли послѣ отъѣзда Кондратовича, какъ пріѣзжаетъ панъ Тридурскій къ Потоцкому, и бацъ ему въ ноги.

— „Заступись, *ясновельможный пане*," завопилъ; *пся кревъ гунстватъ*, Кондратовичъ, вѣку мнѣ убавилъ, до полусмерти захлесталъ нагайкой, чуть головы не оторвалъ съ чубомъ!..."

— „За что?" спросилъ Потоцкій.

— „Чортъ его знаетъ, за что! Встрѣтилъ меня въ лѣсу, и спрашиваетъ: „Есть у тебя иголка?" Нѣтъ, говорю. А онъ какъ крикнетъ: „Ахъ ты, оборванецъ! Смотри, говоритъ, показывая мнѣ иголку, задѣтую за абшлагъ, я, по милости Гетмана, помѣщикъ, а ты, наемникъ, прищлецъ, и у тебя нѣтъ иглы?" Да

за чубъ меня стащилъ съ коня, и давай стегать!... совсѣмъ помѣшался; да еще приговариваетъ: „Вотъ такъ нашъ *ясновельможный панъ* Потоцкій приказалъ дураковъ учить; не я тебя бью, а бьетъ *вдасная* его рука!“

Тридурскій воображалъ, что Потоцкій, выслушавъ эту жалобу, взбѣсится и прикажетъ повѣсить Кондратовича, а Потоцкій напротивъ хохочетъ, ажъ за бока берется. Тридурскій, чтобъ его разжалобить, разсказываетъ, какая тяжелая рука у Кондратовича, а Потоцкій еще болѣе хохочетъ, дрыгаетъ ногами, и заливается. Какъ ему не знать, какая рука у Кондратовича! Натѣшившись въ волю, Потоцкій и спрашиваетъ у Тридурскаго:

— „Въ какой ты школѣ учился?“

— „Въ минжирицкой, у піаровъ, ясновельможный пане,“ отвѣтилъ Тридурскій.

— „Когда ты хорошо учился и былъ послушенъ своимъ наставникамъ, получалъ ли за это награды?“

— „Какъ же, ясновельможной пане! Патеры вѣшали мнѣ на шею мѣдную бляшку, а мать кормила миндальными пряниками.“

— „Ну, такъ когда вернешься въ имѣніе, то сейчасъ же отошли Кондратовичу сто червонцевъ за то, что онъ хорошій и прилежный ученикъ.“

Тридурскій пустился было возражать, такъ куда! Потоцкаго не переспоришь: что онъ разъ сказалъ, такъ тому и быть: его воля—всѣмъ законъ, онъ и самъ ей кланяется, какъ хлопъ пану.

Долго потѣшались этой иголкой. Не одному она дала себя знать, не одного уколола. Бывало, кто захочетъ отомстить своему врагу, то и привяжется: „Есть ли у тебя иголка?“ Если нѣтъ, бьетъ и калѣчитъ его. А жаловаться къ Потоцкому хоть не ходи: посмѣется, да еще и денегъ дастъ тому, кто билъ. Бывало, какъ отъ чорта крестомъ, такъ отъ привязчиваго человѣка, какого нибудь забіяки, защищались тою иголкою. Кто бы куда ни ѣхалъ, хлѣба на дорогу не возьметъ, а ужъ иголку задѣнетъ за абшлагъ рукава.

ВИДѢНІЕ ВЪ НѢСВИЖСКОМЪ ЗАМКѢ.

Порученія по дѣламъ службы занесли меня въ Нѣсвижъ и мнѣ пришлось прожить нѣсколько дней въ нѣсвижскомъ замкѣ, древней резиденціи князей Радзивиловъ. Много случалось мнѣ читать и слышать разсказовъ о прежнемъ богатствѣ и величіи Радзивиловъ, которые были въ родствѣ съ владѣтельными государями, доходы ихъ простирались до 12 миліоновъ червонцевъ въ годъ, они содержали на свой счетъ армію въ 50,000 регулярнаго (кварцяннаго) войска и имѣли болѣе 500 пушекъ.

Не разъ, увлеченный сказочными разсказами, я уносился воображеніемъ въ прошедшее и представлялъ себѣ житье—бытье этихъ беззаботныхъ самодуровъ, подготовившихъ для своего потомства такую безславную участь. Но мнѣ пришлось увидѣть, не великолѣпныя палаты замка, а безобразную развалину, при взглядѣ на которую невольно припоминаешь изреченіе: „Sic transit gloria mundi."

Замокъ въ нѣкоторыхъ частяхъ еще обитаемъ. Отъ главнаго подъѣзда, на лѣво, идетъ рядъ комнатъ, занимаемыхъ управителемъ, а на право тянутся нѣсколько залъ, въ которыхъ останавливаются иногда пріѣзжающіе чиновники. Залы эти сохранили до сихъ поръ громкія названія— королевской, золотой, мозаиковой, гобленевской, между тѣмъ какъ рука времени изгладила все, что напоминало бы о ихъ прежней роскоши; стѣны покрылись плесенью, мѣстами на потолкахъ обрушилась штукатурка, короче, мнѣ не случилось видѣть въ замкѣ ни одной вещи, которая сколько нибудь могла бы дать понятіе о бывшемъ блескѣ и величіи резиденціи кн. Радзивиловъ. Всѣ предметы роскоши: мраморы, бронза, дорогая рѣзная мебель, художественныя произведенія скулптуры и живописи, частію разворованы а частію вывезены изъ замка наслѣдниками. Въ пустыхъ за-

лахъ, съ покоробленными паркетами и выбитыми въ окнахъ стеклами, страшно завываетъ вѣтеръ и наводитъ невыразимую тоску и уныніе.

Одно, что еще нѣсколько сохранилось въ замкѣ, это галлерея фамильныхъ портретовъ. Въ тѣхъ двухъ залахъ, въ которыхъ я устроилъ свою квартиру, висѣло болѣе 40 портретовъ, изображенныхъ во весь ростъ и гордо поглядывавшихъ съ высоты своего висѣнія, а во всемъ замкѣ насчитывалось ихъ около четырехъ сотъ.

Въ управителѣ я нашелъ весьма пріятнаго собесѣдника, онъ былъ человѣкъ образованный и зналъ хорошо исторію дома Радзиворовъ. На другой день моего пріѣзда въ замокъ, послѣ сытнаго обѣда, когда мы, закуривъ сигары, расположились въ той залѣ, гдѣ была моя спальня и кабинетъ, управитель началъ мнѣ разказывать біографію Радзиволовъ.

— Вотъ въ кольчугѣ съ булавою,— говорилъ онъ, указывая на портреты, —Янушъ Радзивилъ— одинъ изъ самыхъ воинственныхъ забіякъ своего времени, а на лѣво — двѣ его жены; далѣе другой Янушъ реформатъ, который былъ женатъ на послѣдней отрасли князей Олельковичей кн. Софіи, за которою получилъ въ приданое княжества слуцкое и копыльское. Онъ былъ покровителемъ православія, что самое передъ смертію, въ 1620 году, завѣщалъ и своимъ преемникамъ. Вотъ и другой реформатъ Николай Черный, который поддерживалъ въ краѣ русскую народность, ненавидѣлъ поляковъ и ратовалъ противъ соединенія Литвы съ Польшею. Вотъ, съ сѣдой бородой, Криштофъ, который, по совѣту кардинала Гозіуша ввелъ въ нашъ край іезуитовъ и построилъ въ продолженіи своей жизни болѣе ста костеловъ и кляшторовъ. Вотъ и толстякъ Албрехтъ, въ княжеской мантіи, титуловавшій себя княземъ Нѣсвижа и Олыки, графомъ Шидловца и Міра.

Управитель назвалъ еще нѣсколько Николаевъ и Станиславовъ рыжихъ и черныхъ и остановился на Карлѣ Радзивилѣ, отчаянномъ самодурѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *пане кохан-*

ку. (1) Управитель весьма забавно разказывалъ о проказахъ Радзивилла, во время его путешествія по Европѣ, какъ онъ въ Гамбургѣ озадачилъ банкировъ, предложивъ имъ размѣнять ему червонецъ, который оказался вѣсомъ въ 200 пудовъ чистаго золота. Какъ въ Парижѣ, гдѣ спекулянты думали отъ него поживиться, онъ явился съ своимъ театромъ, балетомъ, оркестромъ, съ походнымъ погребкомъ самыхъ дорогихъ винъ, всѣхъ принималъ и угощалъ привезенными съ собою продуктами и уѣхалъ изъ Парижа, заплативъ только за квартиру. Какъ, при въѣздѣ въ Римъ, за его каретою слѣдовалъ цѣлый эскадронъ рыцарей, на арабскихъ коняхъ, подкованныхъ серебряными подковами, которыя отрывались отъ копытовъ, а народъ съ крикомъ и дракою подбиралъ. Обыденная жизнь пане-коханку не менѣе была интересна дикими и забавными выходками: онъ вызывалъ на поединокъ мертвыхъ, переселяясь на лѣто въ свою Альбу, увеселительный паркъ, онъ разыгривалъ тамъ роль войта (прикащика), каждое утро обходилъ офицыны, гдѣ размѣщались его гости и заказывалъ панщизну (барщину), которая, обыкновенно, заключалась въ бражничаньи или полеваню (охотѣ). Пане-коханку, какъ выражался управитель, не могъ жить безъ бернардиновъ. Каждый день присылали ему изъ кляштора на ординарцы бернардина, который обязанъ былъ исполнять всѣ его приказанія и участвовать во всѣхъ попойкахъ, оргіяхъ и забавахъ. Случилось разъ, что одинъ бернардинъ— ординарецъ прогнѣвилъ пане-коханку и получилъ порядочную порцію батоговъ (плѣтней). Бернардины оскорбились шуткой своего милостивца и на другой день не послали къ нему ординарца. Но панекоханку былъ очень изобрѣтателенъ на выдумки, онъ приказалъ выкатить свою артилерію и, окруживши пушками кляшторъ, такой далъ залпъ, отъ котораго всѣ стекла въ окнахъ разлетѣлись въ дребезги, и бернардины, какъ повѣствуетъ очевидецъ этого происшествія, „съ *квадрансъ* (¼ часа) лежали ницъ, какъ на „смерть забитые.“

---

(1) Онъ имѣлъ привычку всѣхъ называть пане-коханку, а отъ того и самъ усвоилъ за собою это прозвище.

Начинало смеркаться, когда управитель вышелъ и я задумался о суетѣ мірской. Не могу опредѣлить, какъ долго я находился въ этомъ положеніи, но говоръ и шумъ вывелъ меня изъ самозабвенія. Я очнулся, управляющаго уже не было и, въ тоже время, около меня прошелъ Янушъ Радзивилъ, ведя за руки своихъ женъ. Это была не мечта, я слышалъ бряканье колецъ на кольчугѣ, и шорохъ отъ роскошныхъ шелковыхъ платьевъ. За ними слѣдовалъ толстякъ Альбрехтъ въ бархатной мантіи, подбитой горностаями, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ утка. Въ глубинѣ залы я видѣлъ, какъ пробирался согнувшись Криштофъ, а за нимъ тянулись рыжіе и черные Николаи и Станиславы, и вся эта ватага усопшихъ Радзивиловъ отправлялась въ другую, ярко освѣщенную залу. Я былъ до такой степени пораженъ страхомъ, что, не смотря на всѣ усилія, не могъ двинуться съ мѣста. На стѣнахъ висѣли только однѣ рамы, а изображенія олицетворились и, расхаживая въ сосѣдней залѣ, *гвалтовно* кричали и горячо спорили между собою.

Собравшись немного съ силами, я подкрался къ дверямъ и явственно могъ видѣть и слышать, что происходитъ въ залѣ. Радзивилы съ ожесточеніемъ спорили. Страшно было смотрѣть на ихъ наморщенные лбы и лица, обезображенныя гнѣвомъ. Янушъ, въ азартѣ, безпрестанно замахивался булавой, и навѣрное раздробилъ бы кому нибудь голову, если бы жены не удерживали его за руки. Каждый изъ Радзивиловъ предъявлялъ свои права на владѣніе *маетностями* и права каждаго были одинаково справедливы. Управитель, блѣдный какъ мертвецъ, стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ, и, подобно мнѣ, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Радзивилы, послѣ азартныхъ преній, рѣшили наконецъ отправиться въ Варшаву, чтобы передать свое дѣло на рѣшеніе короля.

— Въ Варшаву, въ Варшаву! раздался общій крикъ, пускай самъ король насъ разсудитъ!

— Короля нѣтъ въ Варшавѣ, робко замѣтилъ управитель, униженно кланяясь.

— Гдѣ же онъ? нетерпѣливо спросили Радзивилы.

— Въ Петербургѣ, ясно освѣцоные князи.

— Въ Петербургѣ..... грозно закричали Радзивилы, по какому праву сеймъ могъ разрѣшить королю ѣхать въ Петербургъ, это нарушеніе конституціи рѣчи посполитой!

— Ясне освѣцоные князи, — печально произнесъ управитель, — теперь нѣтъ ужъ болѣе ни сейма, ни конституціи, нѣтъ и рѣчи посполитой, а пануетъ найяснѣйшій Цесаржъ всероссійскій, онъ же и король польскій.

Неожиданное извѣстіе какъ громомъ поразило Радзивиловъ; въ первую минуту никто слова не промолвилъ, а потомъ послѣдовалъ взрывъ общаго негодованія.

— Лжешь, лжешь собака! — раздалось со всѣхъ сторонъ, быть не можетъ, чтобы могущественная корона польская прекратила свое существованіе!... *еще польска не згинела, поки мы жиемы!* — надсѣдаясь кричали нѣкоторые.

Что за куріозный народъ, подумалъ я, чортъ знаетъ когда умерли, а все еще твердятъ „*не згинела, поки мы жиемы.*" Между тѣмъ Янушъ съ ожесточеніемъ кинулся на управителя.

— Клеветникъ, *пся кревъ!* — заревѣлъ онъ, занося надъ его головою булаву, за эту святотатственную ложь, я прикажу выдрать тебя батогами!

— Ясне освѣцоный князь, съ сокрушеніемъ отвѣчалъ управитель, — пусть хотя это послужитъ вамъ доказательствомъ того невыразимо жалкаго положенія, въ которомъ находится нашъ край. Нетолько вы, ясне освѣцоный князь и милостивецъ мой, теперь, не можете меня выдрать батогами, но и простаго отвратительнаго хлопа не имѣете права тронуть пальцомъ.

Управитель отеръ набѣжавшія слезы и сокрушеніе такъ его прошибло, что подавило въ немъ даже чувство страха.

— Что же все это значитъ! спрашивали озадаченные Радзивилы, растопыря руки, неужели виленскій воевода не можетъ отстоять наши права и привилегіи.

Въ Вильнѣ нѣтъ воеводы, а управляетъ главный начальникъ края, вѣрный слуга найяснѣйшаго Цесаржа, тотъ, который воскрешаетъ въ краѣ русскую народность и подавилъ воз-

станіе средствами, внушенными ему самимъ демономъ, — насъ поразили въ самое чувствительное мѣсто: ударили по карману, Медвежьею лапой разшаталъ онъ зданіе, которое мы и наше духовенство вѣками созидали, и вотъ, говорю, приближается то время, когда оно рухнется, какъ рухнулось, нѣкогда, вавилонское столпотвореніе, и мы, гоноровая шляхта, заговоримъ помосковски.

— Не бывать этому, не бывать!. заревѣли Радзивилы, мы его не выбирали вольными голосами, стало быть и распоряжаться ему не позволяемъ!.. Не позволяемъ, не позволяемъ! — оглушительно раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Іезусъ Марія! — вопилъ управляющій, замолчите же освѣцоные князи, замолчите! Вы въ квартирѣ чиновника, присланнаго отъ главнаго начальника края, если онъ услышитъ, вы погибли, съ васъ слѣдуетъ уже штрафъ и за то, что вы разговариваете по польски, а у меня, знайте, гроша нѣтъ въ кассѣ!...

— Это что еще за извѣстіе?! — бормотали, совершенно растерявшись, Радзивилы, поглядывая другъ на друга, — что же намъ дѣлать, панове, на что рѣшиться?

Умереть или побѣдить! — крикнулъ Янушъ воинъ, выступая впередъ, — соберемъ шляхту, раздадимъ изъ нашихъ арсеналовъ оружіе и прямо пойдемъ на Вильну!...

— Прямо на Вильну, на Вильну! — загорланили Радзивилы, — *до брони панове, до брони!*

— Выноси изъ арсенала *броню*, выкачивай *гарматы!* — запальчиво кричалъ пане коханку. — Бернардина мнѣ на ординарцы, вотъ я по своему распоряжусь!

— Нѣтъ болѣе брони, ясне освѣцоный князь, — уныло отвѣчалъ управитель, — москали всю забрали, нѣтъ и арматъ, продали жидамъ въ ломъ, нѣтъ и бернардиновъ....

— И бернардиновъ?!

— Да, ясне освѣцоный князь, всѣхъ *скасовали*....

— Іезусъ! — воскликнулъ пане коханку, подымая руки къ верху.

— Не печалься, сынъ мой, — торжественно произнесъ Криштофъ, — я тебѣ построю разомъ три кляштора бернардиновъ....

— Нельзя теперь, ясне освѣцоный князь, — замѣтилъ управитель, — не только строить кляшторы, но безъ разрѣшенія начальства и капплицу исправить....

— Найсвѣнтша матка! — отчаянно проговорилъ Криштофъ, сплеснувъ руками.

Между тѣмъ толпа болѣе и болѣе волновалась, каждый рвался изъ всѣхъ силъ выказать свою готовность умереть за отчизну и свои привилегіи, и снова раздались неистовые крики.

— Въ Вильну, въ Вильну! до брони панове, до брони!..

— Остановитесь, ясно освѣцоные князи, — вопилъ управитель, растопыря руки и удерживая нѣкоторыхъ, — остановитесь! Да отвратитъ васъ найсвѣнтша матка отъ этого ужаснаго намѣренія! знайте, что прежде чѣмъ вы перейдете плотину замка, васъ захватятъ москали и отвезутъ въ Вильну и всѣхъ перевѣшаютъ на Лукишкахъ. Выслушайте меня, ясне освѣцоные князи, выслушайте вѣрнаго вашего слугу, и тогда дѣлайте, что вамъ угодно!

— Говори, говори! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Вамъ извѣстно, ясне освѣцоные князи, — одушевляясь началъ управитель, — въ какомъ блистательномъ положеніи находилась рѣчь-посполитая при королѣ Стефанѣ Баторіѣ?

— Знаемъ, знаемъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ, — тогда покорились намъ рыцари, смирили татаръ, досталось и москалямъ, — вся Европа намъ удивлялась!

— Послѣ этого, — продолжалъ уныло управитель, — вамъ также извѣстно, настало *панованье* Сигизмунда III, при которомъ вторгнулись въ край нашъ іезуиты, главные виновники нашей погибели. Вы, ясне освѣцоный князь, — управитель обратился къ Криштофу, — вы много этому способствовали!

— Да, меня объ этомъ просилъ кардиналъ Гозіушъ, — отвѣчалъ разсѣянно Криштофъ, — кажется, съ цѣлью уничтожить схизму, для пользы короны польской.

— Для пользы Рима, ясне освѣцоный князь, а не польской

короны! Іезуиты два поколѣнія шляхты немилосердно стегали *дисциплиной* и добились до того, что запуганное шляхетство, отъ магната, до чиншовой шляхтуры, безусловно, идіотически покорилось ихъ волѣ. Послѣдовало введеніе уніи,—нѣкоторымъ изъ васъ памятны эти тяжкія времена? — Наше духовенство, насилуя человѣческую совѣсть, превратило вѣрныхъ сыновъ короны въ дикихъ звѣрей, и междоусобіе, какого не запомнитъ исторія, вспыхнуло и разгорѣлось. Около столѣтія ручьями лилась славянская кровь и кончилось тѣмъ, что Украина, житница наша, отторгнулась и присоединилась къ единоплеменной ей Россіи. Потеря наша не послужила намъ урокомъ, насъ вели, какъ слѣпыхъ, по прежнему пути іезуиты и деморализація рѣчи посполитой достигла крайнихъ предѣловъ: законы не исполнялись, право собственности рушилось, съ благословенія святѣйшаго нашего отца папы, поляки нарушали международные договоры, утвержденные присягою на крестѣ и св. Евангеліи. Мы были козлищемъ раздора въ Европѣ и до того слабы и ничтожны, что, когда послѣдовалъ первый раздѣлъ злополучной нашей *ойчизны*, не поднялась ни одна рука на ея защиту. Вы, ясне вельможный князь, — управляющій поклонился пане коханку, — вы были тогда однинъ изъ могущественныхъ магнатовъ, по вліянію на дѣла рѣчи посполитой, но вы отказались ѣхать въ Варшаву и учавствовать на сеймѣ?

— Не могъ, пане коханку, — рѣшительно отвѣчалъ князь,— шельма Рейтанъ, (*) вытравилъ бы безъ меня всѣхъ моихъ медвѣдей!

— Послѣдовалъ вторый и третій раздѣлы Польши, — уныло продолжалъ управляющій, — правда, хотя подъ конецъ и явился человѣкъ, котораго память, такъ много уважаютъ поляки, но онъ не могъ уже ничего сдѣлать для ойчизны, кромѣ того только, что Польша, пронзенная сотнею тысячь штыковъ, пала съ честью съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ великій человѣкъ изрекъ знаменательныя слова: „*finis Poloniae*,“ но ему не повѣрили. Въ началѣ XIX столѣтія, подъ орлами французовъ, поляки гро-

(*) Новогрудскій воевода.

мили испанскій народъ, который былъ въ одной съ ними категоріи, и ходили противъ москалей, но не вернулись, и, вмѣстѣ съ орлами Французовъ, всѣ погибли въ необъятныхъ степяхъ Россіи. Горестное наше положеніе, въ то время, было выше всякаго описанія, но Императоръ Всероссійскій Александръ I принялъ растерзанную Польшу подъ отеческій свой скипетръ, далъ ей конституцію, войско, устроилъ финансы, распространилъ промышленность, короче, заживилъ язвы, растравленныя вѣковыми смутами и неурядицей. Но благоденствіе наше недолго продолжалось. Поляки любятъ дикую, необузданную свободу, хотя и погубившую ихъ, какъ любятъ женщину и послѣ ея измѣны. Мы снова опозорили себя самой вѣроломной измѣной и потеряли права, дарованныя намъ великодушнымъ государемъ. Казалось, что послѣ этой попытки, нельзя было ожидать другой революціи, но ошиблись, мы опять взбунтовались, и какъ еще странно, году не прошло, а кажется будто все это грезилось во снѣ. Представьте себѣ, ясне освѣцоные князи, всю тяжесть революціи несли на своихъ плечахъ ксендзы!...

—Ксендзы! — воскликнули изумленные Радзивилы—и взрывъ смѣха огласился по залѣ. — Кто же увасъ молился?

— Молились *кобиты*, а *паньнки* пѣли революціонные гимны и носили *жалобу*.

— Кто же воевалъ? — спрашивали, смѣясь, Радзивилы.

— Навѣрное не могу сказать, ясне освѣцоные князи, знаю, только что молодежъ — *цофнулась до лясу*, но ихъ попросили изъ *лясу*, а тѣхъ кто не послушалъ добраго слова, хлопы повытаскивали за чубы и дѣло покончилось перьями, въ слѣдственныхъ и военносудныхъ коммиссіяхъ....

— *Кѣпска справа*! — отозвался пане коханку.

— Въ настоящее время, — продолжалъ управитель, утирая слезы, — намъ предстоитъ выбирать одно изъ двухъ — сдѣлаться русскими, или, подобно жидамъ и цыганамъ, скитаться по лицу земли.

— Что же за бѣда быть русскими, — прервали нѣкоторые изъ Радзивиловъ, — вѣдь насъ ополячило латинство!

— Да, если бы мы держались кальвинизма, — замѣтилъ Янушъ реформатъ, — латинскій червь не подточилъ бы нашей народности...

— И если бы не гибельное *злонченье* съ короною, — добавилъ Николай Черный, — мы бы остались русскими и упрочили бы благоденствіе нашего потомства.

— *Мондрый полякъ по шкодзѣ!* замѣтилъ пане коханку.

— Во всякомъ случаѣ, ясне освѣцоные князи, — съ умиленіемъ сказалъ управитель, — какъ не сокрушительно наше настоящее, но въ будущемъ проглядываетъ и утѣшительное. Строгія мѣры правительства избавятъ насъ навсегда отъ смутъ, подрывающихъ общественное спокойствіе. Мошенники, подъ личиною патріотизма, не отымутъ болѣе собственности, пріобрѣтенной честнымъ трудомъ, дѣти наши не попадутъ на висѣлицу или въ Сибирь. Вотъ вамъ, ясне освѣцоные князи, печальное мое повѣствованіе, послушайте же моего совѣта, отложите гибельное ваше намѣреніе идти на Вильну вооруженною рукою, подумайте, что васъ тамъ ожидаетъ? Чѣмъ вамъ висѣть на Лукишкахъ, висите лучше здѣсь мирно, въ золотыхъ рамахъ, и не лишайте стѣнъ родного вамъ замка единственнаго украшенія, которое у нихъ осталось.

— Такъ, такъ, ты правъ, — угрюмо посматривая, говорили Радзивилы, — гораздо приличнѣе намъ висѣть здѣсь, чѣмъ на Лукишкахъ......

Послышался около меня шорохъ, я очнулся и увидѣлъ моего человѣка, который зажигалъ лампу. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ сновидѣнія, я торопливо окинулъ взглядомъ залу, портреты висѣли на своихъ мѣстахъ, покрытыя копотью нѣсколькихъ столѣтій и густымъ слоемъ пыли.

Алексѣй Стороженко.

1864 годъ.
Нѣсвижскій замокъ.

ЗАСѢДАНІЕ
виленской археологической коммисіи 11 февраля сего 1865 года.

11 февраля, въ залѣ музеума древностей, въ 7 часовъ по полудни, происходило *обыкновенное* ежемѣсячное засѣданіе виленской археологической коммисіи. *Обыкновенное* засѣданіе началось дѣйствительно довольно *обыкновенно*: ученымъ секретаремъ былъ прочитанъ протоколъ прошлаго засѣданія и списокъ предметовъ, пожертвованныхъ музеуму, въ мин. мѣсяцѣ разными учеными обществами и лицами, одинъ изъ членовъ г. Коротынскій прочелъ очень остроумное изслѣдованіе отсутствующаго дѣйствительнаго члена гр. Тышкевича о свинцовыхъ кружкахъ, найденныхъ около Дрогичина якобы принадлежащихъ исчезнувшему племени ятвяговъ. Въ этомъ изслѣдованіи авторъ не соглашается съ мнѣніемъ видящихъ въ этихъ кружкахъ печати, которыя привѣшивались къ пергаментамъ и заключающихъ изъ этого (и изъ сходства уцѣлевшаго гербоваго рисунка на свинцовыхъ кружкахъ съ нѣкоторыми геральдическими изображеніями), что предполагаемыя печати могутъ быть первообразомъ нѣкоторыхъ шляхетскихъ гербовъ. Авторъ очень логично замѣчаетъ, что у ятвяговъ письменности не могло быть, такъ какъ никакого слѣда этой письменности не осталось, что ятвяги въ дикости своей не могли имѣть понятія о гербахъ и ощущать въ нихъ потребность (принадлежности рыцарства и феодализма), что кружки найдены въ обмелѣвшемъ руслѣ рѣки, а класть рукописи въ рѣку, для храненія, даже дикарямъ не могло прійдти въ голову, что, наконецъ, ихъ можно признать за кружки, употребляемые идолопоклонниками ятвягами при богослуженіи, тѣмъ болѣе, что знаки, уцѣлевшіе на этихъ кружкахъ, сходны съ знаками, находящимися на нѣкоторыхъ предметахъ капищной утвари, уцѣлевшихъ отъ ятвяговъ.

Съ авторомъ статьи, кажется, болѣе или менѣе соглашались всѣ присутствующіе члены, потому что не оппонировали ему. И такъ все шло очень мирно и *обыкновенно*, какъ это бываетъ

на *обыкновенномъ* засѣданіи. Но вотъ проситъ слова А. Д. Столыпинъ для выслушанія предложенія и, изъ *обыкновеннаго* засѣданія, засѣданіе превращается не только *въ необыкновенное*, но и въ *чрезвычайное* и *небывалое*, потому что, смѣло можно сказать, своды по-іезуитскаго зданія, въ залѣ котораго происходятъ засѣданія археологической коммисіи, никогда еще не оглашались такой *скоромной* рѣчью, по понятіямъ латино-польскимъ.

Читатели, которымъ мы, съ дозволенія А. Д. Столыпина, передаемъ его рѣчь цѣликомъ, могутъ сами вывести заключеніе о впечатлѣніи, какое произвела она на присутствующихъ, какъ на *сихъ*, такъ и на *оныхъ*... Долгомъ считаемъ замѣтить, что предсѣдатель коммисіи графъ Тышкевичъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ потомка *Тышка*,— нѣкогда столба русской пародности въ западномъ краѣ Россіи, — заявилъ мнѣніе, что предложеніе А. Д. Столыпина въ найскорѣйшемъ времени должно быть обсуждено и приведено въ исполненіе.

РѢЧЬ.

Наука есть святыня, какъ и религія: религія есть вѣра въ Истину, наука есть путь къ оной. Слѣдовательно: всякое искаженіе науки, равно какъ и религіи, изъ за личныхъ выгодъ и для политическихъ цѣлей, есть *святотатство*.

Къ несчастію, таковое святотатство постоянно совершается въ мірѣ. Археологія и исторія, болѣе всѣхъ другихъ наукъ, служитъ политическимъ оружіемъ, потому, что въ нихъ удобнѣе искажается истина.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, раскроемъ исторію западной части Россіи: предъ нами развернется картина систематическаго ополячиванія этого несчастнаго края, посредствомъ искаженія исторической истины; предъ нами возстанутъ тѣни іезуитовъ, которые первые научали обращаться съ религіей и наукой, какъ съ политическимъ оружіемъ, тѣни цѣлаго ряда историковъ подъ предводительствомъ Стрыйковскаго, которые изъ политическихъ видовъ, внесли басни въ лѣтописныя сказанія, наконецъ и тѣни людей русскихъ и литовскихъ, введенныхъ въ обманъ этими баснями, а въ главѣ ихъ одного, который съ фанатиз-

момъ неофита, душею преданнаго ученію своихъ предшественниковъ, успѣлъ обратить всѣ учебныя заведенія западной части Россіи въ разсадники польской пропаганды!... Я говорю про князя Чарторыйскаго.

Не упомянулъ я о немъ изъ желанія предать имя его поруганію отрезвившагося потомства. Онъ, какъ и Лелевель, какъ и Мицкевичь, былъ только жертвою лжи, введенной въ науку, предшествующими поколѣніями политикующихъ ученыхъ. Чарторыйскій, передъ смертію, утратилъ вѣру въ свои идеалы; Лелевель избѣгалъ политическихъ разговоровъ; Мицкевичь впалъ въ мистицизмъ, близкій къ умопомѣшательству!.. Не потому ли это, что у смертнаго ихъ ложа грозно возстала историческая истина и требовала удовлетворенія?

Если я назвалъ Чарторыйскаго, то это только потому, что послѣдній періодъ систематическаго ополячиванія западной части Россіи, посредствомъ искаженія истины въ наукѣ, можетъ носить его имя.

Дѣйствительно, періодъ отъ 1810-го года до послѣдняго польскаго мятежа, въ отношеніи къ народному образованію, можно назвать періодомъ Чарторыйскаго! Упраздненный виленскій университетъ, не былъ ли университетомъ Чарторыйскаго Гимназіи сѣверо-западнаго края и другія школы, не были ли учебными заведеніями Чарторыйскаго? Всѣ они были пропитаны его духомъ; система его ополячиванія края, посредствомъ искаженія исторической истины, царствовала повсюду, начиная отъ народныхъ школъ до высшихъ учебныхъ заведеній; дошло до того, что цѣлый слой общества, обучавшійся въ нихъ, заговорилъ рѣчью иноземной, въ слѣдствіе чего и думать началъ по иноземному, по иноземному и молиться!... Родное слово, видите ли вы, мил. гг. было исключено изъ программы школъ Чарторыйскаго, а вѣру, которая имѣетъ притязаніе называться католической, т. е. вселенской, противъ ея же собственныхъ догматовъ, учили тамъ называть *польскою!*

Мы были на канунѣ торжества лжи!

Отуманенные ею, толпы людей русскихъ и литовскихъ,

подняли руки на мать-отчизну! Другіе, что еще хуже, впали въ индеферентизмъ: «развѣ одинъ языкъ не равносиленъ другому?» говорили они; «развѣ не все равно отъ кого мы происходимъ? Въ правительственный разсчетъ, должно только входить то, чѣмъ мы есть въ настоящую минуту!» Даже, въ центрѣ Россіи ополячанье сѣверо-западнаго края, многіе начали считать *совершившимся фактомъ!*

Мы подлинно были на канунѣ торжества лжи!

Но вотъ блеснула заря дня приснопамятнаго!... девятнадцатаго дня февраля! Передъ лицемъ смущенныхъ учениковъ, какъ и у смертнаго ложа учителя грозно возстала историческая истина!

Выразилась она милліонами людей, по прозванію-*хлоповъ* не входившихъ до-толѣ въ историческій разсчетъ, но съ этого дня, призванныхъ къ политической жизни! Выразилась она рѣчью, именуемой-*хлопскою*, на которой до той поры лишь жаловалисй да стонали, но которая съ этого дня весело раздалась по всезападной Руси! Выразилась она молитвою, молитвою-*хлопскою* молитвою преданною поруганію, но которая, однозвучная съ молитвою Царевой, въ этотъ день бодро вознеслась къ небесамъ!

Рѣчь хлопская и молитва хлопская отозвались родными звуками въ самомъ сердцѣ Россіи! Въ Европѣ онѣ раздались грознымъ протестомъ противъ распространившейся исторической лжи! Люди же русскіе и литовскіе, воспитанные въ этой лжи, съ ужасомъ увидѣли, что они разучились уже понимать родное слово, что они остались безъ отечества!

Вы всѣ были свидѣтелями того судорожнаго пароксизма, которымъ былъ потрясенъ, вслѣдствіе всего этаго, организмъ западнаго края Россіи; раны, нанесенныя ему, слишкомъ еще свѣжи, чтобы я ихъ разтравлялъ; скорьбь, увлеченныхъ лживымъ ученіемъ, еще слишкомъ велика, чтобы я её не уважалъ: пройду молчаніемъ этотъ трехъ-лѣтній періодъ, который, къ несчастію, исторія не вычеркнетъ изъ скрижалей своихъ!

Мы уже пережили ужасный кризисъ: возстало общество съ болѣзненнаго ложа; атмосфера, окружающая его, очистилась

отъ польскаго тумана; въ западно-русскомъ краѣ пошла работа русская, работа спорая, работа, возстановляющая свое родное, сметающая все иноземное... и, на развалинахъ учебныхъ заведеній Чарторыйскаго, возпрянули школы русскія, съ каѳедръ, воздвигнутыхъ іезуитами, раздалося слово русское!

Должны ли мы этимъ удовольствоваться? Нѣтъ! Далеко еще не все приложено въ механизмѣ, какъ политическаго, такъ и ученаго міра, западнаго края: многія колеса этого механизма еще вертятся вспять! Патріотическая и ученая дѣятельность, западно-русскихъ людей, должна еще быть неусыпна: каждый изъ нихъ внимательно долженъ слѣдить за дѣломъ, къ которому онъ приставленъ, чтобы подвинуть оное по одному общему направленію, къ одной общей цѣли.

Примемся же и мы за работу! Обратимъ и мы вниманіе на то учрежденіе, котораго имѣемъ честь быть членами и приложимъ стараніе къ его усовершенствованію! Но для этого разберемъ предварительно: соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ?

Музеи, эти хранилища исторической и научной истины, имѣютъ, кромѣ того, назначеніе быть *зерцалами* современнаго состоянія науки въ извѣстной мѣстности: полонизмъ, царствовавшій въ ученомъ мірѣ сѣверо-западнаго края Россіи, отражался, слѣдовательно, въ виленскомъ музеѣ. Это ни чуть не умаляетъ достоинства его въ общенаучномъ отношеніи, скажу болѣе: если бы виленскій музей шелъ въ разладъ съ виленскимъ ученымъ міромъ, руководствуясь различными системами и имѣя противуположныя тенденціи, то это было бы *аномаліей*; точно также, какъ было бы *анахронизмомъ* продолжить теперь этому *зерцалу современнаго состоянія науки* отражать разсѣявшійся польскій туманъ, когда уже въ него смотрится возстановленная историческая истина!

Наша святая обязанность, м. г. не допускать такого анахронизма: чтобы виленскій музей, изъ важнаго подспорія къ народному образованію, куда юношество стремилось бы любоваться на русскую и литовскую старину временъ Гедимина,

Ольгерда и Витовта, не превратился бы въ памятникъ иноземнаго ига, который, со стыдомъ, обходили бы возрожденные западно-русскіе люди! Съ этой цѣлью вхожу я нынѣ съ предложеніемъ, которое и подвергаю на благоусмотрѣніе почтенныхъ членовъ Археологической Коммиссіи.

Предложеніе мое состоитъ въ слѣдующемъ:

Виленская Археологическая Коммиссія пусть составитъ изъ среды своихъ членовъ комитетъ,

во первыхъ: для пересмотра своего устава;

во вторыхъ: для приведенія въ извѣстность и систематическій порядокъ всѣхъ своихъ драгоцѣнностей, рукописей и книгъ періода русско литовской исторіи, то есть: преимущественно періода до Ягайлы;

въ третьихъ: для составленія программы будущихъ своихъ дѣйствій въ духѣ родномъ русско-литовскомъ;

въ четвертыхъ: для соображеній о соединеніи въ одно цѣлое: музея, центральнаго архива и имѣющей открыться публичной библіотеки, во избѣжаніе раздробленія ученыхъ силъ края и излишнихъ издержекъ;

въ пятыхъ: для составленія свода актовъ и сказаній всѣхъ лѣтописцевъ и историковъ русскихъ о Литвѣ и о западно-русскомъ краѣ (это необходимо для учителей и священниковъ западнаго края, которые хорошо должны быть знакомы съ исторіей онаго, но не имѣютъ достаточныхъ средствъ пріобрѣсть для сей цѣли дорогихъ изданій русскихъ лѣтописцевъ, собранія историческихъ актовъ и другихъ сочиненій, по которымъ разбросаны извѣстія о западномъ краѣ);

въ шестыхъ: для разбора всѣхъ древностей, рукописей и книгъ, уцѣлѣвшихъ еще въ православныхъ и бывшихъ унитскихъ монастыряхъ западнаго края.

Комитетъ долженъ состоять: изъ *предсѣдателя* (ученаго спеціалиста по исторіи и археологіи), дающаго должное направленіе работамъ онаго; изъ *секретаря-редактора* (также спеціалиста въ этомъ дѣлѣ), который не долженъ быть отвле-

каемъ другими занятіями и, изъ *двухъ писцевъ*, хорошо читающихъ, какъ въ печати такъ и въ рукописи, по славянски, по польски и по латынѣ.

На разъѣздныя председателю и на жалованье секретарю и писцамъ, *надо ассигновать не менѣе 2000 руб.*

Къ комитету, кромѣ того, необходимо прикомандировать, но безъ особаго содержанія, нѣсколько дѣйствительныхъ членовъ и членовъ корреспондентовъ виленской археологической коммисіи, по ея избранію, а для сообщенія необходимыхъ справокъ и ученаго секретаря оной.

Излишнимъ было бы, съ моей стороны, доказывать всю пользу, которую принесетъ, предлагаемый мною, комитетъ: она очевидна. Не могу, однакоже, пройти молчаніемъ тѣ особенности виленскаго музея, которыя возродили во мнѣ мысль о необходимости кореннаго его преобразованія.

Странствовалъ много я по бѣлому свѣту! Былъ я во многихъ музеяхъ! Въ нѣкоторыхъ изумляло меня знаніе дѣла, съ которымъ они составлены; въ другихъ, дѣтская наивность, съ которой группированы разнородные предметы, что заставляло ихъ болѣе походить на дамскую этажерку рѣдкостей, чѣмъ на ученое учрежденіе; но ни въ одномъ изъ нихъ, начиная отъ колоссальнаго британскаго музея до самаго скромнаго, провинціальнаго французскаго, не замѣтилъ я отсутствія патріотическаго начала, ни въ одномъ не видѣлъ я даже отдѣла, напоминающаго, не только ига, но и нашествія непріятельскаго!

Вы можете себѣ вообразить, какое тяжелое впечатлѣніе испыталъ я, свѣжій русскій человѣкъ, когда въ первый разъ вошелъ въ русско-литовскій виленскій музей: на самомъ видномъ мѣстѣ, бросились мнѣ въ глаза изображенія и доспѣхи угнѣтателей русско-литовской народности; въ витринахъ увидѣлъ я акты и документы, свидѣтельствующіе объ иноземномъ владычествѣ надъ краемъ; наконецъ, надписи, даже и въ зоологическомъ кабинетѣ, прочелъ я на языкѣ, который западно-русскіе люди, въ былыя времена, считали вражьимъ! Неужели, подумалъ я, остатки русско-литовской древности не нашли мѣста въ родномъ хранилищѣ?

Нѣтъ, они тутъ, но пріютились по темнымъ уголкамъ, какъ бы стыдясь польскаго величія! Мнѣ даже, при первомъ моемъ посѣщеніи музея, не показали перваго изданія на русскомъ языкѣ Литовскаго Статута, этого метрическаго свидѣтельства русской Литвы.

Тутъ начали въ головѣ моей бродить разныя идеи: о неустойчивости русской натуры, о космополитизмѣ, въ которомъ насъ обвиняютъ!.... Утѣшила меня только мысль, что на востокѣ Россіи нигдѣ нѣтъ хранилищъ, служащихъ прославленіемъ ига татарскаго.

Отчего же, подумалъ я, такая разница между западомъ нашимъ и нашимъ востокомъ?

Недоумѣніе мое разъяснилось слѣдующимъ параграфомъ *устава* виленской археологической коммисіи:

«§) Истребованіе въ виленскую археологическую коммисію историческихъ актовъ и рукописей, принадлежащихъ упраздненнымъ римско-католическимъ монастырямъ.... Равнымъ образомъ, доставленіе въ коммисію подобныхъ же актовъ изъ библіотекъ штатныхъ монастырей и церквей *сего* исповѣданія...« А о русской, православной, коренной древности—ни полъ слова!!

Я бы могъ еще указать на нѣкоторыя недомолвки въ уставѣ коммисіи, на нѣкоторыя необходимыя улучшенія въ музеѣ, но это уже будетъ дѣломъ, предлагаемаго мною, комитета.

Теперь остается мнѣ только просить, почтеннаго предсѣдателя нашего, повергнуть мое предложеніе на просвѣщенный судъ господъ членовъ археологической коммисіи и, за тѣмъ, представить оное на утвержденіе высшихъ властей.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО ВЪ РОССІИ

историческіе очерки

Графа Дмитрія (Андреевича)

ТОЛСТОГО.

Томы 1-й и 2-й.

Парижъ 1863—1864.

Недавно появилось сочиненіе, заключающее въ себѣ огромный интересъ; но не скоропреходящій интересъ переживаемаго мгновенія, составляющій лакомую добычу множества брошюръ во Франціи, которыя трактуютъ о разныхъ современныхъ вопросахъ: о Наполеонѣ, о папѣ, о возобновленіи священнаго союза, и т. п. Эти брошюры являются на свѣтъ или мертворожденными, или большею частію умираютъ вслѣдъ за своимъ рожденіемъ; онѣ пишутся на скоро, лишь бы не пропустить мимолетнаго мгновенія, когда любопытство публики возбуждено и ищетъ разъясненія какого нибудь необыденнаго событія. Приударятъ въ набатъ ловкіе рекламы, заговорятъ таинственно, будто авторъ брошюръ нѣкто изъ лицъ весьма многозначущихъ,—и тысячи экземпляровъ этой ничтожной умственной издержки, этого полутруда-полубездѣлья, расходятся въ нѣсколько дней. Такія скороспѣлки недолго живутъ. Кипучее слово газетъ займется ими на мгновеніе, и броситъ ихъ навсегда; мигъ любопытства минулъ, и всѣ эти книжонки канутъ въ Лету безвыплывно.

Сочиненію графа Дмитрія Толстого предстоитъ другая будущность. Это трудъ огромный, многолѣтній, трудъ добросовѣстный; это превосходная лѣтопись, которая, совпадая съ основными интересами государства православнаго, надолго, можетъ быть, на всегда, станетъ во многихъ отношеніяхъ авторитетомъ, по вопросу такъ основательно и безпристрастно разъясненному.

Изложеніе предмета столь важнаго для насъ—русскихъ, могущаго привлечь наше особое вниманіе,—издано русскимъ на французскомъ языкѣ—съ особою цѣлью. Авторъ желалъ ознакомить Европу съ сущностію тревожнаго вопроса о властолюбивыхъ проискахъ и дѣйствіяхъ папства, о положе-

нія римскаго-католичества въ Россіи. Онъ и даетъ теперь возможность всему читающему міру, всѣмъ zelanti и ультрамонтанамъ, всѣмъ партіямъ за и противъ папъ, наравнѣ съ каждымъ истинно безпристрастнымъ, узнать довольно подробное и документально вѣрное историческое въ нашемъ отечествѣ развитіе этого громаднаго чужеядца—римско-католическаго духовенства. Всегда и всюду старалось оно опутывать страну своею властію, словно полипъ, или вампиръ, впиваться въ жизненныя силы духовной паствы своей; стремилось властвовать надъ душой,—и все для того, чтобы, подъ предлогомъ указанія благъ небесныхъ, обладать земными благами, довѣряющихъ ему людей; оно, подъ фирмою касты, отрѣшившейся отъ міра, сдѣлало царство свое *«царствомъ отъ міра сего,»* чтобы легче высасывать народныя богатства; это духовенство на кострахъ и въ адскихъ пыткахъ утверждало, не завѣщанный Богочеловѣкомъ законъ любви, смиренія и примиренія, а свою земную власть; это самое духовенство, всегда ненавидя насъ, силилось издавна запустить глубоко корни свои въ русскую почву, насильственно всосаться въ нашу плоть и кровь, чтобы, если не открытою силою, то интригой, одолѣть то, что каждый русскій считаетъ неодолимымъ, какъ жизнь его души,—его православную вѣру. И наконецъ, теперь, въ нашихъ глазахъ оно довершило свою характеристику, увѣнчало свою многовѣковую противъ насъ злобную дѣятельность, ставъ въ несчастной странѣ двигателемъ бунта, убійствъ, отравленій...

О дѣйствіяхъ его документы—теперь передъ нами, скрывавшая ихъ завѣса приподнята графомъ Дм. Толстымъ.

Предисловіе автора знакомитъ насъ съ цѣлью его труда. Вотъ что въ своемъ *„введеніи“* говоритъ графъ Дм. Толстой:

„Въ эпоху, когда владѣнія папскія значительно уменьшились, когда общее мнѣніе настоятельно требуетъ уничтоженія свѣтской власти папъ, будетъ любопытно, кажется намъ, обратить вниманіе публики на власть свѣтскую, которую папы присвоили себѣ въ теченіи вѣковъ. Власть эта такъ тѣсно связана съ владѣніемъ земными благами, что, лишенная ихъ, она не могла бы существовать въ томъ духѣ и въ тѣхъ формахъ, а особенно въ такой степени, какъ она существовала доселѣ. Слишкомъ усердно ратующіе за папство свѣтское, по эгоистическимъ разсчетамъ столь упорно противящіеся единству Италіи, понимаютъ это слишкомъ хорошо. Мы вполнѣ убѣждены, что какъ

только папы перестанутъ быть владыками мірскими, свѣтская власть ихъ получитъ коренное ограниченіе, которое выразится въ децентрализаціи этой власти; результатомъ же будетъ—автономія національныхъ церквей, безъ ущерба для единства церкви. Этотъ результатъ будетъ гораздо полезнѣе для самой религіи и уравномѣритъ взаимность отношеній церкви и государства.

„Чтобы оцѣнить вліяніе власти папской, въ томъ видѣ, какъ она установилась доселѣ,—на участь мѣстныхъ церквей, мы избрали латинскую церковь въ нашемъ отечествѣ. Много брошюръ и даже книгъ появилось въ послѣдніе двадцать лѣтъ; онѣ разсуждали о положеніи латинской церкви въ Россіи; авторы этихъ сочиненій, по большей части, не зная фактовъ, или искажая ихъ произвольно и съ особымъ умысломъ, основывались чаще всего на слухахъ и предположеніяхъ; они были непрочь и отъ выдумокъ, тѣмъ болѣе смѣлыхъ, что онѣ истекали изъ волненія возбужденныхъ страстей, политическихъ или религіозныхъ,—всегда напоенныхъ ядомъ, всегда ослѣпленныхъ. Желая дать себѣ отчетъ въ событіяхъ и разобрать, что въ нихъ могло быть истинно и что ложно, мы обратились къ источникамъ офиціальнымъ и совершенно достовѣрнымъ; мы собрали и привели въ порядокъ всѣ документы, касающіеся администраціи духовенства латинскаго въ Россіи въ царствованіе императора Николая, и мы уже приготовили къ печати историческій на это взглядъ.

„Но намъ показалось необходимымъ раскрыть предъ читателями вѣрное уясненіе *„прошедшаго“* этой администраціи, вообще весьма много изученной; съ этой цѣлію мы сочли полезнымъ написать введеніе къ предположенному сочиненію. Но, по мѣрѣ того, какъ трудъ подвигался впередъ, мы замѣтили, что предисловіе само по себѣ принимало размѣры лѣтописи, которую можно было представить публикѣ отдѣльно; мы на это и рѣшились, руководимые въ особенности тѣмъ соображеніемъ, что эпоха царствованія императора Николая еще такъ близка къ намъ, что уваженіе къ истинѣ исторической могло налагать обязанность нѣсколько повременить изданіемъ описанія мѣръ, принятыхъ самодержцемъ по церковному вѣдомству; отложить это до той поры, пока интересы и страсти, приступленные протекшимъ временемъ, уступятъ, наконецъ, мѣсто спокойнымъ и безпристрастнымъ обсужденіямъ, которыя

должны первенствовать въ каждомъ изслѣдованіи историческомъ.

„Оцѣнка событій измѣняется, смотря по убѣжденіямъ авторовъ; но сами событія, какъ только они незазорно достовѣрны, имѣютъ свое собственное, внутреннее, существенное значеніе, и, потому, одинаковую важность для всѣхъ партій. Эта неоспоримая истина даетъ намъ надежду, что самые даже ультрамонтаны, мнѣнія которыхъ мы далеко не раздѣляемъ, отдадутъ намъ хотя ту справедливость, что мы собрали и отдали въ общее свѣдѣніе такія историческія данныя, которыя были доселѣ или совершенно невѣдомы, или малоизвѣстны. И дѣйствительно: для описанія эпохи до-Екатерининской мы, кромѣ опубликованныхъ сочиненій, пользовались московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; а когда намъ предстояло говорить о Россіи до раздѣла Польши и о западныхъ областяхъ до присоединенія ихъ къ Россіи (Польша не входитъ въ рамку нашего труда), мы пользовались документами польскими-печатными и въ манускриптахъ, сохранившимися въ архивахъ капитуловъ, епархій и римско-католическихъ семинарій. Мы нарочно изъѣздили эти края, съ цѣлію изучить ихъ. Читатель найдетъ всѣ эти документы обозначенными въ вымѣткахъ и прибавленіяхъ.

„Администрація латинскаго духовенства въ Россіи началась, собственно, съ царствованія императрицы Екатерины; по этому, начиная съ той эпохи и до воцаренія императора Николая, мы почти исключительно почерпали свѣдѣнія изъ архивовъ государственныхъ, какъ, напримѣръ: министерства внутреннихъ дѣлъ, заключающаго въ себѣ дѣла департамента исповѣданій, и министерства иностранныхъ дѣлъ, въ С-Петербургѣ; также изъ архива синодальнаго, и проч. Поэтому, въ общемъ изложеніи хода дѣлъ, мы не ссылаемся на нихъ безпрерывно, для избѣжанія безполезныхъ повтореній. Нѣсколько современныхъ, автографныхъ, достовѣрныхъ записокъ служили дополненіемъ къ этимъ оффиціальнымъ источникамъ нашихъ изученій.

„Избѣгая всякой полемики, недостойной быть введенною на страницы сочиненія серьезнаго, мы льстимъ себя надеждой, что при воспроизведеніи неопровержимыхъ историческихъ событій, уже не такъ легко будетъ ввести въ заблужденіе общее мнѣніе Европы, мало ознакомленное съ этимъ предметомъ. До этихъ поръ крайнія партіи—и политическія, и религіозныя—ста-

рались сбить его съ толку,—и, надо сказать, онѣ трудились не безуспѣшно. Но когда почва исторіи является разработанною и очищенною,—то единственно только на этой почвѣ, а не въ покрытыхъ мракомъ вымыслахъ, могутъ въ будущемъ возникнуть состязанія мысли спокойныя и разсудительныя; мы сочтемъ себя счастливыми, вызвавъ ихъ,—для лучшаго уяененія важнаго вопроса, составляющаго предметъ настоящаго нашего труда."

Передъ публикой теперь два первыхъ тома историческаго труда графа Дм. Толстого *о римскомъ католичествѣ въ Россіи*.

Находя, что замѣчательное сочиненіе это разъяснитъ и представитъ въ настоящемъ свѣтѣ столь полезный для насъ предметъ изученія,—пока, до появленія на русскомъ языкѣ въ печати всего этого труда, мы желали бы познакомить русскихъ съ содержаніемъ этихъ двухъ томовъ и тѣмъ показать сколько животрепещущаго, родного интереса въ нихъ заключено.

Открывается рядъ первыхъ 15-ти главъ **главою** *о попыткахъ римскаго папскаго двора обратить православную Россію въ западное католичество*, въ римское исповѣданіе,—*попыткахъ, выразившихся происками папства съ 10-го вѣка и до 16-го столѣтія.*

Въ этой **1-й главѣ** содержится: противуположность между духовенствомъ римскимъ и духовенствомъ православнымъ. Тщетныя папытки папъ, съ 10-го по 15-е столѣтіе, обратить Россію въ латинство. Интриги папъ постоянно враждебныя русскимъ великимъ князямъ. Отвращеніе русскихъ отъ римскаго католичества. Писанія духовенства греческаго въ Россіи противъ латинства съ 10-го до 12-го столѣтія. Слѣды латинства въ Россіи въ 12-мъ вѣкѣ. Католицизмъ въ Новгородѣ, въ Псковѣ, въ Кіевѣ. Латинская церковь въ Новгородѣ въ 15-мъ вѣкѣ. Въ эту эпоху Римъ продолжаетъ свои стремленія олатинить православныхъ. Соборъ флорентійскій. Бракъ Іоанна 3-го съ Софіею Палеологъ, устроенный папою въ надеждѣ обратить великаго князя въ латинство. Сношенія русскихъ великихъ князей съ папскимъ дворомъ въ 16-мъ столѣтіи. Миссія доминиканца Шомберга, въ 1518 году. Миссія епископа гардіенскаго Захарія, въ 1519 г. Двукратное путешествіе въ Россію негоціанта Павла Центуріона. Миссія Іоанна Франциска, епископа скаренскаго, въ 1526 г. Приглашеніе Россіи къ участію въ соборѣ Тридентскомъ. Съ этою цѣлію посланы въ Москву графъ Гер-

берштейнъ и Штембергъ, 1550 г. Инструкціи, данныя венеціанцу Джиральдо, 1561 г. Настойчивость папскаго двора. Попытка кардинала Мороніуса предъ русскими послами на сеймѣ въ Регенсбургѣ. Агентъ папскій въ Россіи Кленхенъ получаетъ особыя инструкціи, 1576. Кобенуль, агентъ римскаго императора, выражаетъ убѣжденіе, будто русскихъ очень легко совратить въ латинство. Заблужденіе Кобенуля. Приверженность русскихъ къ православной вѣрѣ и отращеніе ихъ отъ латинства. Свидѣтельства Герберштейна и Гейденстейна.

2-я Глава: *Царь Іоаннъ IV и Іезуитъ Поссевинъ.*

3-я Глава: *Роль, которую играло латинство въ смутахъ Россіи въ началѣ 17-го столѣтія. Посольство въ Римъ отъ царя Алексія.*

Въ чемъ расходятся между собою церкви православная и римская. Проэктъ новаго посольства Поссевина въ Москву. Миссіи Камулея въ 1594 и 1597. Крайняя опасность, грозившая церкви русской въ началѣ 17-го столѣтія. Миссія Сапѣги, 1600. Лжедимитрій принимаетъ латинство,—но неискренно. Негодованіе русскихъ. Проэктъ польскихъ іезуитовъ ввести въ Россіи унію чрезъ посредство втораго лжецаря,—Тушинскаго вора. Избранъ на царство Владиславъ,—съ условіемъ сохранить неприкосновеннымъ православіе. Замыслы Сигизмунда овладѣть престоломъ русскаго царства и совратить Россію въ латинство. Филиппу, принцу шведскому, предлагаютъ русскій престолъ, съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе. Отвращеніе русскихъ отъ латинства еще увеличилось въ слѣдствіе этихъ политическихъ событій. Свидѣтельство Олеарія. Когда мѣры іезуитовъ и поляковъ къ насильственному введенію въ Россіи латинства не удались, польское духовенство стало совѣтовать Владиславу быть разсудительнымъ и умѣреннымъ,—1617. Миссія *Людовика дэ Гей*, 1627. Дозволеніе римскимъ католикамъ чрезъ Россію переѣзжать на Востокъ. Смѣшанные браки. Запрещеніе строить латинскія церкви. Посольство маіора Мэнэзіуса въ Римъ, 1673. Заблужденіе римскаго двора и преувеличеніе имъ значенія миссіи Мэнэзіуса.

4-я Глава: *латинство въ Россіи отъ царствованія Іоанна и Петра до присоединенія къ Россіи западныхъ областей.*

Вступленіе иностранцевъ римско-католическаго исповѣданія въ службу русскую. Постепенный наплывъ іезуитовъ въ Мо-

скву въ свитахъ пословъ императора римскаго, 1684—1687. Іезуиты покупаютъ для себя домъ въ Москвѣ—1685, и начинаютъ тамъ іезуитскую свою пропаганду латинства. Ихъ высылаютъ изъ Москвы, 1688. Особое покровительство оказанное іезуитамъ княземъ Василіемъ Голицынымъ. Статья изъ духовнаго завѣщанія патріарха Іоакима, касательно пропаганды латинской, 1690. Происки іезуитовъ—добиться возвращенія ихъ въ Россію. Курціусъ, посланникъ римскаго императора, вступается за іезуитовъ, 1691. Въ то время генералъ Патрикъ Гордонъ становится представителемъ латинянъ въ Россіи. Правительство русское отказываетъ латинцамъ въ дозволеніи построить церковь въ Москвѣ. Вопреки этому запрещенію, римскіе католики построили себѣ латинскую церковь. Тотчасъ же миссіонеры ихъ проникли въ Москву и пріютились тамъ. Іезуиты снова вторглись въ Россію. Ихъ вторично изгоняютъ изъ Россіи,—1719. Безпрепятственное исполненіе обрядовъ латинства въ царствованіе Петра Великаго. Смѣшанные браки. Капуцины призванные въ Россію, 1720. Борьба между капуцинами и францисканами. Капуцины и францисканы замѣщены доминиканами, 1724. Сношенія съ папою. Проѣздъ чрезъ Москву архіепископа нахиченскаго Севастіана Кнабе, 1684 г. Посолъ римскаго императора Жировскій продолжаетъ переговоры, начатые архіепископомъ нахичеванскимъ. Дэбоа и Курціусу не удаются эти переговоры, 1685. Проэктъ посольства въ Римъ, 1697. Путешествіе фельдмаршала Шереметьева въ Римъ, 1698. Миссія въ Римъ князя Куракина, 1707. Во время пребыванія царя Петра 1-го въ Парижѣ, папскій нунцій Бентгеволье старается расположить его въ пользу латинства, 1717. Проэктъ папы учредить нунціатуру въ С.-Петербургѣ, 1717. Папа старается заключить конкордадъ съ Россіею, 1721. Предложенія Сорбонны соединить восточную церковь съ западною, 1717. Отвѣтъ Сорбоннѣ русскихъ архіереевъ, 1718. Петръ 1-й неочень симпатизировалъ латинству. Латинство при преемникахъ Петра Великаго. Латинская пропаганда между армянъ въ Астрахани. Раздоры между ксендзами и прихожанами ихъ въ С.-Петербургѣ. Регламентъ императрицы Екатерины для латинской церкви, 1769. Этому регламенту 1769-го подчинены латинскія церкви въ поселеніяхъ саратовскихъ и на югѣ Россіи. Число римскихъ католиковъ въ Россіи очень ограниченное до присоединенія западныхъ губерній.

5-я Глава: *Исторический обзоръ латинства въ Литвѣ подъ владычествомъ Польши.*

Въ западныхъ губерніяхъ церковь православная была водворена гораздо прежде появленія тамъ латинства. Введеніе латинскаго исповѣданія. Затрудненія имъ встрѣченныя. Идолопоклонство въ Литвѣ въ 16-мъ вѣкѣ. Учрежденіе епархій и наплывъ монаховъ разныхъ орденовъ. Латинство ввело въ Литвѣ элементъ совершенно новый. Іерархическая организація духовенства. Реформація и успѣхи ея въ Литвѣ. Кардиналъ Коммендони заставляетъ принять соборъ тридентскій въ Литвѣ, 1564. Іезуиты появились въ Литвѣ, 1569; ихъ быстрые успѣхи. Они пріостанавливаютъ ходъ кальвинизма. Православіе въ Литвѣ. Какъ ведутъ себя, въ отношеніи къ нему, іезуиты. Борьба между духовенствами римскимъ и православнымъ. Введеніе уніи на брестскомъ соборѣ, 1596. Виды папъ и образъ ихъ дѣйствій. *Протесты народа православнаго.* Средства, употребленныя іезуитами для введенія уніи. Они подвергаютъ гоненіямъ русскую церковь. Полемика духовенствъ латинскаго и русскаго. Іезуиты возбуждаютъ противъ себя негодованіе литовцевъ—римско-католиковъ. Король Владиславъ 4-й противу-поставляетъ піаровъ іезуитамъ. Вліятельность іезуитовъ. Календари іезуитскіе. Состояніе духовенства. Раздоры между духовенствомъ и дворянствомъ. Значеніе въ государствѣ, присвояемое себѣ этимъ духовенствомъ. Мѣры противъ накопленія духовенствомъ чрезмѣрныхъ богатствъ. *Духовенство латинское способствуетъ паденію Польши.* Состояніе реформатской церкви въ 17-ти и 18-ти столѣтіяхъ. Постепенное олатиненіе грекоуніятовъ. Политическая сторона уніи. Евреи угнетены латинскимъ духовенствомъ.

6-я Глава: *Исторический обзоръ р.-католическихъ* **епархій** *въ Литвѣ*

1) *Виленская.* Ея пространство. Распространеніе въ ней латинства. Вѣра „*грецкая*" во всей странѣ этой задолго предшествовала вторженію латинства. Раздѣленіе епархій на деканства. Первые епископы въ этой епархіи. Религіозная ихъ нетерпимость. Постепенное прибытіе разныхъ монашескихъ орденовъ. Легаты папскіе. Какими соображеніями преимущественно руководились при назначеніи въ епископы. Вліяніе іезуитовъ на епископовъ. Отношенія епископовъ къ ихъ капитуламъ. Составъ епархіальныхъ капитуловъ. Оппозиція капитуловъ архіереямъ. Имѣнія и управленіе капитульныя. Семинарія. Она

ввѣрена іезуитамъ, 1588. Іезуиты покидаютъ семинарію, 1652. Семинарія подъ управленіемъ свѣтскаго духовенства. Семинарія, закрытая нѣсколько времени, переходитъ въ руки миссіонеровъ. Жалкое состояніе семинаріи. Епархіальные синоды или—соборы. Блестящее состояніе виленской каѳедры. Учрежденіе новыхъ должностей: епархіальнаго викарія, архидіакона, и бѣлорускаго викарія. Раздоры духовенства съ дворянствомъ. Состязанія духовенства съ войскомъ. Открытая вражда между епископомъ Бржестовскимъ и гетманомъ Сапѣгою, 1693—1698.

2) *Самогитская*. Ея пространство. Насильственное водвореніе латинства въ Самогитіи. Основаніе епархіи, 1417. Распространеніе латинства въ этой епархіи. Возвратъ самогитовъ къ идолопоклонству, въ 16-мъ вѣкѣ. Мѣстопребываніе епархіи. Отношенія этой епархіи къ виленской. Составъ управленія. Раздѣленіе епархіи на деканства. Епископы Самогитіи. Ихъ отношенія къ своему капитулу. Семинарія. Іезуиты принимаютъ ее подъ свое управленіе. Процессъ между епископомъ и іезуитами за семинарію, 1624. Семинарія ввѣрена піарамъ, 1741. Семинарія возвращена подъ власть іезуитовъ, 1760. Іезуитская система воспитанія. Позднее прибытіе монаховъ въ Самогитію. Угнетеніе свѣтскаго духовенства монахами. Провинціальные синоды.

3) *Каменецкая*. Основаніе этой эпархіи въ 1414 г. Зависимость этого епископства отъ митрополіи львовской. Епископства каменецкаго не очень добивались. Составъ управленія. Установленіе викарнаго, 1730. Злоупотребленія монаховъ. Семинарія. Она ускользаетъ изъ подъ власти іезуитовъ. Усилія духовенства не нести никакихъ государственныхъ повинностей. Раздѣленіе епархіи на деканства.

4) *Луцкая*. Основаніе епархіи. Ея пространство. Составъ управленія. Семинаріи. Епархіальные соборы. Раздѣленіе епархіи на деканства.

5) *Кіевская*. Предполагаемое время ея учрежденія. Миссія доминиканъ и францисканов въ 13 столѣтіи. Пространство епархіи. Позднее введеніе монастырей для препятствованія успѣхамъ православія (въ 18-мъ вѣкѣ). Деканства. Перенесеніе епархіальнаго управленія въ Житоміръ, 1724. Постройка собора, 1751. Учрежденіе званія архидіакона черниговскаго. Составъ управленія. Учрежденіе викарнаго, 1740. Семинарія, 1762. Синоды епархіальные.

6) *Смоленская*—основана въ 1636 г. Составъ управленія. Викаріатъ. Во всей епархіи едва насчитываются 4 церкви.

и 7) *Инфляндская*. Ея образованіе. Викаріатъ, 1743. Составъ управленія. Семинаріи, 1755.

Общій выводъ изъ этой первой части.

ТОМЪ 2-Й.

7-я Глава: *Состояніе церкви латинской въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины.*

Учрежденіе іерархіи въ Бѣлоруссіи. Опредѣленіе границъ власти папъ въ Россіи. Избраніе Сестренцевича въ санъ архіерея бѣлорусскаго, 1773. Біографическая замѣтка о Сестренцевичѣ, 1731—1826. Подчиненіе епархіальному архіерею всего духовенства, чернаго и бѣлаго. Улучшенія въ монастырскомъ управленіи введенныя Сестренцевичемъ. Учрежденіе семинаріи въ Могилевѣ—на Днѣпрѣ, 1778. Планъ обученія въ семиниріи. Іезуиты противудѣйствуютъ Сестренцевичу. По уничтоженіи папою ордена іезуитовъ, императрица Екатерина даетъ имъ убѣжище въ Бѣлоруссіи. Малая польза и большой вредъ отъ этой мѣры. Сестренцевичъ возведенъ въ санъ архіепископа, 1782. Бениславскій,—креатура іезуитовъ, назначенъ коадъюторомъ архіепископа, 1782. Сношенія русскаго правительства съ папою. Миссія нунція Аркетти въ С.-Петербургѣ, 1783. Учрежденіе епархіальнаго управленія въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Императрица Екатерина измѣняетъ формулу присяги епископовъ, при возведеніи ихъ въ этотъ санъ. Екатерина ходатайствуетъ о доставленіи Сестренцевичу кардинальской шапки, 1785. Права духовныя, довольно обширныя, предоставленныя, вмѣсто того, папою Сестренцевичу, 1786. Дозволеніе выписывать священниковъ изъ за границы. Церковь св. Людовика въ Москвѣ, 1790. Построеніе латинскихъ церквей въ южныхъ и въ саратовскихъ поселеніяхъ. Мѣры, касающіяся недвижимыхъ монастырскихъ имѣній. Установленіе епархій инфляндской, пинской и летичевской, 1795. Предположеніе уменьшить число монастырей, 1795.—*Церковь армяно-католическая въ Россіи*. Ученіе армянской первобытной церкви. Латинская между армянами пропаганда. Галанусъ, 1650—1659. Маркизъ дэ—Сэрпосъ, въ 18 вѣкѣ. Мехитаръ, 1676—1749. Академія армяно-католическая въ Венеціи. Введеніе латинства въ церковь армянскую. Ар-

мяне на Волыни и въ Подоліи. Пропаганда у нихъ Бембуса, 1630. Торосовичъ, посвященный въ львовскіе армянскіе епископы въ 1626 году, переходитъ въ латинство. Насильственное совращеніе львовскихъ армянъ въ латинство, 1631. Отцы Театины, прибывъ въ Львовъ, основываютъ тамъ *„коллегіумъ понтификумъ."* Пропаганда латинцевъ у армянъ въ Каменцѣ-подольскомъ (1666) и въ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Армянокатолики въ южной Россіи.

Пропаганда латинская въ Грузіи. Духовенство армянокатолическое подчинено начальству архіепископа могилевскаго, 1784.

Народъ западныхъ губерній исповѣдуетъ, въ большей части, вѣру православную; часть изъ нихъ грекоуніаты. *Народъ православный, гонимый латинцами, непрестанно молитъ русскихъ царей о защитѣ.* Заступничество за нихъ Екатерины. Папа Климентъ XIII настаиваетъ, чтобы король Станиславъ-Августъ ничего недѣлалъ въ пользу иновѣрцевъ — нелатинянъ (диссидентовъ). Императрица Екатерина рѣшается взяться за оружіе и добивается свободы исповѣданія православія.

Положеніе грекоуніатской церкви въ нашихъ западныхъ областяхъ. Базиліане. Насильства ихъ и угнетенія бѣлаго духовенства грекоуніатскаго. Антагонизмъ между мелкимъ духовенствомъ и базиліанами. Императрица Екатерина учреждаетъ грекоуніатское епископство въ Бѣлоруссіи. Гераклій Лисовскій посвященъ въ санъ архіепископа полоцкаго, 1784. Базиліане подчинены власти архіепископа. Грекоуніаты въ Бѣлоруссіи, на Волыни и въ Подоліи возвращаются въ лоно церкви православной. Мѣры противъ базиліанъ. Унія, неимѣющая собственной жизненной силы, должна была неминуемо пасть сама собою. Смѣшанные браки. Общія соображенія о мѣрахъ императрицы Екатерины по духовному вѣдомству.

8-я Глава. *Церковь латинская въ Россіи въ царствованіе императора Павла.*

Въ началѣ своего царствованія, императоръ Павелъ осыпаетъ Сестренцевича своими милостями и нарекаетъ его митрополитомъ, 1798. Система управленія духовенствомъ, учрежденная императрицею Екатериною, сначала оставлена во всей силѣ. Учрежденіе особаго департамента для духовныхъ дѣлъ римскаго исповѣданіе, 1797. Сношенія съ папою. Новое разграниченіе епархій, 1798. Увеличеніе числа епархій, и епископскихъ званій. Регламентъ для церквей и монастырей латинскихъ, 1798.

Нунціатура графа Литты. Онъ находитъ себѣ помощниковъ между рыцарями мальтійскаго ордена и французскими эмигрантами. Орденъ монаховъ траппистовъ введенъ въ Россію эмигрантами. Разграниченіе епархій утверждено нунціемъ, 1798. Императоръ назначаетъ въ эти епархіи епископовъ. Нунціатура графа Литты, кажется, сдѣлается постоянною. Значеніе нунціатуры. Мысли Сестренцевича о поддержаніи благочинія въ духовенствѣ, изложенныя въ особой меморіи, 1798. Мысли Сестренцевича о власти папъ и о нунціатурѣ. Распри правительства съ нунціемъ и высылка его изъ Россіи, 1799. Усилія папы Пія VII возобновить нунціатуру въ С.-Петербургѣ 1801. Іезуиты ненавидятъ Сестренцевича. Ихъ интриги противъ него. Отецъ Грюберъ. Церковь с.-петербургская передана іезуитамъ. Опала Сестренцевича. Ссылка его, 1800. Іезуиты тотчасъ же овладѣваютъ управленіемъ латинскою церковію въ Россіи. Они совершенно извращаютъ разумныя основы въ этой части администраціи. Іезуиты размножаются по всей Россіи. Интервенція императора Павла предъ оттоманской портой въ пользу іезуитовъ, 1800. По его же настояніямъ, папа возстановляетъ орденъ іезуитовъ въ Россіи, 1801. Францискъ Карэ, генералъ іезуитовъ. Грюберъ назначенъ преемникомъ Карэ.

Сестренцевичъ въ изгнаніи.

Состояніе Грекоуніатской церкви. Учрежденіе епархій брестской и луцкой, 1798. Управленіе грекоуніатскою церковію передано въ департаментъ римско-католическій. Искуственныя средства, которыми поддерживается унія. Пропаганда латинская.

9-я Глава. *Система управленія латинскимъ духовенствомъ въ царствованіе императора Александра.*

Учрежденіе комитета для составленія регламента объ управленіи латинскимъ духовенствомъ, 1801. Митрополитъ Сестренцевичъ вызванъ изъ изгнанія и назначенъ предсѣдателемъ духовной коллегіи. Основы регламента 1801, имѣвшаго цѣлію согласить право каноническое съ законами государства. Трудность въ выполненіи подобнаго соглашенія. Опредѣленіе имѣній церковныхъ по регламенту 1801. Ограниченныя права митрополита. Ходатайство предъ папою о расширеніи правъ епископскихъ, 1803. Систематическая митрополиту оппозиція особой партіи въ духовенствѣ. Права духовной коллегіи. Учрежденіе общаго управленія иновѣрческими исповѣданіями, 1810.

Министерство наше возобновляетъ ходатайство у папы о разширеніи правъ епископовъ, 1808. Оно требуетъ для митрополита правъ гораздо обширнѣйшихъ, 1811. Права предоставленныя Сестренцевичу, 1812. Требованіе отъ папы возвести Сестренцевича и его преемниковъ въ санъ примаса, 1815. Папа предоставляетъ имъ пользоваться только титуломъ, но не правами этого сана. Русское правительство этого не принимаетъ. Напрасные переговоры о расширеніи епископскихъ правъ безплодно продолжаются съ римскимъ дворомъ, 1817 по 1820. Точка зрѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ на духовныя дѣла. Картина системы римской, начертанная италіанскимъ посломъ Россіи при папахъ, 1824.

10-я Глава. *Іезуиты при императорѣ Александрѣ.*

Императоръ мало расположенъ къ іезуитамъ. Покровители іезуитовъ въ Петербургѣ. Жалоба, поданная прихожанами петербургской церкви на іезуитовъ, 1801. Благородный пенсіонъ, основанный іезуитами въ Петербургѣ. Іезуиты въ поселеніяхъ. Іезуитъ аббатъ-Николь назначенъ настоятелемъ церквей южной Россіи. Ему предоставлены обширныя права. Іезуиты въ Сибири. Они предлагаютъ свои услуги въ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ. Іезуиты въ Бѣлоруссіи. Іезуиты въ Астрахани и Моздокѣ. Іезуиты въ Ригѣ. Іезуиты проникаютъ на Волынь 1811. Іезуиты усиливаются отклонить надзоръ виленскаго университета за ихъ учебными заведеніями. Графъ дэ Мэстръ внушаетъ русскому правительству подозрѣнія противъ виленскаго университета и чрезмѣрно превозноситъ выгоды воспитанія іезуитскаго, 1810. Іезуиты увѣряютъ, будто они—двигатели всемірнаго просвѣщенія. Учрежденіе іезуитской академіи въ Полоцкѣ, 1812 (чтобы соперничать съ университетомъ виленскимъ и уронить его). Организація и привиллегіи этой іезуитской академіи. Система іезуитскаго воспитанія. Агенты іезуитовъ заграницею. Іезуиты домогаются ходатайства Россіи предъ Испаніею о возстановленіи тамъ ихъ ордена, 1812. Возстановленіе ихъ ордена въ Европѣ, 1814. Дѣятельность іезуитовъ въ Россіи. Іезуиты во время войны 1812 года. Пропаганда іезуитовъ въ поселеніяхъ. Какъ ведутъ себя іезуиты въ Сибири. Ихъ прозелитизмъ на Кавказѣ. Несчастное положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ іезуитскихъ. Дѣятельная пропаганда іезуитовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Правительство русское начинаетъ опасаться іазуитовъ, 1815. Удаленіе іезуитовъ изъ

Петербурга и Москвы, 1815. Сужденіе графа дэ Мэстръ объ этой мѣрѣ правительства. Онъ даетъ іезуитамъ совѣты, какъ вести себя. Роль этого графа въ интригахъ іезуитскихъ. Эффектъ въ Римѣ, произведенный изгнаніемъ іезуитовъ. Нерѣшительность правительства изгнать всѣхъ іезуитовъ разомъ изъ всей Россіи. Окончательное изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, 1820. Огромные долги, оставленные іезуитами. Заключеніе.

11-я Глава. *Управленіе духовенствомъ послѣ высылки іезуитовъ. Бѣлое духовенство въ царствованіе императора Александра.*

Трудное положеніе митрополита. Участіе его въ библейскомъ обществѣ. Недовѣрчивость папы къ Сестренцевичу. Общее управленіе исповѣданіями сосредоточено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, 1817. Александръ Тургеневъ директоръ департамента исповѣданій. Управленіе исповѣданіями отдѣлено отъ министерства народнаго просвѣщенія, 1823. Епархіальные епископы. Вновь пріобрѣтенныя области бѣлостокская, тарнопольская и бессарабская присоединены къ епархіи митрополита. Управленіе епархіею виленскою поручено временно митрополиту, 1815—1826. Состояніе бѣлаго духовенства. Духовенство капитульное, или консисторіальное. Капитулы: виленскій, луцкій, могилевскій, каменецкій. Почетныя должности въ капитулахъ предоставляются преимущественно дворянству. Доходы чиновъ капитула. Они уклоняются отъ обязанности, наложенной на нихъ закономъ, заниматься серьезнымъ изученіемъ богословія. Это высшее духовенство приноситъ мало пользы церкви. Низшее духовенство. Крайняя необходимость учредить семинаріи; проэкты Сестренцевича. Состояніе семинарій. Средства содержанія ихъ. Планъ обученія въ нихъ. Учрежденіе главной семинаріи при виленскомъ университетѣ, по планамъ князя Чарторыйскаго и Чацкаго, 1803. Озлобленіе большинства духовенства противъ главной семинаріи. Ея заслуги. Право патронатства препятствуетъ епископамъ дѣлать полезныя назначенія духовныхъ лицъ на мѣста приходскихъ священниковъ. Жалкое положеніе низшаго духовенства. Духовенство ровно ничего недѣлаетъ для образованія народнаго; ученый Чацкій беретъ на себя эту обязанность на Волыни, 1803. Примѣру Чацкаго послѣдовали въ епархіи каменецкой. Уставъ для приходскихъ училищъ, составленный Чацкимъ, 1807. Духовенство постоянно противится усиліямъ Чацкаго. Правительство вынуждено оказать

пособіе духовенству, для содержанія приходовъ. Необходимость выписывать священниковъ изъ заграницы.

12-я Глава: *Латинскіе монашествующіе чины въ Россіи въ царствованіе императора Александра.*

Латинскіе монашествующіе чины находившіеся тогда въ Россіи. Ихъ упадокъ. Развратъ монаховъ. У монаховъ этихъ вовсе небыло истиннаго призванія къ монашеству. Понудительныя средства къ завлеченію и удержанію ослушниковъ. Монастыри обезлюдѣли. Чтобы избѣгнуть закрытія опустѣвшихъ монастырей, соединяютъ разныя провинціи и даже разные ордена монаховъ подъ однимъ управленіемъ. Бенедиктины соединены съ цистерціанами, 1803. Къ нимъ присоединяются и камальдулины, 1811. Распри, возникающія вслѣдствіе такой амальгамы. Самые многочисленные ордена были раздѣлены на двѣ провинціи: литовскую и бѣлорусскую. Соединеніе изъ двухъ въ одну провинцію бернардиновъ и босыхъ кармелитовъ, 1816. Францисканы составляютъ уже только одну провинцію, 1819; также и кармелиты,—1820. Невѣжество монаховъ. Безплодныя усилія князя Чарторыйскаго и Чацкаго ввести между ними образованность и сдѣлать ихъ полезными для обученія народа. Ордены обучающихъ женщинъ. *Школы монастырскія имѣютъ одну преобладающую цѣль распространять фанатизмъ.* Братья и сестры милосердія и рохиты. Гостинницы въ монастыряхъ подчинены надзору правительства.

13-я Глава: *Общій взглядъ на положеніе латинскаго духовенства въ Россіи въ царствованіе императора Александра. Пропаганда и ея средства. Порядокъ установленный для сношеній духовенства съ папою.*

Общій выводъ изъ предыдущихъ главъ. Пропаганда и ея средства. Постройки церквей и каплицъ сверхъ всякой надобности. Лживыя внушенія. Лживыя чудеса. Воспитаніе. Смѣшанные браки, индульгенціи. Процессіи. Юбилей. Огромныя матеріальныя средства духовенства. Жалкое положеніе церковныхъ имѣній. Церковные капиталы. Образованіе вспомогательнаго капитала для духовенства 1822. Порядокъ, установленный для сношеній духовенства, съ папою. Законы къ этому относящіеся часто нарушаются духовенствомъ. Буллы и грамоты папскія были принимаемы у насъ тогда только, когда онѣ не заключали ничего противнаго законамъ имперіи. Попытки папъ измѣнить формулу присяги епископовъ, установленную Екатериною 2-й,

таксa за буллы епископскія. Предметъ сношеній съ папами въ дѣлахъ духовныхъ. Процессъ каноническій. Правительство наблюдаетъ, чтобы догматы латинской церкви были строго соблюдаемы латинскимъ духовенствомъ. Линдль, 1822. Госснеръ, 1822.

14-я Глава: *Церкви армянская и греческая принимаютъ унію съ церковію латинской, въ царствованіе императора Александра.*

Мѣры, указанныя императрицею Екатериною, касательно *армяно-уніатской церкви* не были приведены въ исполненіе. Учрежденіе епископства армяно-уніатскаго. Кристофовичъ нареченъ епископомъ. 1810—1816. Виды папъ при учрежденіи особаго управленія для армяно-уніатъ. Совершенная ненадобность имѣть такую епархію. Каноникъ Вартериссовичъ управляетъ епархіею. 1816—1822. Папа проситъ объ учрежденіи еще одного армяно-уніатскаго архіепископства въ Грузіи, 1814. Пропаганда латинская между армянъ. Антоній Пурадянъ. Князь Ціановъ ходатайствуетъ о подчиненіи кавказскихъ миссіонеровъ латинскому епископу, 1803. Генералъ Ермоловъ возобновляетъ это ходатайство, 1823. Епископство армяно-уніатское пало само собою. Каноникъ Мосхорр.

Церковь грекоуніатская. Подчиненіе этой церкви іерархіи латинской. Совращеніе греко-уніятовъ въ латинство. *Грекоуніаты умоляютъ правительство оградить ихъ отъ гоненій латинянъ*, 1803. Грекоуніатскій архіепископъ Лиссовскій защищаетъ ихъ. Делегаты грекоуніатскаго духовенства допущены къ засѣданію въ римско-католической духовной коллегіи, 1804. Управленіе грекоуніатскимъ духовенствомъ передано въ особый департаментъ духовной коллегіи, 1803. Архіепископъ Лиссовскій председателемъ грекоуніатскаго департамента. Онъ возведенъ въ санъ митрополита. 1806—1809. Митрополитъ Лиссовскій старается возвратить грекоуніатскую церковь въ ея первобытное состояніе. Новое разграниченіе епархій грекоуніатскихъ. Учрежденіе новой митрополитской епархіи, 1809. Епископъ Кохановичъ возведенъ въ санъ митрополита 1810 до 1814. Онъ слѣдуетъ системѣ своего предмѣстника. Борьба съ базиліанами. Состояніе ордена базиліановъ. Антагонизмъ между базиліанами и бѣлымъ греко-уніятскимъ духовенствомъ. Запрещеніе римско-католическому духовенству совращать греко-уніятовъ въ латинство, 1807—1810. Базиліанамъ воспрещено принимать въ свой орденъ римскихъ католиковъ, 1810. По смерти

Кохановича каѳедра митрополита остается вакантною въ теченіи трехъ лѣтъ, 1814—1817. Епископъ Булгакъ возведенъ въ митрополиты, 1817. Онъ покровительствуетъ базиліанамъ. Бѣлое грекоуніатское духовенство вынуждено принести жалобу на преслѣдованія базиліанъ. Базиліане успѣваютъ достигнуть отрѣшенія архіепископа Красовскаго, который поддерживалъ бѣлое мелкое духовенство. Его процессъ, 1821—1823. Управленіе исповѣданіями получаетъ наконецъ убѣжденіе въ вредномъ и опасномъ направленіи базиліанъ, 1822. Паденіе ордена базиліанъ. Сравнительный очеркъ положенія грекоуніатъ въ Австріи и въ Россіи. Бѣдность низшаго духовенства. Семинаріи. Стѣсненное положеніе грекоуніатскихъ епископовъ. Унія едва держится.

15-я Глава: *Сношенія русскаго кабинета съ папами при императорѣ Александрѣ.*

Собственно-ручное письмо папы Пія 7-го, въ 1801-мъ году. Установленіе русскаго легатства въ Римѣ. Графъ Кассини назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, 1802. Инструкціи, ему данныя. Аббатъ Бенвенутти, повѣренный въ дѣлахъ отъ римскаго двора въ С. Петербургѣ. Папа не перестаетъ настаивать на учрежденіи въ Петербургѣ нунціатуры. Посольство монсиньора Ареццо, 1803—1804. Проэктъ миссіи въ Римъ графа Бутурлина, 1803. Инструкціи ему. Негодованіе императора на римскій дворъ за экстрадицію кавалера Вэрнэгъ. Прерваніе сношеній съ папою, 1804. Папа дѣлаетъ нѣсколько попытокъ возобновить ихъ. Вовстановлены эти сношенія въ 1814-мъ году. Услуги, оказанныя папѣ императоромъ Александромъ, 1815. Баронъ де Тюиль, посланникъ русскій въ Римѣ, 1815—1817. Снова подымаютъ мысль соединенія церквей восточной съ западною, 1815. Отвѣтъ императора на это предложеніе. Болѣе обширныя мысли императора о единствѣ христіанской церкви. Священный союзъ есть выраженіе этой мысли. Вся Европа принимаетъ священный союзъ, а одинъ папа протестуетъ противъ него. Императоръ Александръ даетъ папѣ удивительное объясненіе о духѣ въ высшей степени христіанскомъ этого союза и о его настоящемъ значеніи. Упорство папства учредить въ Петербургѣ нунціатуру. Инструкціи Италинскому, при назначеніи его русскимъ посломъ въ Римъ, 1817. Система папства по возвращеніи папы въ Римъ. Роль кардинала Консальви. Въ дѣлахъ духовныхъ его превозмогла партія фанатиковъ; и пап-

ское сѣдалище поддержано въ своихъ фанатическихъ стремленіяхъ успѣхомъ разныхъ конвенцій, заключенныхъ имъ съ многими державами. Конкордатъ съ Баваріей, 1817. Конкордатъ съ Франціей, 1817. Конкордатъ съ королемъ Сицилій, 1818. Конвенція съ Пруссіей, 1821. Смерть папы Пія 7-го 1823. Кардиналъ Дэлльа Джэнга избранъ папою подъ именемъ Льва 12. Партія *dei zelanti* — (ревнителей — или фанатиковъ) овладѣваетъ управленіемъ дѣлъ.

Заключеніе.

(*Продолженіе впредь*)

ВЫМЫШЛЕННОЕ КСЕНДЗОМЪ СТУЛЬЧИНСКИМЪ ЧУДО.

Ксендзъ Окштанскаго прихода, новоалександровскаго уѣзда ковенской губерніи Яцѣвичь, съ коварною мыслію подѣйствовать на взволнованные уже умы крестьянъ, распустилъ въ Апрѣлѣ 1863 года слухъ, что будто-бы пастушка Іосафата Дылева, пася скотъ за деревнею, видѣла чудо: „неожиданно опустилась предъ глазами ея изъ воздуха колесница, запряженная четырьмя лошадьми и четыре святыхъ мужа, которые сказали пастушкѣ, сперва по польски: да будетъ восхваленъ Іисусъ Христосъ“! а потомъ отозвались по литовски, что-дѣлаете? молитесь ли, или ожидаете поляковъ? Польша будетъ непремѣнно, а чего поляки сами недокажутъ, Богъ громами окончитъ; дай вѣдать о томъ святой Польшѣ! Далѣе пастушка Іосафата расказывала, что изъ четырехъ спустившихся съ неба святыхъ, одинъ былъ ангелъ, а другой кардиналъ; объ остальныхъ же кто они были,—ангелъ ей не объявлялъ; потомъ,—ангелъ, будто ей еще добавилъ: поблагодари ксендза викарія и Яцевича, что они во время пасхи, вывѣсили на гробъ Спасителя — ангела; войны въ вашихъ странахъ не будетъ; мать Божія окажетъ чудеса въ царствѣ польскомъ; и она благословитъ возстаніе. Затѣмъ святые сѣли въ колесницу, и вознеслись на небеса.“ Крестьяне, отъ такого чуднаго явленія, придя въ умиленіе, въ память его на указанномъ пастушкою мѣстѣ, поставили четыре креста, каковые ксендзъ Яцевицъ, 20 мая 1863 года, освятилъ.

Этимъ нелѣпымъ вымысломъ, ксендзы Стульчинскій, Оникш-

тынскій настоятель и Яцевичъ воспользовались, чтобъ фанатизировать народъ къ возстанію.

Впослѣдствіи открылось, что ксендзъ Стульчинскій 19 Апрѣля 1863, когда въ Онискты пришла шайка ксендза Мацкевича — читалъ въ костелѣ съ амвона возмутительный, революціонный манифестъ. Послѣ чего Стульчинскій, вмѣстѣ съ Мацкевичемъ, отправились въ лѣсъ, гдѣ Стульчинскій былъ представленъ главному начальнику шайки Сѣраковскому и получилъ отъ сего послѣдняго надлежащее наставленіе и внушеніе. Сѣраковскій, отпустивъ его домой, сказалъ, чтобы онъ исполнялъ всѣ требованія мятежниковъ, а въ противномъ случаѣ будетъ преданъ ихъ суду. Разумѣется, ксендзъ Стульчинскій и Ясевичь въ показаніяхъ своихъ (какъ и всѣ они вообще) объявили, что одинъ читалъ манифестъ, а другой святилъ кресты, поставленные на мѣстѣ совершившагося чуда — по принужденію.

Крестьянка Іосафата при слѣдствіи созналась и показала, что пося скотъ при дорогѣ, проѣзжающіе въ коляскѣ господа, приблизясь къ ней, уговорили ее разсказывать крестьянамъ на жмудскомъ языкѣ эту вымышленную исторію, обѣщая ей покровительство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшая, если она откроетъ тайну. Что выдумка эта была дѣломъ ксендза Яцевича — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что самъ Яцевичь сознался въ формированіи общества братства шкаплера, а крестьянка Іосафата въ это общество ксендзомъ Яцевичемъ была записана и у него постоянно исповѣдывалась.

Мятежникъ Кульчицкій.

Въ началѣ марта 1863 года въ Гроднѣ случилось слѣдующее происшествіе: на гродненской станціи желѣзной дороги, начальникъ той станціи *Кульчицкій* составилъ изъ городскихъ жителей шайку мятежниковъ, и тайно хотѣлъ ихъ увезти изъ города по желѣзной дорогѣ, съ цѣлію присоединиться къ другимъ мятежническимъ партіямъ. Осуществленію сего заговора воспрепятствовало войско, находившееся на станціи, и только самъ начальникъ станціи Кульчицкій, съ шестью лицами, успѣлъ ускакать на локомотивѣ; остальные же, пользуясь темнотою ночи,

разбѣжались въ разныя стороны, и лишь нѣкоторые взяты на самомъ мѣстѣ происшествія. Многіе же были арестованы впослѣдствіи, на основаніи показаній пойманныхъ мятежниковъ, и по различнымъ подозрѣніямъ, и большая изъ нихъ часть арестована, вслѣдствіе чистосердечныхъ показаній шести молодыхъ людей, воспитанниковъ гродненской гимназіи, о которыхъ директоръ гимназіи далъ отзывъ, что всѣ они были лучшими учениками и всегда отличались прекрасною нравственностію.

Побѣгъ изъ города, подговоренныхъ Кульчицкимъ въ мятежъ лицъ, болѣе юношей, онъ устроилъ слѣдующимъ образомъ: съ 8 часовъ пополудни 2 марта, при совершенной темнотѣ, начали тайно собираться, въ находящійся близь станціи, деревянный сарай, гдѣ прежде ставились вагоны, подготовленные Кульчицкимъ къ бѣгству мятежники, люди разнаго званія. Тамъ роздано было имъ оружіе, состоящее изъ ружей, пистолетовъ, кинжаловъ, топоровъ и косъ. Затѣмъ всѣ они приблизились къ товарнымъ крытымъ вагонамъ и платформамъ, и заняли на оныхъ мѣста. Измѣннику Кульчицкому, какъ начальнику гродненской станціи желѣзной дороги, устроить этотъ побѣгъ, было весьма легко.

Когда ротный командиръ калужскаго пѣхотнаго полка, штабсъ-капитанъ Макаровъ, отдавалъ приказаніе о выводѣ наружныхъ часовыхъ,—то Кульчицкій, желая приказаніе Макарова отклонить до времени, сказалъ Макарову: „еще рано, часовыхъ можно вывести предъ прыбытіемъ экстреннаго поѣзда съ софійскимъ баталіономъ, о чемъ дано будетъ знать съ послѣдней предъ Гродно станціи.“ После чего Кульчицкій вышелъ къ вагонамъ съ другими участниками, когда дежурная машина была въ готовности. Первый поданный съ нея свистокъ, заставилъ машиниста *Винтера* выйти изъ станціи, чтобы посмотрѣть, кто распоряжается ввѣреннымъ ему локомотивомъ? Въ то самое время, какъ Винтеръ подошелъ къ локомотиву, его окружили три мятежника, изъ коихъ два по обѣимъ сторонамъ съ кинжалами, а третій приставилъ пистолетъ къ его лбу, подъ угрозою смерти требовали, чтобъ онъ сѣлъ на машину и везъ ихъ туда, куда будетъ приказано. Не смѣя сопротивляться машинистъ Винтеръ исполнилъ ихъ требованіе, но съ ловкимъ обманомъ: прежде отъѣзда крикнулъ своему помощнику *Якимовичу:* „вагонъ“! Послѣдній, какъ оказалось, понялъ значеніе сего сигнала и пользуясь темнотою, отцѣпилъ локомотивъ отъ вагоновъ. Какъ

только это было сдѣлано, Винтеръ, давъ ходъ одному локомотиву, самъ соскочилъ съ него. Между тѣмъ, предъ самымъ движеніемъ машины, качагаръ, подошедшій къ вагонамъ, замѣтивъ, что въ нихъ сидѣли какіе то люди, а другіе стоя около, готовились садиться въ вагоны, далъ знать о томъ ротному командиру. Послѣдній выбѣжалъ съ патрулемъ къ вагономъ, оставшимся на мѣстѣ, по отцѣпленіи ихъ отъ локомотива, уѣхавшаго съ шестью мятежниками, стращавшими Бинтера убіеніемъ, въ томъ числѣ и Кульчицкимъ—и на троекратный окликъ ротнаго командира: „кто тутъ? что за люди?“ вмѣсто отвѣта просвистали мимо его двѣ пули, и онъ получилъ ударъ большимъ желѣзнымъ винтомъ въ лѣвое плечо. За тѣмъ шайка, сдѣлавъ залпъ изъ ружей бросилась бѣжать, а нижніе чины, отвѣтивъ выстрѣлали, ранили штуцерною пулею въ плечо на вылетъ канцелярскаго чиновника дворянской опеки—мятежника *Толочко,* и успѣли задержать еще: чиновника дворянскаго депутатскаго собранія *Самулинскаго,* дворянина *Гамулицкаго,* и солдатскаго сына *Жуковскаго.* Темнота ночи лишила возможности преслѣдовать бѣжавшихъ, такъ точно какъ и имъ возвратиться въ свои квартиры.—Вокругъ города тотчасъ была поставлена цѣпь, и съ разсвѣтомъ мятежники, скрывавшіеся въ садахъ и рвахъ близь желѣзной дороги были арестованы, а упомянутые выше гимназисты были взяты еще спавшими. Всѣхъ арестованныхъ въ это время жителей г. Гродно было 60 человѣкъ; изъ нихъ 16 человѣкъ — учениковъ гимназіи, телеграфистъ и сторожъ желѣзной дороги, 4-го крестьянина, а прочіе все чиновники, всѣвозможныхъ присутственныхъ мѣстъ г. Гродно.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ЦЕРКОВЬ СУРИНСКАЯ ИЛИ КАКЪ ХОРОШІЙ СОНЪ ПРИВОДИТЪ КЪ ХОРОШИМЪ ДѢЛАМЪ.

Хотите ли знать, читатель, какъ въ западной Россіи строятся иногда церкви? Если у васъ есть охота и расположеніе читать, такъ я поясню, какъ это у насъ иногда совершается. Прошу только у васъ благосклоннаго вниманія къ моему разсказу.

Въ 1854 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слонимскаго уѣзда былъ большой падежъ рогатаго скота. Скотина одна за другою валилась, и хлѣва крестьянъ одинъ за другимъ опустошались. Такъ было тогда и у крестьянъ казенной деревни Суринки, въ 14 верстахъ отъ г. Слонима.

Чтобы предохранить деревню отъ заразы одинъ крестьянинъ, именно Іоасафъ Янушевичь, сдѣлалъ какъ то разъ предложеніе крестьянамъ своимъ суринскимъ поставить въ концѣ деревни часовню и въ оной водрузить крестъ Господень.

Онъ говорилъ имъ, что если мы это сдѣлаемъ, то Господь умилосердится и оградитъ деревню отъ дальнѣйшаго падежа скота. Тогда поговорили, потолковали межъ собой объ этомъ крестьяне, и наконецъ на томъ порѣшили, чтобы за деревнею поставить предположенный Іоасафомъ Янушевичемъ крестъ и соорудить часовню. Осталось затѣмъ — только пріискать мастера къ этой работѣ.

Но кому бы за это взяться? Гдѣ пріискать мастера?

Думая долго надъ этимъ, крестьяне наконецъ рѣшили, что тотъ самый Іоасафъ Янушевичь, который предложилъ міру это дѣло, самъ наилучше можетъ его и исполнить.

И такъ, въ одно прекрасное утро, приходятъ къ нему въ гумно, гдѣ онъ молотилъ тогда хлѣбъ, отъ всей деревни выборные и предлагаютъ взяться за сію работу, обѣщая заплатить за нее сколько онъ потребуетъ. Но Іоасафъ Янушевичь, обѣщавъ пожертвовать на это богоугодное дѣло денегъ больше другихъ, самъ отъ работы оной отказался, подъ предлогомъ, что онъ не въ состояніи будетъ выполнить ее, какъ слѣдуетъ.

Выборные, ничего на этотъ разъ съ нимъ не сдѣлавъ, возвратились и объявили міру объ его отказѣ. Между тѣмъ послѣ сего, вотъ что происходитъ. Въ первую ночь, по истеченіи сего дня, Іоасафу Янушевичу представляется такой сонъ. Онъ видитъ во снѣ, будто пришелъ къ нему въ домъ какой то старичекъ съ тростью въ рукѣ, и поднявъ ее вверхъ, такъ началъ грозить ему: зачѣмъ ты, Іоасафъ, отказался отъ постановленія для меня креста и часовни? Хорошо ли ты дѣлаешь? Іоасафъ ему отвѣчаетъ: я отказался потому собственно, что не могу этого дѣла исполнить.— Какъ не въ состояніи? сказалъ ему старецъ, явившійся въ самомъ видѣніи, развѣ у тебя нѣтъ топо-

ра, долота и пилки?—Есть, отвѣчаетъ ему крестьянинъ.—Ну, такъ, если все это имѣешь, смотри же, не отказывайся больше отъ сей работы. Вчера къ тебѣ приходило шесть человѣкъ, а завтра будетъ ихъ восемь; они опять предложатъ тебѣ туже работу. Сказавъ это, старецъ отъ него обернулся и сталъ выходить за двери.

Въ это время, разсказываетъ Янушевичь, я схватился съ постели и побѣжалъ за старцемъ, желая задержать его; но одежда его—мнѣ показалось,—за которую я хватилъ, изъ рукъ моихъ ускользнула и старецъ изъ виду скрылся.

Мать моя, говорилъ мнѣ Янушевичь, услышавъ, что я всталъ съ койки и побѣжалъ къ дверямъ, остановила меня, спрашивая, что со мною сдѣлалось и чего я ухожу изъ дома? Когда я разсказалъ ей все, что во снѣ только что видѣлъ, мать тогда сказала: „Это приходилъ къ тебѣ самъ Спаситель. Если еще разъ будетъ тебѣ предложена міромъ эта работа, то ты не долженъ отъ нея болѣе отказываться.“

На другой день послѣ этой ночи, увѣряетъ Янушевичь, что къ нему опять пришли выборные, и не шесть, какъ прежде, а восемь, не съ просьбой уже, а съ понужденіемъ взяться за устройство часовни. Тогда Янушевичь, заплакавъ отъ умиленія и разсказавъ имъ сонъ свой, не требуя отъ нихъ никакой платы за работу, охотно согласился ее исполнить.

Когда часовня была кончена и освящена, крестьяне увѣряютъ, что падежъ скота съ этого времени совершенно прекратился.

Часовня эта, такимъ образомъ здѣсь выстроенная, стояла за деревней лѣтъ до десяти.

Но теперь на мѣстѣ часовни стоитъ уже церковь, которая явилась здѣсь слѣдующимъ образомъ.

Спустя лѣтъ девять слишкомъ, тотъ же Іоасафъ Янушевичь имѣлъ такое сонное видѣніе. Ему показалось, будто онъ вышелъ къ часовнѣ помолиться [1]), какъ это и часто во время досуга онъ дѣлалъ. Во время этой молитвы, устремя взоры на крестъ, онъ замѣтилъ, что нѣтъ на немъ Распятія. Это страшно его

---

1) Надобно здѣсь замѣтить, что Іоасафъ Янушевичь отличается одинъ между всѣми крестьянами своей деревни строгостію христіанской жизни и весьма религіозенъ; у крестьянъ онъ пользуется высокимъ уваженіемъ. Всякое слово его для нихъ свято.

изумило! Но вдругъ онъ смотритъ вниз, и взоромъ его представляется Спаситель въ образѣ обыкновеннаго человѣка. Отъ этого еще болѣе изумился. Тогда подходитъ ко мнѣ, говоритъ Янущевичъ, Спаситель и, взявъ меня за правое плечо, сіи слова произнесъ ко мнѣ: Іоасафъ, Іоасафъ, знаешь ли ты, какъ мнѣ въ часовнѣ этой тѣсно! За тѣмъ я сейчасъ проснулся.

Послѣ сего втораго сновидѣнія Іоасафъ въ умѣ своемъ положилъ, что на этомъ мѣстѣ, гдѣ стояла часовня, непремѣнно должна быть выстроена церковь, ибо того требуетъ, какъ онъ говорилъ, самъ Спаситель!

Чрезъ нѣкоторое время Янушевичь все обдумывалъ, какъ бы приступить къ этой постройкѣ. Ему одному сдѣлать это было не по силамъ; надобно было, слѣдовательно, ему открыть намѣреніе свое предъ всѣми домохозяевами деревни своей и пригласить на постройку церкви къ посильнымъ пожертвованіямъ.

Случай этотъ скоро ему представился.

Въ одинъ воскресный день, когда вышла вся деревня къ часовнѣ помолиться, Іоасафъ Янушевичь, ставъ тогда между ними, такъ началъ рѣчь свою: «Знаете ли вы, братцы мои, о чемъ я хочу говорить къ вамъ. «Не знаемъ», отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ. «Разскажи намъ, что хочешь сказать.» Тогда Янушевичь громко и ясно разсказалъ какое онъ имѣлъ сонное видѣніе и повелъ далѣе рѣчь о необходимости скораго приступленія къ сооруженію церкви. На все это крестьяне до одного охотно согласились и обѣщались ему помогать въ сооруженіи церкви и деньгами и работой. Работа церкви скоро закипѣла.

Хотя крестьянамъ дорого стоили, какъ лѣсъ, такъ и прочіе матеріалы, однакожъ, не смотря на это, такая пробудилась охота и усердіе къ сему святому дѣлу, что неболѣе какъ въ два мѣсяца отъ начала постройки, явилась у нихъ на каменномъ фундаментѣ хотя маленькая, но прочная и очень приличная церковь.

Теперь они имѣютъ гдѣ молиться, и это составляетъ для нихъ единственное утѣшеніе. Іоасафъ Янушевичь избранъ крестьянами своей деревни въ старосты для сей церкви. Онъ постоянно заботится о благолѣпіи ея и смотритъ за чистотою. По предложенію сего Янушевича весною прошлою сдѣлана крестьянами хорошенькая, хотя и простенькая, ограда, вокругъ которой насажены деревца, поставлена колокольня, на коей теперь виситъ три небольшихъ колокола, тѣми же крестьянами купленные. Вся постройка этой церкви крестьянамъ обошлась почти

до двухъ тысячъ рублей серебр.; крестьянъ же всѣхъ въ этой деревнѣ меньше сорока дворовъ.

Надобно сказать еще, что церковь эта строилась въ самомъ разгарѣ мятежа: но ни страхъ, наводимый повстанцами, ни что другое, не могло пріостановить ихъ ревности. Шайки около нихъ бродили, а церковь своимъ порядкомъ строилась!

Въ настоящее время Іоасафъ Янушевичь еще задумываетъ о расширеніи своей церкви, по той причинѣ, что молящихся всегда бываетъ очень много, а ихъ церковь и половины богомольцевъ не вмѣщаетъ. Я слышалъ, что суриняне уже второе прошеніе послали въ палату, прося объ отпускѣ безмездномъ лѣса, но на оба прошенія изъ палаты нѣтъ никакого отвѣта. Жаль, очень жаль, если палата имъ въ этомъ откажетъ. Кстати здѣсь заявить также, что церковь Суринская въ настоящее время нуждается въ утвари, ризахъ и болѣе приличныхъ въ иконостасѣ образахъ. Крестьяне очень хорошо знаютъ объ этихъ нуждахъ, но болѣе ничего не въ состояніи сами сдѣлать, кромѣ увеличенія самой церкви, если безмездно будетъ имъ отпущенъ лѣсъ.

Далъ бы Богъ, чтобы нашлись добрые люди, желающіе хоть сколько нибудь помочь имъ. Вездѣ много теперь посылается разной утвари и всего; хорошо бы было, чтобы хоть что либо досталось изъ этихъ жертвъ церкви суринской, которая почти необыкновеннымъ образомъ, какъ самъ читатель видитъ изъ сего разсказа, въ этой деревнѣ явилась.

Церковв эта находится въ приходѣ Слонимскомъ. Пожертвованія можно посылать на имя свящ. слонимскаго собора Климента Смольскаго. *К. С.*

8 февраля 1855 года.

О пріютахъ Домбровской.

Въ г. Вильнѣ, за Зеленымъ мостомъ, на правомъ берегу Виліи, на городскомъ предмѣстьи Снипишкахъ, помѣщица трокскаго уѣзда, вдова Домбровская, нынѣ умершая, устроила въ 1857 году, безъ вѣдома правительства, въ собственномъ домѣ, пріютъ для бѣдныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, исключительно римско-католическаго вѣроисповѣданія; по дошедшимъ о томъ слухамъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Ланской, имѣя въ виду, что каждое подобное заведеніе должно имѣть свой

уставъ, утвержденный правительствомъ, просилъ бывшаго генералъ-губернатора о собраніи свѣдѣній о вышесказанномъ заведеніи и о доставленіи на утвержденіе надлежащаго устава. Вслѣдствіе сего, 12 января 1862 года, представленный уставъ удостоился Высочайшаго утвержденія.

Такъ какъ, во время бывшихъ 1861 и 1862 годовъ политическихъ демонстрацій, учрежденіе это сочувствовало бывшимъ безпорядкамъ, а потому г. главный начальникъ края, обративъ вниманіе на это заведеніе, которое, недавая никому отчета, вопреки устава, располагало весьма значительными денежными средствами, приказалъ въ 1863 году обревизовать его и, въ случаѣ обнаруженія злоупотребленій и политической неблагонадежности онаго, произвести изслѣдованіе.

Вслѣдствіе сего распоряженія, по произведенной ревизіи и изслѣдованію, было обнаружено: вдова Домбровская, не имѣя рѣшительно никакого собственнаго состоянія, основала общину въ Вильнѣ и выстроила дома для неимущихъ римско-католиковъ, которые содержались изъ доброхотныхъ пожертвованій, собираемыхъ высылаемыми изъ этой общины сестрами въ разныя мѣста западнаго края и чрезъ раздачу въ каждое зажиточное семейство западныхъ губерній особыхъ кружекъ, съ обязательствомъ хозяевъ этихъ семействъ собирать для общины пожертвованія; подобнаго рода кружекъ раздавалось изъ заведенія Домбровской ежегодно многія тысячи. Полныя кружки съ собранными деньгами возвращались учредительницѣ, а въ замѣнъ оныхъ выдавались новыя кружки, для сбора новыхъ пожертвованій.

Отчетности въ означенныхъ сборахъ, вопреки Высочайше утвержденнаго устава, не было представлено и вообще по денежной и хозяйственной части убѣжища начальница онаго отозвалась совершеннымъ незнаніемъ, за смертію Домбровской, которая при жизни своей, на сдѣланный ей официіальный вопросъ отвѣчала: что не почитаетъ себя обязанною давать кому нибудь отчетъ.

Послѣ этого становится неудивительнымъ, что небогатая женщина, неизвѣстно какими средствами, не только учреждаетъ благотворительное заведеніе въ Вильнѣ, но и въ Ковнѣ, Шавляхъ, Россіенахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ витебской, минской, гродненской и даже въ августовской губерніи въ царствѣ польскомъ, строитъ огромные каменные дома и распоря-

жается, безъ всякаго контроля, значительными суммами. Для большаго возбужденія къ подобнаго рода пожертвованіямъ, г. Домбровская успѣла распространить въ народѣ вѣрованіе въ чудотворную силу, находящагося возлѣ дома виленской общины, на столбѣ, каменнаго изображенія Спасителя, устроивъ возлѣ дома особую кружку для сбора подаяній. Куда дѣвались эти огромныя суммы пожертвованій—сказать трудно; можно только положительно утвердить, что не на благотворительную цѣль, такъ какъ призрѣваемые въ заведеніи Домбровской нищіе не получали достаточнаго пропитанія и многіе изъ нихъ уходили изъ заведенія.

Затѣмъ произведеннымъ слѣдствіемъ было обнаружено, что виленская община участвовала во всѣхъ демонстраціяхъ и содѣйствовала бывшимъ въ здѣшнемъ краѣ въ 1861 и 1862 годахъ политическимъ безпорядкамъ. Ежедневно, подъ вечеръ, толпы городскихъ жителей собирались возлѣ дома этой общины, у находящагося тамъ столба съ изображеніемъ Спасителя и пѣли революціонные гимны, въ чемъ принимали самое дѣятельное участіе сестры сказаннаго общества. Во время всѣхъ демонстрацій, часто происходили буйства, гдѣ полицейскіе чиновники подвергались не только насмѣшкамъ, но даже поруганіямъ и оскорбленію; такъ, напримѣръ, однажды собравшіеся для пѣнія революціонныхъ гимновъ, въ началѣ августа 1861 года, коноводы мятежа, замѣтивъ въ толпѣ своей полицейскаго офицера, схватили его и потащили на Зеленый мостъ, съ намѣреніемъ сбросить въ рѣку; одна только подоспѣвшая военная команда остановила мятежниковъ отъ исполненія ихъ намѣренія. Вообще эта община, пользуясь замкнутостію и недоступностію для полицейскаго надзора своихъ учрежденій, распространяла всѣми мѣрами въ народѣ латино-польскую пропаганду.

Назначенная главнымъ начальникомъ края коммисія, между прочимъ, обнаружила, что вопреки Высочайше утвержденнаго устава, учредительница заведенія, Домбровская, дозволила себѣ сдѣлать отступленія отъ онаго и образовала особую общину изъ женщинъ, подъ наименованіемъ сестеръ, число которыхъ въ послѣднее время простиралось до 35. Можно предположить, сколько зла принесли эти сестры во имя благотворительности, если принять въ соображеніе то дѣятельное участіе, которое принимали здѣшнія женщины въ бывшемъ мятежѣ. Означенныя сестры, вопреки устава, имѣли свои составленныя для нихъ пра-

вила, по которымъ носили особую одежду и въ отношеніи къ старшей и римско-католическому епархіальному начальству сохраняли условія какого-то особаго монашескаго ордена.

Въ ковенскомъ благотворительномъ заведеніи Домбровской, которое было устроено на однихъ началахъ, также привлекаемы были дѣти для воспитанія, допускались неумѣстныя сборища агитаторовъ, и сестры участвовали во всѣхъ революціонныхъ манифестаціяхъ.

Г. главный начальникъ края, принявъ во вниманіе, что означенныя учрежденія, дѣйствуя въ противность Высочайше утвержденнаго устава и, подъ видомъ благотворительности, имѣютъ преимущественно политическую цѣль для распространенія мятежа, и, признавъ дальнѣйшее существованіе таковыхъ вреднымъ, еще въ 1861 году сдѣлалъ распоряженіе о закрытіи оныхъ. Причемъ призрѣніе 67 человѣкъ виленскаго заведенія передано въ распоряженіе человѣколюбиваго общества, для разбора же долговъ убѣжища назначена особая ликвидаціонная коммисія; оставшійся послѣ упраздненія убѣжища въ Ковнѣ каменный домъ переданъ въ распоряженіе тамошняго приказа общественнаго призрѣнія. Затѣмъ сестры виленской и ковенской общины разосланы въ прежнія мѣста ихъ жительства, съ воспрещеніемъ носить монашескій костюмъ. Находившіяся въ ковенскомъ заведеніи калѣки, призрѣваются нынѣ на счетъ особыхъ источниковъ. Такимъ образомъ разрушено одно изъ дѣятельныхъ средствъ польско-революціонной пропаганды.

Объ освященіи Голомысльской церкви.

Дисна. 7-го февраля освящена приписная церковь въ деревнѣ Голомысль, дисненскаго уѣзда, построенная изъ добровольныхъ пожертвованій крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ память ихъ освобожденія отъ оной, во имя св. Александра-Невскаго. Изображеніе святаго в. князя, довольно большаго размѣра, хорошей живописи, въ золоченой рамѣ, помѣщено на правой сторонѣ иконостаса отъ входа. Икона эта и вся утварь тоже пріобрѣтены на собственныя деньги крестьянъ, безъ всякой посторонней помощи; все это устроилось стараніемъ и усердіемъ приходскаго священника Хруцкаго. Освященіе этого храма съ полною торжественностію совершалъ Друйскій благо-

чинный Биржковичъ, въ сослуженіи двухъ священниковъ и двухъ діаконовъ и въ присутствіи еще двухъ священниковъ, изъ коихъ приходскій священникъ Чересной церкви произнесъ приличное случаю слово; послѣ освященія церкви отслужена литургія, за тѣмъ благодарственный молебенъ за здравіе и благоденствіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, какъ виновника настоящаго торжества и за весь Августѣйшій домъ, вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали два бракосочетанія, за тѣмъ священникъ Хруцкій пригласилъ къ себѣ духовенство и присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ военно-уѣзднаго начальника дисненскаго уѣзда и уѣзднаго исправника. Здѣсь во время скромной трапезы крестьянскія дѣти нѣсколько разъ пропѣли гимнъ нашъ: Боже, Царя храни! и много духовныхъ гимновъ. Причемъ были провозглашены тосты за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго дома, сопровождаемые радостными ура! — Потомъ за здравіе главнаго начальника сѣверо-западнаго края.

О новостроющейся Березницкой церкви слонимскаго уѣзда.

(*приписной къ Вороновицкой церкви*).

Это другая (*) въ нашемъ уголкѣ новая церковь. Стоитъ она при большой дорогѣ изъ м. Ружаны въ городъ Пружаны, въ урочищѣ, именуемомъ Ныръ. На этомъ мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ существовала маленькая деревянная церковь, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ представляла печальный видъ полуразвалинъ. Казенные крестьяне дер. Березницы, отъ которой и церковь эта именуется Березницкою, и другихъ окрестныхъ селеній Ружанскаго общества, питая особенное благоговѣніе къ сей мѣстности (**), издавна хотѣли построить здѣсь новую цер-

(*) Корреспондентъ намекаетъ здѣсь на свое описаніе Мижевицкой церкви, помѣщенной въ 1-мъ № епарх. вѣд. *Ред.*

(**) Существуетъ въ народѣ устное преданіе, что бывшая старая церковь построена была тутъ по слѣдующему случаю: въ одно утро маленькіе пастушки изъ дер. Березницы, пасшіе скотъ на здѣсь же находящемся лугу, — узрѣли женщину необыкновенной красоты, сидящую на великомъ камнѣ, которая встала, перешла чрезъ этотъ камень, оставивъ слѣдъ отъ своей ноги на камнѣ, и умывшися въ сосѣднемъ источникѣ, скрылася, неизвѣстно,

[illegible]

ковъ, на что, однакожъ, неимѣя средствъ, оставались въ нерѣшительности до сихъ поръ. Подвигнутые благочестивымъ примѣромъ крестьянъ дер. Миженичь, и пользуясь состояніемъ у нихъ на службѣ сельскаго писаря Филитовича, строителя Мижевицкой церкви, они наконецъ рѣшились, не смотря на свое ограниченное состояніе, приступить къ осуществленію своего намѣренія — построить новую церковь, изъявивъ при этомъ благое желаніе, чтобы церковь эта служила на память ихъ потомству объ *усмиреніи мятежа.* По составленному плану вышепомянутымъ Филитовичемъ, теперь церковь эта уже возведена, въ далеко большемъ противу прежней размѣрѣ, выше окошекъ, прочной работы изъ тесанныхъ по обѣимъ сторонамъ бревенъ. Его высокопревосходительство, главный начальникъ здѣшняго края, узнавъ объ этомъ ихъ благочестивомъ патріотическомъ предпріятіи, изволилъ ассигноватъ имъ въ помощъ 1,000 р. сер., изъ суммъ, ему ввѣренныхъ.

Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ особеннаго случая, бывшаго во время освященія фундамента для сей церкви—случая, который произвелъ великое впечатлѣніе на присутствующихъ. Послѣ совершенія литургіи въ приходской Ворониловицкой церкви тремя іереями, съ преднесомыми крестомъ, хоругвями и образомъ Божіей матери, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, совершили крестный ходъ къ мѣсту освященія. День былъ, какъ почти во все лѣто, очень пасмурный, даже дождикъ началъ было покрапывать; — въ самую минуту, когда всѣ колѣнопреклоненно возсылали Господу Богу моленіе объ освященіи мѣста на церковь, вдругъ просіяло солнце, лучей котораго народъ не видѣлъ уже болѣе мѣсяца. Невольно слеза радости и умиленія оросила лица присутствующихъ. Тутъ всѣ почувствовали явно особенное благоволеніе Божіе, какъ бы въ даръ ниспосланное за благое предначинаніе.

Свящ. *П. Рафаловичъ.*

1865 года января
10 дня. м. Ружана.

куда. Всѣ пришли къ заключенію, что видѣнная дѣтьми незнакомица была Царица небесная, стали собираться къ сему мѣсту, и многіе испытывали цѣлительную силу воды сего источника. Камень же этотъ лежитъ въ лѣвомъ придѣлѣ новостроющейся церкви съ видимымъ изображеніемъ стопы человѣческой. *Сочинитель.*

О постройкѣ церквей въ гродненской губерніи.

Въ 24 №. лит. епар. вѣд. (за 1864 годъ) пишутъ о слѣдующихъ распоряженіяхъ, касательно постройки церквей въ гродненской губерніи:

1) Г. главный начальникъ края разрѣшилъ постройку въ заштатномъ городѣ *Суражѣ* новой православной церкви, ассигновавъ при томъ, къ имѣющимся уже въ наличности 3-мъ тысячамъ рублей, еще три тысячи изъ штрафныхъ суммъ гродненской губерніи.

2) Равнымъ образомъ его высокопревосходительство, возвращая гродненскому губернатору актъ осмотра православныхъ церквей гродненскаго уѣзда, разрѣшилъ приступить по нимъ къ исполненію, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто возобновленія нижепоименованныхъ деревянныхъ церквей, какъ было предположено комитетомъ,—построить тамъ изъ булыжнаго камня церкви, по утвержденнымъ проэктамъ,—а именно: въ *Малой-Берестовицѣ*, *Цецеровкѣ* и *Копцевщизнѣ* на 300 человѣкъ, съ отпускомъ въ пособіе прихожанамъ по 4,000 руб. на каждую; въ с. *Голняхъ* на 150 человѣкъ, съ отпускомъ 2,500 руб.; въ м. *Езіорахъ* на 450 человѣкъ, съ отпускомъ 6,000 рублей; въ м. *Кринкахъ* на 200 человѣкъ, съ отпускомъ, въ пособіе къ пожертвованіямъ крестьянъ, 2,000 рублей. Исправленіе церкви въ м. *Скидлѣ* принялъ лично на себя князь Четвертинскій. При томъ его высокопревосходительство, раздѣляя мнѣніе комитета, какъ о необходимости исправленія церквей: 1) въ с. *Верцелишкахъ* на 800 руб. 2) въ с. *Жидомлѣ* за 600 руб., съ отпускомъ казеннаго лѣса безплатно; 3) въ с. *Комотовѣ* на 1,000 руб. 4) въ с. *Радзивоновицахъ* на 300 руб. 5) въ с. *Масалянахъ* за 1,000 руб. 6) въ с. *Голынкѣ*, 7) *Мостовлянахъ* и 8) въ *Лашѣ* по 600 руб. на каждую, и наконецъ 9) достройку каменной церкви въ с. *Великая-Берестовица* за 3,000 руб., такъ и относительно постройки новыхъ изъ булыжнаго камня церквей, въ селеніяхъ *Черліонѣ*, *Ятвескѣ* и *Олекшицахъ*, съ отпускомъ въ пособіе прихожанамъ по 5,000 руб. на каждую,—поручилъ распорядиться о производствѣ работъ въ 2 года, по возможности,—безъ подрядовъ, хозяйственнымъ образомъ, съ содѣйствіемъ церковныхъ совѣтовъ, подъ наблюденіемъ уѣзднаго комитета, съ отнесеніемъ нужныхъ на то *сорока тысячъ*

руб. изъ шрафныхъ суммъ, отпустивъ нынѣ же на первый годъ предположенныхъ работъ двадцать тысячъ руб. изъ вышесказаннаго источника.

3) Г. главный начальникъ края предложилъ сдѣлать распоряженіе объ исправленіи слѣдующихъ церквей! 1) *Сокольской кладбищенской* за 251 руб. 10 коп. и 2) въ г. *Новомъ Дворѣ* за 600 руб., а также о постройкѣ кладбищенской церкви въ заштатномъ городѣ *Васильковѣ* за 5,000 р., безъ подрядовъ, хозяйственнымъ образомъ, съ содѣйствіемъ церковныхъ совѣтовъ и подъ наблюденіемъ мѣстнаго уѣзднаго комитета, съ отнесеніемъ нужныхъ на то 5,851 руб. 10 коп. на штрафныя суммы.

4) Вслѣдствіе ходатайства военнаго начальника г. Бѣльска съ уѣздомъ полковника Борейши, и во вниманіе къ недостаточности стредствъ крестьянъ деревни Войшки, бѣльскаго уѣзда, построить часовню въ ихъ деревнѣ, г-нъ главный начальникъ края разрѣшилъ отпустить изъ штрафныхъ суммъ *пять сотъ рублей сер.* въ распоряженіе полковника Борейши, съ тѣмъ, чтобы часовня эта построена была каменная.

Свято-благовѣщенская единовѣрческая церковь въ Витебскѣ.

Почти въ равномъ разстояніи отъ Рынковой и Заручевской воскресенскихъ церквей, съ правой стороны замковой улицы, идущей отъ каѳедральнаго собора къ Западной Двинѣ и Заручевскому мосту, на малой площадкѣ, тѣснимой громаднымъ зданіемъ бывшаго фарнаго костела и дворомъ уботаго маріявитскаго монастыря, насупротивъ филіальнаго доминиканскаго костела, стоитъ, одиноко, обратясь главнымъ ходомъ, къ забору ветхаго костельнаго домика, древнѣйшій памятникъ православія витеблянъ *свято-Благовѣщенская единовѣрческая церковь.*

Толстыя, неимѣющія никакихъ архитектурныхъ украшеній, стѣны, узкія, высоко поднятыя отъ земли, окна и несоразмѣрно великій восьмигранный куполъ, при легкой, какъ бы случайно попавшей на переднюю часть крыши колокольнѣ, рѣзко выдѣляютъ этотъ храмъ не только изъ группы его окружающихъ, но даже изъ всей церковной семьи Витебска.

Преданіе гласитъ, что будто бы храмъ этотъ соорудила великая княгиня Ольга, супруга Игоря, во время путешествія

своего по областямъ княжества. Лѣтописи дѣйствительно упоминаютъ о путешествіи Ольги по рѣкѣ Мстѣ и о повелѣніи ея, въ видахъ удобнѣйшаго взысканія податей, раздѣлить жителей на погосты, т. е. приходы; но показаніемъ этимъ никакъ нельзя доказывать вѣрности народнаго преданія; а принимая во вниманіе, что во время Ольги, т. е. въ половинѣ X вѣка, еще христіянство не распространялось въ Витебскѣ, сооруженіе этого храма должно отнести къ гораздо позднѣйшему времени, именно, придерживаясь указанія Стрійковскаго, къ началу XIV столѣтія. По словамъ этого лѣтописца, Благовѣщенская церковь построена въ нижнемъ замкѣ, насупротивъ Пречистенской башни, литовскимъ княземъ Ольгердомъ, имѣвшимъ, какъ извѣстно, въ супружествѣ сперва витебскую княжну Марію Ярославовну, а потомъ Ульяну Александровну Тверскую, изъ коихъ послѣдняя отличалась особою приверженностію къ православію и любовію къ созиданію храмовъ Божіихъ, чему доказательства увидимъ ниже.

И такъ, приписывая сооруженіе Благовѣщенской церкви Ольгерду, находимъ, что она существуетъ уже болѣе 500 лѣтъ; и сколько, въ этотъ длинный періодъ времени, святой храмъ сей вытерпѣлъ гоненій, сколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то отъ первыхъ зиждителей его православныхъ къ уніятамъ, то отъ сихъ послѣднихъ къ католикамъ, и обратно, пока, наконецъ, въ 1859 году, не перешелъ къ возсоединившимся православію единовѣрцамъ. Трудно съ точностію опредѣлить годы этихъ перемѣнъ въ судьбѣ храма; но, кажется, безошибочно можно указать на 1619-й и 1831-й годы какъ на начало и конецъ принадлежанія храма уніятамъ и католикамъ. Мы указываемъ на 1619 годъ, какъ на время обращенія православной Благовѣщенской церкви въ уніятскую, на основаніи слѣдующихъ фактовъ: а) донесеній полотскаго вознаго Ивана Скирмунта, отъ 5-го марта 1623 года, объ уступкѣ владыкѣ (т. е. Іосафату Кунцевичу) пустыхъ, ограбленныхъ церквей, и б) реляціи того же вознаго и отъ того же мѣсяца, числа и года, о нападеніи непринявшихъ уніи на Благовѣщенскую церковь и о pobicie popuw i slug церковныхъ *).

До обращенія Благовѣщенской церкви въ уніятскую, храмъ

---

*) См. рѣшеніе коммисарскаго суда, по дѣлу объ убіеніи архіепископа Кунцевича. Витеб. Губ. Вѣдомости 1850 г. № 50-й.

этотъ пользовался особеннымъ уваженіемъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ подтвердительной грамоты короля Сигизмунда I-го, на права и вольности города Витебска, отъ 18 февраля 1509 года. „Такъ же Витебляномъ жити у Витебску доброволънѣ всякому по старому покуле хочетъ хто, а которому Витебленину одъ насъ будетъ насильно, а будетъ ему нелюбо, намъ его силою недержати, и но ему путь чисть куды хочетъ безъ всякое заченки, а пойти ему въ нашу отчизну въ литву нетайно. *Святому Благовѣщенію человъ ударивши* и Нашему воеводѣ обвестившися.“ *)

Между тѣмъ, смотря на гладкія стѣны храма, на вѣющій стариной русскаго православія иконостасъ, нельзя и подумать, чтобы въ судьбѣ его было столько рѣзкихъ переворотовъ, и только опытный глазъ археолога невольно остановится, то надъ обширными хорами, очевидно приспособленными къ поставкѣ на нихъ органа, то надъ громаднымъ деревяннымъ куполомъ, подавляющимъ тяжестію своей архитектуры массивныя стѣны церкви, то надъ уцѣлѣвшими подъ крышей остатками двухъ колокольныхъ башенъ, составляющихъ архитектурное отличіе костеловъ и уніятскихъ церквей отъ православныхъ.

Однако жъ, рука Провидѣнія, не взирая на ревностную заботливость поляковъ стереть съ этого храма всѣ малѣйшіе слѣды православія, сберегла для насъ, кромѣ многихъ письменныхъ свидѣтельствъ, о принадлежности Благовѣщенской церкви православнымъ русскимъ, еще и другіе замѣчательные памятники того же. Мы разумѣемъ подъ ними: большой колоколъ этой церкви, на которомъ, подъ литерами, обозначающими, какъ намъ сообщили, 1610 годъ, читаемъ слѣдующую подпись:

Сей звонъ церкви мурованой Витебской въ нижномъ замку стоячей.

Подъ надписью изображенъ образъ Благовѣщенія. Есть на колокольнѣ и другой колоколъ, нѣсколько меньшій, но повидимому, гораздо старѣйшій и, быть можетъ, повѣшенный за долго до убіенія Іосафата Кунцевича. На немъ, тоже виднѣется двустрочная надпись: но время, а быть можетъ, и святотатствен-

---

*) См. книгу привиллегій градской думы, хранящуюся нынѣ въ библіотекѣ статистическаго комитета.

ная рука ренегата иля фанатика-поляка, так избили литеры ея, что едва можно розобрать только нѣкоторыя буквы *).

Но самый замѣчательный памятник старины Благовѣщенскаго храма—это рукописное евангеліе 1508 года. Книга эта написана на листах сѣрой толстой бумаги, имѣющих на первом полу-листѣ водяное изображеніе черепахи. В настоящее время евангеліе переплстено в зеленый бархат, с золотым тѣсненным обрѣзом, и украшено, с лицевой стороны, мѣдными наугольниками и таким же осьмиконечным крестом; первые наложены одновременно с переплетом, в 1842 г., усердіем священника Лукашевича, а послѣдній в 1862 году. Как наугольники, так и крест покрыты голубой и зеленой емалью, на первых изображены символы евангелистов: ангел, орел, лев и телец—всѣ крылатые.

Внутри евангелія, внизу, под текстом, начиная с 3-й страницы, имѣется слѣдующая надпись: *Книга Евангеліе святаго Благовѣщенія в Витебску, лѣта от нароженія Сына Божія Исуса Христа тысяча пятьсот осьмаго, мѣсяца октября, 11 дня, на паметь святаго апостола Филиппа единаго от семи дьяконъ, надалъ есьма сію книгу завѣмою Евангеліе на престольное (тепрь) у соборную церковъ Благовѣщенія пречистое Богородицы, Еже есть у Богоспасаемомъ Градѣ Витебску нижнемъ, Богу кухвалѣ, а собе на память і родителямъ нашимъ понеже далъ есми вечно и непорушимо. А хто сію книгу отеметъ отъ церкви Благо-*

---

*) Удивительно, как могли сохраниться эти памятники старины, когда рѣшеніем коммисарскаго суда, от 22-го января 1824 г., по дѣлу об убіеніи жителями Витебска архіепископа Іосафата Кунцевича, между прочим, постановлено: «А так как возмущеніе началось по сигналу ратушнаго и нѣкоторых церковных колоколов, то приказываем воеводчичу Витебскому войту: отнять всѣ колокола и отдать в цейхгауз, из которых потом, с вѣдома будущаго архіепископа, вылить, в память происшествія, большой колокол, с надписью о сем злодѣяніи, и отдать соборной церкви Пречистенской, при которой был умерщвлен покойный владыка. С того же времени при всѣх иных церквах, за исключеніем упомянутой соборной, колоколов не имѣть, без позволенія и особеннаго разрѣшенія его преподобія, отца митрополита кіевскаго, нынѣшняго и его преемников. Эта случайность, тѣм болѣе удивительна, что старшій священник церкви *поп Давид* был обвинен в подстрекательствѣ жителей на убійство Кунцевича, за что осужден, в числѣ многих других, на смертную казнь, от которой избавился бѣгством. Авт.

вѣщенія пречистой Богородицы, тотъ со мною расудитца на страшномъ суде предъ милостивымъ Богомъ, во веки аминь. Надпись эта, судя по цвѣту чернилъ, почерку и ореографіи, сдѣлана гораздо позже написанія евангелія.

Въ настоящее время Благовѣщенская церковь представляетъ снаружи видъ продолговатаго четырехъ-угольника, съ закругленной алтарной стѣной; съ правой стороны ея имѣется двухъ этажная каменная пристройка, вверху которой помѣщается приходское училище для дѣтей единовѣрцевъ, а внизу квартира сторожа и пономаря. Въ этой пристройкѣ, до 1862 года, т. е. до преобразованія храма и передачи его единовѣрцамъ, въ верхнемъ этажѣ помѣщалась зимняя церковь во имя покрова пресвятыя Богородицы; но съ устройствомъ печей въ большомъ храмѣ, помѣщеніе ея обращено въ училище, а бывшіе внизу погреба обращены въ жилище причетника и сторожа.

Внутреннее помѣщеніе храма соотвѣтствуетъ наружности; оно представляетъ видъ четырехъ-угольника, при длинѣ, отъ входа до алтарной стѣны, 22 аршинъ и 8 вершковъ и при 12 аршинахъ и 8 вершкахъ ширины. Алтарь отдѣленъ отъ внутренней части храма, а сія послѣдняя отъ передней или хоровой—каменными стѣнами, что, придавая зданію особую прочность, значительно уменьшаетъ его вмѣстительность.

Нынѣ Благовѣщенская церковь есть приходская, въ приходѣ ея считается 368 муж. и 404 жен. пола душъ.

Настоятель церкви, священникъ Василій Волковичъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и благочинный всѣхъ единовѣрческихъ церквей; вторымъ, или приходскимъ священникомъ, Василій Черновъ.

Благовѣщенскій храмъ поддерживается усердіемъ прихожанъ, и никакимъ пособіемъ отъ казны не пользуется: недвижимаго имѣнія, какъ это было въ давніе годы, не имѣется какое и когда получили назначеніе тѣ земли, кои были ему наданы, не извѣстно; между тѣмъ, изъ выписки инвентаря городовъ Витебска и Могилева, составленнаго въ 1552 году и записаннаго въ виленскія трибунальныя книги, выданной въ 1619 году мая 31, полоцкому архіепископу Іосафату Кунцевичу, для справокъ, по случаю обращенія въ это время православныхъ храмовъ въ унію, упоминается и церковь *Благовѣщеня светое пречистое*, и говорится, что *ктой церкви надал землю*

соколник (1) *Витебскій Евъхремъ Сурынъ, на которой теперь два человеки дают на церков куницы* (2) *по двадцать грошей шерокихъ,* (3) *и к тому на сторожу к воротам замковымъ и кликать ходятъ и острогъ змьщаны робят.* (4)

Въ инвентарѣ же архіепископіи полотской, отъ 10 января 1618 года, перечисляющемъ монастыри и церкви уніятскія, подвѣдомственныя архіепископу Кунцевичу, между прочимъ, сказано: *На церковь Благовъщенія Пресвятыя Богородицы, мурованую, въ нижнемъ замкъ стоячую, надано есть селко од мъщанина Витебскаго Михалка Ганчара, прозываемые Бобры, в которомъ людей оселыхъ семь, дымовъ четыре.*

Петръ дымъ 1, Васько Ушакъ дымъ 1, Микита дымъ 1, Васько Куцко дымъ 1.

На туюжъ церковь Благовъщеніе селко Куриново надъ речкою......... речкою Лучосою, в нимъ дымовъ. 2. (5)

Считающаяся же при Благовѣщенской церкви земля, въ количествѣ 187 дес. 2102 кв. саж., находящаяся въ 7 верстахъ отъ Витебска, а равно два пляца въ самомъ городѣ, изъ коихъ одинъ въ спорѣ, составляютъ доходныя статьи священно церковно-служителей.

Въ приходѣ этой церкви, какъ видно изъ клировой вѣдомости за 1863 годъ, состояло мужчинъ 368 и женщинъ 403.

Въ томъ числѣ: духовныхъ муж. пола 6, жен. 11, военныхъ муж. пола 20, жен. 31, купцовъ м. 1, ж. 4, мѣщанъ, принадлежащихъ разнымъ уѣздамъ и живущихъ въ разныхъ мѣстахъ 194 м.,

(1) Деревня *Сокольники* нынѣ принадлежитъ казнѣ; она входитъ въ составъ Билево-Сокольницкаго казеннаго имѣнія витебскаго уѣзда.

(2) Слово *куница* здѣсь употреблено въ смыслѣ подати.

(3) Широкій польскій грошъ равнялся одному злотому, 27 грошамъ обыкновенной ходячей польской монеты; на наши деньги 28½ к. сер. См. словарь линде.

(4) Подлинная выпись хранится въ архивѣ Тадулинскаго монастыря № 37 связка 10-я.

(5) Документъ объ этомъ извлеченъ авторомъ изъ дѣла витебской городской думы, подъ № 51, за 1818 годъ; онъ былъ представленъ въ 1826 году въ завѣренной копіи протопресвитеромъ витебскихъ уніятскихъ церквей и настоятелемъ Петро-Павловской церкви Стефаномъ Клодницкимъ по случаю спора между городомъ и Петро-Павловской церковію, о правѣ владѣнія нѣкоторыми угодьями. См. витебскія губернскія вѣдомости 1864 г. № 19-й, часть не офиціальная.

221 ж., крестьянъ, проживающихъ на владѣльческихъ земляхъ въ витебскомъ и суражскомъ уѣздахъ, именно въ имѣніяхъ: Цѣхановецкаго муж. 26 жен. 29, Кошелевой м. 61 ж. 56, Коссовой м. 6 ж. 10, Дроздовскаго м. 21 ж. 15. Баваровской м. 24 ж. 18, Могущаго ж. 1.

О книжныхъ складахъ при народныхъ училищахъ въ виленской и гродненской губерніяхъ.

Еще очень недавно, года два тому назадъ, въ западно-русскомъ краѣ, не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, даже губернскихъ, нельзя было пріобрѣсти ни русскихъ книгъ, ни православныхъ иконъ; негдѣ было достать и православныхъ крестиковъ для новорожденныхъ младенцевъ, въ цѣломъ краѣ не было ни одной русской книжной лавки, ни одной лавки иконной, всякую русскую книгу, даже азбуку, и православную икону нужно было выписывать изъ Петербурга, Москвы, Кіева и другихъ городовъ; за то польская книжная торговля процвѣтала; польскія книги печатались и въ самомъ краѣ и ввозились въ него изъ царства и Познани во множествѣ; число польскихъ книжныхъ лавокъ, особенно въ большихъ городахъ, напр. въ Вильнѣ и Минскѣ, съ каждымъ годомъ возрастало; въ мѣстечкахъ и селахъ, почти при каждомъ костелѣ, а также на всѣхъ ярмаркахъ, продавались польскіе буквари и книги пропагандистическаго содержанія, польскіе молитвенники, латинскіе образки, шкаплеры и пр. Волею-неволею, за отсутствіемъ своего, русскаго, православный крестьянинъ покупалъ и польскія книжки и латинскіе образки. И чѣмъ ближе къ послѣднему времени, тѣмъ настойчивѣе дѣйствовала латино-польская партія и тѣмъ въ большемъ количествѣ старалась распространить она главные предметы своей пропаганды, въ особенности среди православнаго населенія; распространеніе польскихъ книгъ въ краѣ усилилось еще болѣе, когда помѣщики и ксендзы устроили, конечно безъ разрѣшенія начальства, въ фольваркахъ при волостныхъ правленіяхъ и при костелахъ, элементарныя школы, гдѣ рьяные пропагандисты обучали дѣтей православныхъ крестьянъ польской грамотѣ и латинскому катехизису, проповѣдуя ненависть противъ правительства, противъ всего русскаго и православнаго: польскія

книжки раздавались крестьянамъ даромъ помѣщиками, ихъ женами и дочерьми, нищіе разносили ихъ по отдаленнымъ деревнямъ.

Но польско-шляхетская крамола, дошедшая до вооруженнаго мятежа, была подавлена, пропаганда умолкла, тайныя школки закрыты; угнетенные и обманутые панами крестьяне получили Высочайше дарованныя имъ права; повсемѣстно открыты были народныя училища въ русскомъ духѣ, польскій элементъ въ администраціи и въ учебномъ вѣдомствѣ замѣненъ русскимъ; однимъ словомъ, не вдаваясь въ подробности, скажемъ только, что въ продолженіе года край измѣнилъ свою физіономію, или, вѣрнѣе, принялъ тотъ видъ, какой принадлежалъ ему искони: когда польскую личину сняли, для всѣхъ сдѣлалось ясно, что это —край русскій.

Постоянно возрастающее число народныхъ школъ и прибытіе русскихъ изъ внутреннихъ губерній сюда на службу чрезвычайно усилило въ краѣ запросъ на русскія книги: учрежденіе русской книжной лавки сдѣлалось настоятельною потребностію. Г. главный начальникъ края обратилъ вниманіе и на этотъ предметъ: по распоряженію его высокопревосходительства, изъ 25 т. руб., отпущенныхъ имъ въ минувшемъ году въ вѣдѣніе г. попечителя виленскаго учебнаго округа, на усиленіе средствъ для народнаго образованія, выдано было на устройство русскаго книжнаго магазина въ Вильнѣ санктъ-петербургскому книгопродавцу Сеньковскому 3,000 руб. заимообразно, съ разсрочкою платежа на три года, книгами для народныхъ училищъ, по выбору дирекціи виленской и минской. 1-го января 1864 года магазинъ г. Сеньковскаго былъ открытъ въ Вильнѣ — *первый русскій книжный магазинъ въ краѣ.* Открытіе его было принято всѣми русскими искреннею радостію; но магазинъ Сеньковскаго торгуетъ только книгами и канцелярскими припасами и удовлетворяетъ требованія образованныхъ классовъ и учебныхъ заведеній; а для здѣшняго православнаго сельскаго населинія, кромѣ книгъ, нужны иконы и крестики; притомъ для каждаго покупателя, въ особенности для крестьянина, весьма важно, если желаемую вещь онъ можетъ пріобрѣсти дешево и безъ хлопотъ, въ своемъ же селѣ, или вблизи его, такъ сказать, у себя, подъ руками. Такимъ образомъ, оказалось необходимымъ въ различныхъ, наиболѣе населенныхъ мѣстечкахъ и селахъ, устроить книжные склады съ хорошимъ выборомъ русскихъ и славянскихъ

книгъ, преимущественно священнаго содержанія и съ запасомъ крестиковъ и иконъ. Первые успѣшные опыты устройства складовъ сдѣланы были лѣтомъ 1863 года; по мѣрѣ имѣвшихся тогда средствъ открыто было только 10 складовъ; въ каждомъ изъ нихъ книгъ и другихъ предметовъ было на сумму, не превышавшую 14 руб. Затѣмъ г. главный начальникъ края, вслѣдствіе ходатайства г. попечителя виленскаго учебнаго округа, ассигновалъ въ вѣдѣніе дирекцій народныхъ училищъ: виленской и минской особую сумму, которая и обращена въ постоянный по этому предмету оборотный капиталъ. Виленская дирекція, завѣдывающая народными училищами виленской и гродненской губерній, получила изъ этой суммы 4,600 рублей. Училищный совѣтъ дирекціи, обсудивъ предварительно, какія книги и иконы необходимо распространить въ народѣ и въ какихъ мѣстностяхъ всего нужнѣе устроить склады, постановилъ выписать нужныя книги и другіе предметы изъ Петербурга, Москвы и Кіева, и, по полученіи ихъ, озаботиться немедленнымъ устройствомъ складовъ при 52-хъ народныхъ училищахъ; два склада предположено открыть въ уѣздныхъ городахъ Диснѣ (виленской губерніи) и Пружанахъ (гродненской губерніи), а остальные по мѣстечкамъ и селеніямъ, куда стекается больше народу и гдѣ, вслѣдствіе сего, можетъ быть сильнѣе запросъ и удобнѣе сбытъ матеріаловъ склада; въ виленской губерніи постановлено открыть 17 складовъ, а именно: *а*) въ дисненскомъ уѣздѣ: 1) въ Диснѣ, 2) Осиногородкѣ, 3) Богинѣ, 4) Поставахъ, 5) Чересѣ, 6) Друѣ. *б*) въ вилейскомъ уѣздѣ: 7) въ Куренцѣ, 8) Долтиновѣ, 9) Городкѣ, 10) Иліи. *в*) въ ошмянскомъ уѣздѣ: 11) въ Словенскѣ, 12) Воложинѣ, 13) Ольшанахъ, *г*) въ трокскомъ уѣздѣ: 14) въ Высокомъ Дворѣ. *д*) въ лидскомъ уѣздѣ: 15) въ Оршѣ, 16) Голдовѣ, 17) Бѣлицѣ.

Устройство книжныхъ складовъ при народныхъ училищахъ, которые въ мѣстностяхъ со сплошнымъ или преобладающимъ православнымъ населеніемъ учреждены, какъ извѣстно, при православныхъ церквахъ, усилитъ значеніе этихъ пунктовъ, какъ центровъ религіознаго и умственнаго образованія.

Приняты мѣры, чтобы во всѣхъ поименованныхъ пунктахъ склады были открыты въ декабрѣ мѣсяцѣ настоящаго года.

Въ склады выписываются книги преимущественно церковныя: св. евангеліе на русскомъ и на славянскомъ нарѣчіяхъ и отдѣльно на русскомъ, дѣянія и посланія апостольскія, псалтырь, ча-

сословъ, молитвословъ, земная жизнь Спасителя, житія святыхъ и акаѳисты, библейская исторія съ картинками и т. подоб.; изъ свѣтскихъ же, кромѣ букварей, большею частію, книги, относящіяся къ русской исторіи, жизнеописанія знаменитыхъ русскихъ людей, западно-русскій календарь и др. Кромѣ книгъ, высылаются въ склады св. иконы, крестики, картины изъ священной и русской исторіи, портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и главнаго начальника края Михаила Николаевича Муравьева. Въ каждый складъ назначено книгъ и брошюръ до 400 томовъ, при 92-хъ названіяхъ и до 40 экз. иконъ и портретовъ, всего на сумму 65 р. 50 к. для одного склада, а на всѣ 52 склада употреблено 3,406 р. Въ каждый складъ высылается, за печатью дирекціи народныхъ училищъ, прошнурованная приходорасходная книга; продажу книгъ и веденіе отчетности по этому предмету охотно приняли на себя мѣстные народные наставники, большею частію православные священники. Два раза въ годъ, къ 1-му января и 1-му іюля, они представляютъ въ дирекцію подробный отчетъ о ходѣ продажи, высылаютъ деньги, полученныя отъ распродажи книгъ и требованія на присылку тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе раскупаются. Упаковка книгъ и разсылка ихъ по складамъ, производимая дирекціею чрезъ транспортную контору, равнымъ образомъ высылка денегъ изъ складовъ въ дирекцію, требуютъ расходовъ; но чтобы отъ этихъ расходовъ не уменьшилась сумма, назначенная на склады, дирекція въ продажной цѣнѣ на многія книги сдѣлала значительную надбавку, которая не только покрываетъ означенные расходы, но и увеличиваетъ оборотный капиталъ каждаго склада; а такъ какъ книги, иконы и другіе предметы выписываются дирекціей въ большомъ количествѣ— сотнями и тысячами экземпляровъ, при чемъ ей дѣлается значительная уступка, поэтому она, не смотря на означенную надбавку, имѣетъ возможность продавать книги въ складахъ почти по той же цѣнѣ, по какой онѣ продаются на мѣстѣ. Цѣна книгамъ отъ 4-хъ коп. доходитъ до 1 р. 10 к. за экз.; впрочемъ по послѣдней цѣнѣ идетъ только одна книга—св. Евангеліе въ золотообрѣзѣ и въ отличномъ кожаномъ переплетѣ кіевскаго изданія, за иконы же и портреты берется отъ 3-хъ до 20 к. за экз. Практика складовъ укажетъ, на какія именно книги и другіе предметы будетъ сильнѣйшій запросъ, и дирекція, принимая это требованіе во вниманіе, безъ сомнѣнія, постарается удовлетво-

рить оныя. Директоръ и инспектора народныхъ училищъ, при ревизіи училищъ, повѣряютъ и приходорасходныя книги и имущество складовъ; за всѣ неисправности, упущенія и недочетъ въ книгахъ или въ деньгахъ отвѣчаетъ завѣдывающій складомъ.

Выше уже было упомянуто, что на устройство складовъ, по распоряженію г. главнаго начальника края, было отпущено въ вѣдѣніе виленской дирекціи народныхъ училищъ 4,600 руб. и что на устройство 52-хъ складовъ употреблено 3,406 руб., за тѣмъ остаются свободными 1,194 руб.; на эту сумму дирекція уже отправила въ Москву, Петербургъ и Кіевъ новые заказы книгъ и иконъ, по полученіи которыхъ, въ началѣ будущаго 1865 года, она не замедлитъ открыть книжные склады во всѣхъ уѣздныхъ городахъ виленской и гродненской губерній.

Дай Богъ, чтобы это доброе дѣло пошло успѣшно: безъ распространенія русскихъ книгъ въ народѣ, народныя школы мало принесутъ пользы; дай Богъ, чтобы оно принялось крѣпко, въ чемъ едва ли, впрочемъ, можно и сомнѣваться, такъ какъ оно не составляетъ искуственной мѣры, но вызвано потребностями жизни и времени.

Памятники православія въ Подоліи.

Въ 17-ти или 18 верстахъ отъ г. Каменца-Подольска, по почтовой дорогѣ въ г. Хотинъ, есть с. Гавриловцы, гдѣ теперь находится каменная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, устроенная на счетъ суммъ, ассигнованныхъ изъ государственнаго казначейства и освященная въ 1851 году. Но тамъ, въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, существовала православная церковь *преподобныя Параскевіи*, какъ это видно изъ надписи на одной церковной книгѣ, купленной для этой церкви, 1789 года. Тамъ же сохраняется замѣчательный памятникъ древности и православія, сохранявшагося здѣсь до временъ уніи, которая на Подоліи начала усиливаться и распространяться не ранѣе первой половины XVIII столѣтія. Это евангеліе напрестольное, печатанное въ Львовѣ 1990 года, тщаніемъ и иждивеніемъ ставропигіальнаго братства успен. пресв. Богород., съ благословенія четверопрестольныхъ святѣйшихъ патріарховъ; оно куплено въ гавриловецкую свято-Параскевскую церковь 1718 года обывателемъ с. Гавриловецъ Димитріемъ Старушкомъ, что ясно видно изъ надписи, сдѣланной въ концѣ предисловія сей священной

книги. Это евангеліе пострадало и отъ турокъ или татаръ. Старики с. Гавриловецъ передаютъ, что около 1770 года, во время турецкой войны, церковь преп. Параскевіи была сожжена, вся церковная утварь была частію разграблена, а частію уничтожена на мѣстѣ, осталось только это евангеліе, какъ бы для свидѣтельства предъ дальнѣйшимъ потомствомъ о варварствѣ мусульманъ, но все это евангеліе изрублено саблями магометанъ, и дѣйствительно въ немъ нѣтъ ни одного листа, который не былъ бы изрубленъ, или покрайней мѣрѣ пробитъ саблею. Въ 1773 году оно дано въ переплетъ гавриловецкимъ обывателемъ Николаемъ Тосаремъ, какъ это видно изъ приписки въ концѣ предисловія. Переплетчикъ довольно искусно склеивалъ прорубины на листахъ. Евангеліе это, по замѣчанію мѣстнаго нынѣшняго священника, долгое время было на престольнымъ, пока не пріобрѣтено было другаго. Замѣчательна въ этомъ евангеліи по силѣ и глубинѣ чувства молитва къ Богу, возсылаемая отъ издателей; она находиться предъ предисловіемъ.

О монастыряхъ въ царствѣ польскомъ.

Религіозное чувство не погибло въ Европѣ, но духъ римско-католическаго монашества отжилъ свое время,—это очевидно. Передъ нами толстый сборникъ узаконеній, направленныхъ противъ него правительствами почти всѣхъ странъ Европы. Изъ него мы видимъ, что представительница разнообразныхъ потребностей общества, верховная власть, повсюду, начиная съ XVII, а особенно съ XVIII вѣка, открываетъ борьбу съ принципомъ латинскаго монашества, что она вездѣ надъ нимъ торжествуетъ и что этой побѣдѣ вездѣ рукоплещутъ народы. Мудрено же приписать этотъ повсемѣстный и многовѣковой протестъ противъ римско-католическаго монашества, какъ хотѣлось бы Union, непостижимому и пагубному затмѣнію!

Общее въ католическихъ странахъ стремленіе къ уменьшенію, или даже къ совершенному уничтоженію монастырей, не коснулось только Польши. До 14-го ноября ихъ было въ этомъ краѣ 197 съ 4,775 монашествующими, на народонаселеніе, не достигающее 4 мильоновъ душъ, тогда какъ, напримѣръ, въ имперіи русской почти на 53 мильона православныхъ считается только 614 монастырей съ 8,589 монахами. Но мы умолчали бы объ

этой явной несоразмѣрности ихъ съ числомъ жителей въ здѣшнемъ краѣ, еслибъ она была дѣйствительнымъ выраженіемъ избытка религіознаго чувства. Болѣе нежели гдѣ-нибудь монастыри здѣшніе, отклонясь отъ первоначальной цѣли пустынножительства, примкнули къ общей гражданской жизни, проникли, внѣдрились въ нее, обратились въ органы совершенно мірскихъ стремленій, потребностей и отправленій. Польское монашество сдѣлалось какою-то особою средой, замкнутою для всякаго контроля и подвѣдомою только своимъ провинціаламъ, пребывающимъ за границей, большею частію въ Римѣ; они сдѣлались какою-то соціальною организацiей, имѣющею большія связи въ странѣ, но нити которой уходятъ за предѣлы страны и держатся въ рукахъ постоянно враждебныхъ Россіи. Въ послѣднее время эти нити приводила въ движеніе рука всесвѣтной революціи.

Если графъ Кавуръ, посреди глубокаго мира, могъ сказать, что католическіе монастыри суть непріятельскія крѣпости, существованіе которыхъ никакое правительство не можетъ дозволить въ своихъ владѣніяхъ, то не въ тысячу ли разъ болѣе имѣло право это сказать наше правительство, въ виду совершившихся въ Польшѣ событій? Руководствуясь интересами своихъ подданныхъ и примѣрами самихъ католическихъ странъ, оно могло закрыть въ Польшѣ всѣ монастыри, безъ исключенія, и противъ этого нечего было бы возразить. Оно не сдѣлало однакожъ этого. Число монастырей только уменьшено, но количество монашествующихъ осталось прежнее: они только болѣе сгруппированы для удобнѣйшаго надъ ними надзора... и надзоръ этотъ, мы смѣемъ думать, будетъ фактивный, а не дѣйствительный.

Закрытіе четырехъ уніятскихъ монастырей въ царствѣ польскомъ и существовавшаго въ Варшавѣ общества фелиціянокъ.

5-го декабря, въ *Варшавскомъ дневникѣ* напечатаны два постановленія графа намѣстника. Одно о закрытіи четырехъ уніятскихъ монастырей ордена св. Василія Великаго: въ Люблинѣ, Холмѣ, Бялѣ, и Замостьѣ и сосредоточеніи изъ ихъ монашествующихъ въ остальномъ, пятомъ уніятскомъ монасты-

рѣ, въ Варшавѣ. Другое постановленіе опредѣляетъ закрытіе существовавшаго въ Варшавѣ такъ-называемаго *общества фелиціянокъ*, или сестеръ св. Феликса, въ томъ вниманіи, что оно не было утверждено правительствомъ и къ назначенному отъ правительства сроку, 9-го (21-го) іюля 1859 года, не представило на высшее утвержденіе устава своего; что оно, вопреки Высочайшему указу 18-го февраля (2-го марта) 1842 г., статья 56, и Высочайшему повелѣнію отъ 28-го августа 1851 г., не оказало донынѣ постоянныхъ средствъ, необходимыхъ для обезпеченія его существованія; что оно, между тѣмъ, вопреки ясному смыслу Высочайщихъ повелѣній отъ 15 (27-го) мая 1841 8-го, 3-го (15-го) февраля 1858 года и 8-го (20-го) ноября того же года, продолжаетъ незаконное свое существованіе, къ сожаленію, не чуждое даже участія въ политическихъ проискахъ.

Названные выше четыре греко-уніятскихъ мужескихъ монастыря упразднены потому, что „они—говоритъ постановленіе графа намѣстника—какъ по малому числу монашествующихъ въ нихъ лицъ, такъ и по внутреннему управленію, не соотвѣтствуютъ нынѣ своему назначенію,“ также въ видахъ лучшаго обезпеченія приходскаго греко-уніятскаго духовенства и скорѣйшаго возстановленія пришедшихъ въ упадокъ греко-уніятскихъ храмовъ.“ Сущность постановленія та же, что, правила, приложенныя къ Высочайшему указу 27-го октября (8-го ноября) сего года о римско-католическихъ монастыряхъ; есть одно измѣненіе, а именно (ст. 13): „доходы съ недвижимыхъ имуществъ греко-уніятскихъ монастырей, за отчисленіемъ не свыше 10% на расходы по управленію, равно суммы, необходимыя на производство штатнаго содержанія варшавскаго базиліянскаго монастыря, обращаются сполна на улучшеніе быта бѣлаго духовенства греко-уніятскаго, а капиталы этихъ монастырей имѣютъ быть употреблены на немедленную отстройку пришедшихъ въ упадокъ греко-уніятскихъ церквей.“

Корреспонденція изъ Варшавы въ газету „Голосъ,“ по поводу закрытія монастыря фелиціанокъ.

Изъ Царства польскаго. По поводу закрытія въ Варшавѣ монастыря сестеръ св. Феликса, варшавскій корреспондентъ га-

зеты *Голосъ* пишетъ между прочимъ, отъ 19-го декабря: 5-го декабря, на основанiи постановленiя намѣстника въ царствѣ польскомъ, закрытъ монастырь сестеръ св. Феликса, или такъ называемыхъ фелицiянокъ. Въ 1855 году, дочери чиновниковъ Трушковская и Цѣхановская открыли, безъ дозволенiя правительства, прiютъ для призрѣнiя и воспитанiя бѣдныхъ дѣвочекъ сиротъ. Заведенiе это, имѣвшее въ началѣ характеръ чисто благотворительнаго учрежденiя, мало-по-малу, пользуясь снисходительностью прежняго правительства въ Польшѣ и покровительствомъ дамъ извѣстныхъ польскихъ фамилiй, превратилось сперва въ общину сестеръ св. Феликса, а потомъ преобразовалось въ общежительный монастырь, съ послушницами, монахинями и даже затворницами. Бывшiй епископъ подлясскiй и генеральный коммиссаръ ордена капуциновъ—Шиманскiй принялъ новый прiютъ подъ свое покровительство и началъ хлопотать объ утвержденiи правительствомъ этого заведенiя и о подчиненiи его навсегда вѣдѣнiю ксендзовъ-капуциновъ. Однако старанiя епископа, а также и нѣкоторыхъ дамъ-аристократокъ, бывшихъ членами варшавскаго дамскаго комитета, не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ 1858 г., г-жа Цѣхановская, называя уже себя настоятельницею сестеръ св. Феликса, подала намѣстнику прошенiе о разрѣшенiи переименовать прiютъ св. Феликса (не утвержденный правительствомъ) въ монастырь. Вѣроятно, въ это же время, лица, состоявшiя въ учрежденiи, облачились въ одежду капуцинскаго ордена и стали называть себя сестрами св. Феликса, или фелицiянками. Все это, кажется, совершилось съ дозволенiя покойнаго архiепископа Фiалковскаго. Въ 1860 году, въ прiютѣ, или, вѣрнѣе, монастырѣ, считалось уже 60 сестеръ, и въ 10-ти мѣстностяхъ царства польскаго ими были устроены дѣтскiе прiюты. Передъ закрытiемъ монастыря сестеръ св. Феликса, при главномъ домѣ (maison mère) его въ Варшавѣ находилось нѣсколько благотворительныхъ заведенiй.

Въ дѣйствительности же, всѣ эти богоугодныя заведенiя, только вывѣска, лицевая, официяльная сторона дѣятельности почтенныхъ сестеръ. Въ недавныхъ волненiяхъ царства польскаго сестры св. Феликса, сочувствуя революцiонному движенiю въ странѣ, помѣстили въ стѣнахъ своего монастыря типографiю

народоваго жонда и служили этому правительству дѣятельными агентами въ сношеніяхъ его съ своими подчиненными.

Втираясь въ семейства и овладѣвая довѣріемъ матерей, онѣ доводили до религіознаго изступленія молодыхъ дѣвушекъ, которыя, подь впечатлѣніемъ разстроеннаго воображенія, бросали домъ и родителей и поступали въ монастырь, за-живо погребая себя въ его стѣнахъ. Для видовъ скрытыхъ дѣятелей было выгодно связать свои интересы съ интересами какого-нибудь почтеннаго семейства, пользовавшагося въ своемъ кругу извѣстною долею уваженія, и потому дѣятельность сестеръ феліціянокъ преимущественно была направлена на сманиваніе въ монастырь дѣвушекъ изъ порядочныхъ и достаточныхъ семействъ. Особеннымъ вниманіемъ почтенныхъ патеровъ и преданныхъ имъ духовныхъ дочерей ихъ пользовались богатыя невѣсты-сироты, которыя могли принести съ собою въ общину порядочный капиталъ; бывали случаи, что новиціятки вносили въ капиталъ общины свое приданое, въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Если не удавалось изъ семьи закабалить дѣвушку ни краснорѣчивымъ описаніемъ всѣхъ прелестей тихой, безмятежной монастырской жизни, ни картиною блаженства, ожидающаго затворницу на томъ свѣтѣ, если родители сильно были привязаны къ дочери и не рѣшались разстаться съ нею, то тѣ же миссіонеры прибѣгали къ другому средству. Польская шляхта, не смотря на свою заносчивость, а иногда даже и демократическія стремленія, до сихъ поръ еще питаетъ какое-то благоговѣйно - холопское чувство къ магнатамъ своего края, льститъ имъ, унижается, а подчасъ и подличаетъ передъ ними. Пользуясь этою *шляхетною слабостью*, родителямъ обѣщали высокое покровительство какой-нибудь вельможной графини—одной изъ главныхъ покровительницъ общины—ханжи, играющей, въ свою очередь, тоже жалкую роль маріонетки въ рукахъ своего духовника и постоянно слѣдующей его совѣтамъ. Какъ тутъ не соблазниться, какъ тутъ устоять? Вѣдь шутка сказать! покровительство графини, происходящей по прямой линіи отъ потомковъ Пяста! Люди слабы—и приносилась кровная жертва пустому, глупому, пошлому самолюбію. А сколько погублено такимъ образомъ дѣвушекъ, сколько безплодно зарыто, въ продолженіе почти десятилѣтняго существованія общины, жизненной силы края—одному Богу извѣстно! Для поддержанія нравственной связи съ внѣшнимъ міромъ, монастырю,

или, вѣрнѣе, скрытымъ дѣятелямъ, надо было какъ можно чаще совершать подобныя жертвоприношенія, и потому какъ только какая-нибудь изъ сестеръ пріобрѣтетъ опытность, такъ сказать, понаторѣетъ въ дѣлѣ ухаживанія за больными и обученія дѣтей, ее укладывали за-живо въ гробъ, т. е. дѣлали затворницей, ставили въ положеніе, могущее каждую, мало-мальски развитую женщину, не по собственному убѣжденію отрекшуюся отъ всѣхъ мірскихъ интересовъ, довести до сумасшествія, или превратить въ безсмысленнаго автомата, не далеко стоящаго отъ животнаго...

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей въ дѣлѣ обращенія молодыхъ дѣвушекъ былъ ксендзъ-капуцинъ Гоноратъ. Человѣкъ довольно грубый и безъ всякаго образованія, но одаренный отъ природы замѣчательною красотою и пламеннымъ краснорѣчіемъ, Гоноратъ производилъ на своихъ слушательницъ потрясающее впечатлѣніе. На колѣняхъ, рыдая непритворными слезами, внимали женщины его вдохновеннымъ рѣчамъ и, доведенныя до изступленія, готовы были на всевозможныя жертвы.

Изъ числа 27-ми дѣтскихъ пріютовъ, содержавшихся общиною и разбросанныхъ по пяти губерніямъ царства польскаго, одиннадцать приходится на люблинскую губернію, и это собственно потому, что въ Варшавѣ и въ другихъ губерніяхъ, исключая евреевъ, почти все римско-католики, участь которыхъ въ будущей жизни, нѣкоторымъ образомъ, обезпечена, тогда-какъ въ люблинской губерніи около 250,000 греко-уніятовъ, этихъ отщепенцевъ св. церкви римской, стремящихся прямо въ адъ. И вотъ, подъ видомъ обученія дѣтей и ухода за больными, идетъ дѣятельная работа; правда, народъ упрямый, сродни *хохламъ*, и туго поддается, но, при помощи развалившихся уніятскихъ церквей, хоть и немного, а все же въ годъ удается возвратить въ лоно истинной церкви нѣсколько заблудшихъ овецъ.

Судя по впечатлѣнію, произведенному на сестеръ вѣстью о закрытіи общины—никто изъ нихъ не ожидалъ этого, и постановленіе намѣстника поразило ихъ; особенно были испуганы пожилыя монахини, ничего не дѣлавшія и наслаждавшіяся совершеннымъ far-niente. Когда сестрамъ было объявлено, что онѣ, на основаніи постановленія, должны разъѣхаться по домамъ и перемѣнить образъ жизни, онѣ всѣ на-отрѣзъ объявили, что правительство можетъ дѣлать съ ними, что ему угодно—

пусть хоть перевѣшаетъ всѣхъ и четвертуетъ, но онѣ ни за что не снимутъ съ себя монашеской одежды, надѣтой ими по добровольному обѣту. Много труда стоило убѣдить почтенныхъ сестеръ въ томъ, что распоряженіе правительства должно быть непремѣнно исполнено. Сначала всѣ требовали мѣсячнаго срока для приготовленія къ отъѣзду и только послѣ долгихъ переговоровъ согласились разъѣхаться чрезъ три дня.

О закрытіи монастыря св. Феликса Варшава узнала чрезъ нѣсколько часовъ. Со всѣхъ концовъ города собирались родные новиціятокъ и монахинь въ домъ общины, торопясь разобрать своихъ дочерей, которыхъ уже считали потерянными для семьи и общества. Пожилыя монахини зорко слѣдили за своими молодыми подругами, и подъ вліяніемъ ихъ взглядовъ, тѣ не смѣли обнаруживать свою радость отъ предстоящей перемѣны образа жизни; но зато, когда, усѣвшись въ кареты, онѣ отправлялись по домамъ, ихъ молодыя, веселыя лица ясно говорили, что монастырскія стѣны оставляются ими безъ большаго сожалѣнія. Какъ-то тяжело было смотрѣть на молодыхъ, полныхъ жизни дѣвушекъ, одѣтыхъ въ грубыя платья, съ кожаными поясами и съ убитымъ, смиреннымъ взглядомъ! Члены коммиссіи, закрывавшей монастырь, казались въ это время избавителями, пришедшими освободить изъ душной и мрачной темницы заключенныхъ, вывести ихъ на свѣтъ Божій, на чистый воздухъ, однимъ словомъ—возвратить къ жизни. На стѣнахъ дома и на лицахъ сестеръ лежалъ какой-то особенный оттѣнокъ: пахло гнилью, застоемъ; даже молодыя фигуры послушницъ, напоминали о смерти своею неподвижностью, своими автоматическими движеніями. Но такова сила врожденной человѣку любви къ свободѣ, что вѣсть объ освобожденіи преобразила молодыхъ дѣвушекъ, попавшихъ сюда вовсе не по призванію; переходъ отъ смерти къ жизни такъ былъ неожиданъ, что ни смиреніе, къ которому пріучались долго, ни полные укора взгляды старыхъ монахинь, не могли остановить проявленія радости... Но было и наоборотъ... Въ монастырѣ св. Феликса было 20 затворницъ, спящихъ въ гробахъ, вполнѣ предавшись самосозерцанію, не видя свѣта и не слыша почти человѣческаго голоса; онѣ считали себя оторванными отъ всего живаго; въ нихъ даже перестало говорить, умерло чувство любви къ роднымъ и близкимъ людямъ. При отправленіи этихъ затворницъ въ Ловичъ, въ тамошній монастырь сестеръ-бернардинокъ, онѣ не захотѣли

проститься съ своими матерями—родными, не видавшими ихъ по нѣскольку лѣтъ и нарочно для этого пришедшими въ монастырь.

Всѣ находившіяся въ общинѣ должны оставить монашеское одѣяніе и возвратиться къ своимъ роднымъ; находящіяся при разныхъ учрежденіяхъ бывшей общины, какъ то; дѣтскомъ пріютѣ, больницѣ, богадельнѣ, пріютѣ для выздоравливающихъ женщинъ и сельскихъ пріютахъ, могутъ, смотря по желанію остаться при этихъ заведеніяхъ, съ непремѣннымъ условіемъ снять монашескую одежду. По приказанію намѣстника, всеѣмъ сестрамъ выдано единовременное пособіе, и перевозка ихъ на мѣста родины совершается на счотъ правительства. Всѣ вышеупомянутыя благотворительныя учрежденія передаются въ вѣдѣніе главнаго попечительнаго совѣта.

Исключая отъявленныхъ ханжей, привыкшихъ наслаждаться бесѣдами съ полусумасшедшими затворницами, закрытіе монастыря сестеръ-фелиціянокъ не произвело на населеніе Варшавы такого впечатлѣнія, какого бы хотѣлось извѣстнымъ друзьямъ Польши.

О кіевскомъ паломничествѣ.

Ежегодно съ наступленіемъ весны, или, точнѣе сказать, страстной недѣли, кіевлянъ начинаетъ занимать вопросъ: много ли, мало ли, въ теченіе года будетъ приходить богомольцевъ на поклоненіе святынямъ кіевскимъ? Опытъ показалъ, что если въ концѣ поста появится въ Кіевѣ много прихожихъ людей, то навѣрное и въ теченіе всего года ихъ будетъ достаточное число; въ противномъ же случаѣ, непремѣнно въ богомольцахъ окажется большой недостатокъ.

Вотъ почему тѣ изъ жителей Кіева, безбѣдное существованіе которыхъ зависитъ отъ численности бывающихъ въ Кіевѣ странниковъ, для которыхъ они заготовляютъ во множествѣ требуемыя ими разнаго рода издѣлія и съѣстные припасы, съ тревожнымъ опасеніемъ ждутъ появленія на страстной недѣлѣ первыхъ поклонниковъ, чтобы, судя по числу ихъ, заключить,

придется ли имъ самимъ перебиваться до будущей весны, какъ говориться, съ ноги на ногу, или жить безбѣдно.

И нимало не удивительны эти опасенія, не извѣстныя жителямъ другихъ городовъ имперіи; кіевлянамъ памятны такіе годы, когда отъ продолжительныхъ зимъ, большихъ разливовъ водъ, холеры, войны и иныхъ причинъ, у нихъ въ городѣ въ богомольцахъ былъ весьма замѣтный недостатокъ.

Такъ, еще недавно, восточная война лишила кіевлянъ чуть ли не половиннаго числа обычныхъ гостей; такъ и въ 1863 году польскія волненія отразились весьма невыгодно на количествѣ богомольцевъ въ Кіевѣ.

По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ отчетовъ конторы страннопріимной гостинницы Кіево-печерской лавры, еженедѣльно представляемыхъ намѣстнику ея и затѣмъ постепенно, въ общихъ выводахъ, поступающихъ въ синодъ, видно, что въ теченіе 1863 года, къ числу оставшихся къ 1-му января того года 326 поклонниковъ, вновь прибыло богомольцевъ 65,081, а убыло, 65,029 человѣкъ.

Это гораздо менѣе того числа ихъ, какое обыкновенно бываетъ въ Кіевѣ въ годы, свободные отъ смутъ, холеры и тому подобныхъ бѣдствій.

Такъ, въ 1862 году, къ оставшимся въ 1-му января 402 странникамъ, вновь прибыло въ теченіе года 87,780, а убыло 87,917 человѣкъ, т. е. почти 23 тысячами болѣе противъ 1863, а случались годы, когда въ Кіевѣ поклонниковъ бывало и еще болѣе. Надо сверхъ того замѣтить, что здѣсь не приняты въ счетъ богомольцы, не пользующіеся, по прибытіи въ Кіевъ, гостепріимствомъ лавры, которая, избѣгая тѣсноты въ лѣтнее время, никогда не принимаетъ къ себѣ уроженцевъ кіевской, волынской и черниговской губерній, а они то и составляютъ большинство поклонниковъ въ Кіевѣ, потому что, пользуясь близостію разстоянія, посѣщаютъ нашъ городъ ежегодно, а иные изъ нихъ и по два раза въ годъ.

Нѣсколько десятковъ тысячъ болѣе или менѣе прибыли въ людяхъ, въ теченіе только лѣтнихъ мѣсяцевъ, было бы замѣчено въ любой многолюдной столицѣ, тѣмъ ярче эта убыль обрисовывается въ Кіевѣ, гдѣ всего 70 тысячъ жителей.

Кіевляне имѣли полное основаніе полагать, что и 1864 годъ не будетъ для нихъ въ числѣ хорошихъ годовъ: онъ засталъ

край нашъ въ напряженномъ до нельзя состояніи, наполненномъ войсками, военно-судными коммисіями; вызванная польскими смутами сельская стража, по дорогамъ, у селеній, при переправахъ черезъ рѣки, строго осматривала всѣхъ путниковъ, слѣдовавшихъ въ Кіевъ, и отъ избытка усердія, при исполненіи новой своей обязанности, часто задерживала для наведенія справокъ и самыхъ богомольцевъ, имѣвшихъ узаконенные виды.

Ко всему этому присоединилось весьма двусмысленное состояніе погоды. Въ теченіе всего великаго поста (1864 года), она была совсѣмъ не благопріятна для большаго стеченія паломниковъ; весна, начавшаяся довольно поздно, была часто прерываема зимними непогодами; не въ рѣдкость было видѣть въ срединѣ и въ концѣ апрѣля, убѣленныя снѣгомъ крыши и встрѣчаться съ шубами.

Вотъ почему горожане наши опасались, чтобы вѣсти о задержкахъ въ пути и о случившихся въ это время нѣкоторыхъ кровавыхъ происшествіяхъ *) не разнеслись повсюду, съ обычными въ этихъ случаяхъ преувеличеніями, и не остановили, какъ было въ 1863 г., прилива въ Кіевъ поклонниковъ.

Но сверхъ ожиданія, съ наступленіемъ страстной недѣли, странники начали показываться не десятками, а сотнями, такъ, что на первый день Пасхи, въ нашемъ городѣ навѣрное было тысячъ до десяти гостей, пришедшихъ издалека похристосоваться съ старикомъ Кіевомъ.

Изъ отчетовъ лаврской страннопріимницы видно, что въ ней уже было: въ вербное воскресенье прошедшаго года болѣе 2,000 чел., въ понедѣльникъ страстной недѣли прибыло 963, во торникъ 1,456, въ среду 1,590, въ четвертокъ 842, въ пятницу 384, въ субботу 284. Всего 7,519 человѣкъ.

Кромѣ того, всѣ отдѣльныя комнаты гостинницы, коихъ числомъ 75, заняты были двумя стами съ лишнимъ пріѣзжихъ поклонниковъ, такой же чрезвычайный приливъ ихъ былъ и по другимъ монастырскимъ гостинницамъ, пріютамъ, устроеннымъ

*) Напримѣръ, объ убійствѣ въ г. Дубнѣ судьи Голубовскаго и о разстрѣляніи тамъ же его убійцы Бобра, а въ Кіевѣ—Дружбацкаго и Ольшанскаго; объ отравившемся членѣ народоваго жонда Лембке, и о другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ.

при церквахъ и въ домахъ жителей; къ сожалѣнію послѣдніе не ведутъ о богомольцахъ никакой отчетности *)

Въ эти дни, ближайшія къ главнѣйшимъ святынямъ Кіева, площади и улицы мгновенно наполнились густыми толпами странниковъ, и одно изъ первыхъ мѣстъ занимала въ этомъ отношеніи старокіевская площадь, гдѣ стоятъ, одинъ противъ другаго, михайловскій монастырь и софійскій соборъ.

Представляющаяся здѣсь въ это время картина очень оригинальна; она такъ и просится подъ карандашъ даровитаго художника, и, созерцмя ее, невольно повторяешь:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!"

Здѣсь именно можно было видѣть не только представителей изъ многихъ сторонъ нашего обширнаго отечества, но и изъ сопредѣльныхъ православныхъ странъ: Болгаріи, Дунайскихъ княжествъ и другихъ.

Съ ранняго утра, до поздняго вечера, безпрерывными вереницами, они сновали тутъ между монастыремъ и соборомъ, по тянувшейся на площади мостовой, которой кстати бы усвоить названіе „бульвара богомольцевъ" потому, что во всякое время года видишь ихъ здѣсь преимущественно.

Всего болѣе на площади замѣтно было странницъ, такъ какъ женскій полъ, въ числѣ посѣщающихъ Кіевъ богомольцевъ, всегда составляетъ едва-ли не двѣ третьихъ.

Большая часть женщинъ, на томъ непреложномъ основаніи что онѣ прежде всего, всегда и вездѣ женщины, не упускали случая принаряжаться.

Въ особенности замѣтны были ихъ головные уборы: четвероугольныя, рогатыя кички орловокъ, кораблики калужанокъ, намитки малороссіянокъ.

Послѣднія пользовались также случаемъ щегольнуть цвѣтными запасками, да желтыми и красными чоботами съ подковками.

Порой, за богомольцами тянулись по площади, шагъ за шагомъ, дорожныя кибитки, передѣланныя въ тарантасы, запря-

---

*) Въ первые три дня свѣтлой недѣли приходъ богомольцевъ бываетъ весьма незначителенъ; зато убыль ихъ достигаетъ самой высшей численности. Въ прошедшемъ году, въ первый день Пасхи, изъ одной лаврской страннопріимницы убыло ихъ 3,000 человѣкъ, на второй день болѣе 2,000. Сколько же ихъ убыло изъ прочихъ мѣстъ—неизвѣстно.

женные тройками, гремящихъ бубенчиками коней, набитыя купчихами въ штофныхъ душегрѣйкахъ и шелковыхъ яркихъ цвѣтовъ платкахъ, которыя пріѣхали, быть можетъ, отъ господина Новгорода великаго, съ Урала, Дона, а нерѣдко и изъ далекой Сибири.

По преобладающей числительности своей, въ глаза бросались бѣлоруссы въ бѣлыхъ свиткахъ и берестовыхъ лаптяхъ, всегда повязывающіе платкомъ шею, чего коренной русакъ не позволитъ себѣ и въ трескучій морозъ, и ближайшіе сосѣди Кіева малороссы, ходившіе по городу артелями и отъ избытка усердія къ святынѣ не надѣвавшіе шапокъ, на все ротозѣющіе.

Подобно тому, какъ богомольцы со всѣхъ концовъ христіанскаго міра стекаются въ Іерусалимъ, преимущественно къ празднику Пасхи, чтобы на заутрени перваго дня быть у гроба Господня свидѣтелями появленія небеснаго огня и, чтобы отъ возженной патріаршей свѣчи зажечь свои и сохранно донести священный огонь къ домашнему очагу—точно такъ и къ намъ въ Кіевъ богомольцы спѣшатъ преимущественно къ Пасхѣ, въ чаяніи, не повторится ли про нихъ чудо, совершившееся по сказанію патерика, въ 1463 году, въ пещерахъ пр. Антонія, когда начальникъ ихъ Діонисій Щепа, во время свѣтлой заутрени войдя въ пещеры покадить тѣла усопшихъ святыхъ и ставъ посреди трапезы, отъ избытка любви къ нимъ, сказалъ: „святыю отцы и братія, сегодня есть великъ день—Христосъ воскресе?“ и внезапно всѣ они отвѣчали: „воистину воскресе!“

Рѣдкая изъ бабушекъ и нянюшекъ, побывавъ въ Кіевѣ и возвратясь во-свояси, не разскажетъ объ этомъ чудѣ своимъ внучатамъ и домочадцамъ, особенно, если ей самой удалось (что впрочемъ не легко достается) побывать въ пещерахъ во время пасхальной заутрени, когда блюститель пещеръ, въ предшествіи поющаго клира, сходитъ туда привѣтствовать почіющихъ угодниковъ возгласомъ: „Христосъ воскресе“.

По справкамъ, наведеннымъ въ конторѣ страннопріимницы, общее число всѣхъ бывшихъ въ Кіевѣ въ 1864 году богомольцевъ составляетъ цифру въ 79,158 человѣкъ, а убывшихъ 79,192 человѣкъ. Эти цифры имѣютъ слѣдующее подраздѣленіе:

Къ 1 января 1864 года оставалось въ лаврѣ богомольцевъ 378 человѣкъ; въ теченіе всего года прибыло:

въ январѣ	прибыло	608	чел.,	а убыло	657
„ февралѣ	„	880	„	„	821
„ мартѣ	„	2,610	„	„	2,289
„ апрѣлѣ	„	12,211	„	„	10,852
„ маѣ	„	32,221	„	„	28,099
„ іюнѣ	„	12,715	„	„	14,017
„ іюлѣ	„	8,602	„	„	4,682
„ августѣ	„	4,825	„	„	5,028
„ сентябрѣ	„	4,492	„	„	3,558
„ октябрѣ	„	2,022	„	„	2,106
„ ноябрѣ	„	897	„	„	1,223
„ декабрѣ	„	885	„	„	1,054
Итого прибыло за годъ		79,157	чел.,	а убыло	79,182

Затѣмъ къ 1-му января 1865 года осталось въ гостиницѣ странниковъ 344 человѣка.

Страннопріимница лаврская соблюдаетъ у себя достойный подражанія порядокъ, выставляя на таблицахъ, въ сѣняхъ скромной своей конторы, валовой счетъ ежедневной прибыли и убыли и затѣмъ число остающихся въ лаврѣ на лицо поклонниковъ; такъ, напримѣръ, не спрашивая ни у кого, вы знаете, что 14-го января настоящаго года въ гостинницѣ пользовались убѣжищемъ и трапезою 266 человѣкъ, вновь прибыло 5, убыло 3 человѣка.

У тѣхъ же богомольцевъ, которые занимаютъ отдѣльныя комнаты, у тѣхъ на таблицахъ обозначается званіе, имя и прозваніе.

Но гостинница оказала бы большую услугу отечественной статистикѣ, если бы ежемѣсячно, или разъ въ годъ, сообщала печатно свѣдѣнія о числѣ бывающихъ у нея странниковъ, съ обозначеніемъ, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, какія заключаются въ ихъ законныхъ видахъ (безъ коихъ, замѣтимъ, никто не имѣетъ права пользоваться гостепріимствомъ лавры), и другихъ подробностей, въ родѣ слѣдующихъ: сколько именно и изъ какой губерніи приходитъ странниковъ? число ихъ по сословіямъ, полу, возрасту; по-долгу ли они гостятъ? впервые ли приходятъ (между богомольцами бываютъ такіе, что посѣщаютъ лавру нерѣдко даже ежегодно)? во что обходится содержаніе всѣхъ странниковъ, сколько употребляется на нихъ съѣстныхъ припасовъ

и какихъ именно? куда именно и въ какомъ числѣ убываютъ поклонники?

Кромѣ странниковъ, находящихъ для себя убѣжище въ лаврѣ, есть много такихъ, какъ мы уже сказали, которымъ она отказываетъ въ томъ.

Посѣтители этого разряда размѣщаются въ монастырскихъ гостинницахъ и въ лѣтнихъ помѣщеніяхъ, устроенныхъ почти при всѣхъ кіевскихъ церквахъ *).

Съ давняго времени, поклонники предпочитаютъ тѣ изъ нихъ, которыя находятся на Подолѣ при церкви св. Николая, именуемаго Добрымъ, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, можетъ помѣститься до осьми сотъ человѣкъ, и гдѣ они принимаются церковнымъ причтомъ съ особеннымъ радушіемъ, какъ-бы въ оправданіе того, что церкви усвоено названіе Николая Добраго. Въ чести также у странниковъ помѣщеніе при Воскресенской и Θеодосіевской церквахъ, какъ находящихся у самой лавры и ея пещеръ, устроенныя въ каменныхъ церковныхъ оградахъ, съ приспособленіемъ для житья въ зимнее время, и имѣющія въ сосѣдствѣ нѣсколько мелкихъ иконныхъ лавочекъ и стоекъ, безъ которыхъ поклонникъ не обойдется.

При церквахъ богомольцы пользуются только даровымъ помѣщеніемъ и въ замѣнъ этого обязаны непремѣнно говѣть при той же церкви, при коей избрали себѣ пристанище. Въ ней преимущественно заказываютъ они молебны, панихиды, подаютъ на проскомидію, освящаютъ покупаемые образа. Это доставляетъ церкви доходъ, соотвѣтствующій вниманію, оказываемому ею прихожимъ людямъ.

Обычай богомольцевъ, приходящихъ изъ кіевской и сосѣдственныхъ губерній, говѣть не во время постовъ, а среди лѣта, кажется, имѣетъ свое начало съ того времени, когда унія

---

*) Въ гостинницѣ Михайловскаго монастыря, въ коей устроена прекрасная домовая церковь, въ честь образа пресв. Богородицы смоленскія одигитріи, въ лѣтнее время, въ случаѣ необходимости, можетъ помѣститься около тысячи, и есть 24 отдѣльныхъ нумера для посѣтителей высшаго разряда. При Флоровскомъ монастырѣ, какъ не общежительномъ, странники платятъ въ сутки за помѣщеніе отъ 1 до 3-хъ копѣекъ и за отдѣльныя компаты отъ 30 до 75 копѣекъ; здѣсь можетъ помѣститься до 150 душъ. При находящихся вблизи города Выдубицкомъ монастырѣ и пустыняхъ Голосѣевской, Китаевской и Феофаніевской имѣются небольшія гостинницы.

начала дѣлать большіе успѣхи въ нашемъ краѣ. Жители деревень ни за что не рѣшались тогда идти на исповѣдь къ уніяту и принимать отъ него св тайны; они платили большой окупъ и шли въ далекіе православные монастыри отговѣтся. Это бѣдственное положеніе православія въ Украйнѣ усилило паломничество.

Только при одной церкви св. ап. Андрея первозваннаго (безприходной, бывшей придворною), и то 20 лѣтъ тому назадъ, богомольцы, кромѣ пріюта, имѣли и трапезу; но это было дѣломъ случайнымъ, которое кончено; врядъ-ли когда повторится.

Въ то время, въ двухъ-этажномъ домѣ, составляющемъ часть фундамента этой церкви, жилъ нѣкто Іоаннъ Босой, уроженецъ г. Зарайска, названный такъ потому, что ни въ какое время года не носилъ обуви, и въ самые лютые морозы его видѣли босымъ на улицахъ кіевскихъ. Жизнь свою онъ посвящалъ непрестанной молитвѣ и сбору подаяній, употребляя ихъ на содержаніе въ андреевскомъ домѣ странниковъ, число которыхъ иногда достигало до двухъ сотъ человѣкъ. Узнавъ отъ бывавшихъ въ Кіевѣ поклонниковъ объ этихъ подвигахъ благочестія Іоанна, Русь часто слала ему издалека разныя приношенія и много помогалъ ему также бывшій кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей, оставившій по себѣ въ нашемъ городѣ память учрежденіемъ женской гимназіи. Этимъ только можетъ быть объяснено, какъ могъ Іоаннъ, безъ всякихъ собственныхъ средствъ, содержать множество поклонниковъ, смѣнявшихся одни другими. Когда онъ умеръ, то оказалось, что Босой носилъ многовѣсныя желѣзныя вериги, съ которыми его и похоронили на горѣ Щекавицѣ, съ большимъ торжествомъ. За гробомъ его шли тысячи народа и слышенъ былъ плачъ многихъ безпомощныхъ, лишившихся въ немъ своей подпоры.

Кромѣ пріютовъ при монастыряхъ и церквахъ, часть богомольцевъ размѣщается въ печерской части города, какъ сосѣдственной лаврѣ—въ домахъ жителей, издавна промышляющихъ отдачею въ наймы домовъ своихъ странникамъ. Между кіевскими домохозяевами встрѣчаются такіе, особенно изъ купечества, у которыхъ въ домахъ живутъ, смѣняющія одна другую богомолки, или, какъ ихъ у насъ называютъ, приживалки, большія разсказчицы, постницы и отъявленныя любительницы

чая съ прикускою, нерѣдко получающія деньги и подарки отъ своихъ временныхъ хозяевъ (1).

Наконецъ, какъ наши простолюдины принадлежатъ къ числу самыхъ неприхотливыхъ въ свѣтѣ созданій, то между ними довольно есть и такихъ богомольцевъ, которые пришедши въ Кіевъ помѣщаются, гдѣ случится. Ихъ видишь порою ночующихъ на церковныхъ папертяхъ и на погостахъ. Тамъ, съ наступленіемъ ночи, сложивъ свои посохи, наполненныя засушеннымъ хлѣбомъ, нѣсколькими луковицами и солью, они располагаются въ повалку, на каменныхъ помостахъ, а чаще на зеленой муравѣ, въ сосѣдствѣ надгробныхъ плитъ, подъ сѣнію душистыхъ липъ и каштановъ. Здѣсь упоительная прохлада свѣтлой лѣтней ночи даритъ имъ забвеніе дневныхъ, скитальческихъ трудовъ, и нерѣдко заря застаетъ ихъ, порою, колѣнопреклоненныхъ предъ затворенными еще дверями храма Господня, снова „готовыхъ съ утромъ въ путь далекій.“

Если къ числу богомольцевъ причислить судорабочихъ (бурлаковъ), съ пароходовъ, байдаковъ и другихъ судовъ, доставляющихъ по Днѣпру известь, каменья, строевой лѣсъ, а также арбузы, разную живность, сѣно, вмѣняющихъ себѣ за обязанность непремѣнно побывать, если не во всѣхъ главныхъ кіевскихъ церквахъ, то въ лаврѣ и братскомъ монастырѣ, по близости послѣдняго къ Днѣпру, и которыхъ, по напечатанному отъ водяной днѣпровской династіи отчету, было въ 1864 году всего 28,860 душъ, то мы ни мало не ошибемся, опредѣливъ, что въ иной годъ въ Кіевѣ можетъ быть до двухъ сотъ тысячъ богомольцевъ (2), и могли бы это доказать вѣрными данными, если бы, по примѣру лаврской странноприимницы, монастыри, цер-

(1) Съ признательностію разсказываютъ странники о гостепріимствѣ, которое оказываютъ имъ въ Переяславѣ, Глуховѣ, Саровской пустыни и въ Орлѣ. Въ послѣднемъ городѣ, одинъ изъ тамошнихъ купцовъ безмездно угощаетъ каждаго поклонника, идущаго въ Кіевъ, банею, чаемъ и сытною пищею. Когда у него не бываетъ богомольцевъ, то онъ посылаетъ на большую дорогу зазывать идущихъ, а иногда и самъ выходитъ для этого. Нельзя не упомянуть здѣсь и объ одномъ изъ нашихъ: купцѣ П...н....вѣ, отличающемся особеннымъ усердіемъ къ странникамъ.

(2) Вспомнимъ также здѣсь о войскахъ, составляющихъ кіевскій гарнизомъ и случайно переходящихъ черезъ нашъ городъ полкахъ. Не смотря на тягостные труды, достающіеся на ихъ долю, они находятъ время посѣщать храмы Божіи цѣлыми толпами и ставить передъ образами свѣчи, иногда на послѣднія свои деньги.

кви и жители вели хотя какую-либо отчетность, которой, къ сожалѣнію, никто отъ нихъ, не требуетъ и которая для нихъ не очень была бы затруднительна. По множеству поклонниковъ, полиціи рѣшительно нѣтъ возможности вмѣшиваться въ это дѣло. Чтобы слѣдить за ними, какъ слѣдуетъ, пришлось бы учредить во всѣхъ частяхъ города особенныя паспортныя отдѣленія и назначить особыхъ чиновниковъ.

Съ проложеніемъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Кіеву, можно навѣрное расчитывать, что число паломниковъ, посѣщающихъ нашъ городъ, значительно увеличится.

Изъ распросовъ нашихъ оказывается: что богомольцевъ всегда бываетъ въ Кіевѣ болѣе изъ губерній, воронежской, курской и орловской, что двѣ трети ихъ принадлежатъ къ женскому полу, что самое большое стеченіе поклонниковъ бываетъ къ праздникамъ Пасхи, Троицы, въ Успеньеву дню и въ теченіе всего мая мѣсяца, что по достаточности приношеній первое мѣсто занимаютъ бессарабцы и болгары, что манифестъ 19-го февраля 1861 года, увеличилъ число поклонниковъ въ средѣ дворовыхъ людей и крестьянъ, которымъ прежде нѣкоторые господа, въ особенности поляки, не дозволяли отправляться на богомолье, отказывая имъ въ выдачѣ надлежащихъ видовъ, что, наконецъ, странники по прибытіи въ Кіевъ, могутъ жить въ лаврѣ не болѣе двухъ недѣль, а тѣ, кои приходятъ изъ ближнихъ мѣстъ, ограничиваютъ свое пребываніе въ нашемъ городѣ, большею частью, 2 и 3 днями.

Намъ кажется, что на кіевскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ лежитъ обязанность собрать и привести въ извѣстность любопытныя данныя о ежегодномъ паломническомъ движеніи, которое соединяетъ нашъ Кіевъ со всею Россіею. Что было бы излишне въ Самарѣ или Харьковѣ, то необходимо въ Кіевѣ, гдѣ стеченіе богомольцевъ составляетъ отличительную принадлежность города.

Этому примѣру, конечно, тогда бы послѣдовали и другіе комитеты тѣхъ губерній (московской, новгородской), гдѣ, послѣ Кіева, всего болѣе бываетъ поклонниковъ. Тогда можно было бы вывести безошибочное заключеніе, какой ежегодный процентъ составляетъ паломничество, въ отношеніи къ народонаселенію имперіи вообще и къ исповѣдывающимъ православную вѣру въ особенности.

Вѣсти изъ Слонима.

Высокоторжественный день возшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ознаменованъ былъ у насъ, въ Слонимѣ, весьма добрымъ и душеспасительнымъ дѣломъ. Въ память сего радостнаго и великаго для всей Россіи дня, послѣ богослуженія и царскаго молебна,—открыта была въ церкви подписка на пріобрѣтеніе для соборной слонимской церкви кіота къ образу Божіей матери, именуемой жировицкой.

Нужныя на сей предметъ деньги—сто десять руб. сер.—скоро будутъ собраны. Въ осуществленіи этой благой мысли принялъ особенно дѣятельное участіе нашъ военный начальникъ, подполковникъ Мердеръ.

Во время богослуженія и за молебномъ, народа въ церкви было очень много. На правомъ клиросѣ пѣли, весьма стройно, ученики слонимскаго уѣзднаго училища съ двумя жандармами, которымъ за полное ихъ усердіе къ церковному пѣнію, нельзя не передать душевнаго спасибо!

Кромѣ чиновъ военныхъ и гражданскихъ было въ церкви очень много и крестьянъ нашихъ, которые, освободившись отъ крѣпостной зависимости, сдѣлались особенно усердны къ церкви—гдѣ, разумѣется, никогда незабываютъ о своемъ освободителѣ - ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ.

Опишу вамъ, читатель, какимъ еще важнымъ дѣломъ ознаменованъ этотъ высокоторжественный день нашими крестьянами.

Захотѣлось имъ отпраздновать въ этотъ приснопамятный для нихъ день годовщину существованія частнаго народнаго училища, которое открыто было, въ ознаменованіе 19 февраля 1864 г., на частныя пожертвованія города и уѣзда,—военнымъ начальникомъ Мердеромъ.

Вотъ они, собравшись въ церковь и помолившись здѣсь, вмѣстѣ со всѣми, о здравіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, пригласили послѣ окончанія службы военнаго начальника и много другихъ почтнѣйшихъ лицъ въ свое училище, и здѣсь духовенствомъ по ихъ просьбѣ отслужено было другое молебствіе о здравіи ЦАРЯ освободителя. Съ какимъ воодушевленіемъ они молились о томъ и говорить нечего! Воодушевленію этому, конечно, много способствовало стройное и довольно пріятное пѣніе учениковъ—дѣтей ихъ.

Послѣ молебна гостямъ-посѣтителямъ предложена была отъ крестьянъ закуска.

Когда за этой закуской провозглашенъ былъ военнымъ начальникомъ тостъ за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, мальчики-ученики поразили насъ неожиданнымъ пѣніемъ народнаго русскаго гимна „Боже, Царя храни,“ который дѣйствительно исполненъ былъ съ большимъ воодушевленіемъ. За то посѣтители — за такой сюрпризъ ихъ — сейчасъ же сложили имъ нѣсколько рублей на булки, а военный начальникъ, кромѣ того далъ еще одному лучшему ученику серебряный рубликъ на память.

Во время этой закуски мальчики, воодушевленные общимъ одобреніемъ, высказывали все знаніе и искусство въ пѣніи, а родители отъ восторга цѣловали ихъ и плакали. Да, дѣйствительно, велика эта радость для крестьянъ нашихъ,—ибо, будучи въ крѣпостной зависимости, они никогда не думали, чтобы дѣти ихъ, когда либо, больше ихъ что знали. А потому настоящій день, въ который они, можетъ быть, въ первый разъ услышали, что ихъ дѣти знаютъ, былъ для нихъ по истинѣ великимъ праздникомъ и долго долго имъ онъ будетъ памятенъ.

Послѣ выхода изъ училища гостей-посѣтителей, крестьяне открыли столъ, заранѣе уже приготовленный, для себя и дѣтей своихъ и здѣсь, въ бесѣдѣ о пользѣ грамотности, они просидѣли до самой службы всенощной; мальчики же утѣшали ихъ разсными духовными и свѣтскими пѣснями, которыя чрезъ годъ успѣли здѣсь выучить!

Сообщу здѣсь еще одну весьма пріятную новость. Въ этотъ самый день крестьяне въ школѣ, разсуждая о пользѣ грамотности, подали благую мысль открытія у себя въ деревнѣ продажной библіотеки русскихъ и славянскихъ книгъ. Мысль эта съ восторгомъ всѣми была принята. Первый подалъ эту мысль церковный староста и самъ ее хочетъ осуществить. Я слышалъ отъ него же, что онъ желаетъ на первый разъ послать пятьдесять р. с. въ какой либо книжный магазинъ, и книги, по его каталогу оттуда присланныя, пустить межъ крестьянами въ продажу, по такой же цѣнѣ, по какой ему они придутся. Онъ говорилъ мнѣ, что запросъ на книги русскія и особенно церковныя удивительно великъ. Мысль эта, межъ самими крестьянами проведенная, еще такъ у насъ нова, что нельзя этому не сочувствовать и душевно не порадоваться.

Кто же послѣ того скажетъ, что у насъ не Русь?

Но вотъ бѣда, поговариваютъ, что для дальнѣйшаго существованія описываемаго нами училища средствъ больше нѣтъ никакихъ. Частныя пожертвованія иссякли совершенно.

Неужели же суждено будетъ этому училищу, принесшему уже столь благіе плоды, прекратить свое существованіе?! Не думаю. Ибо если не найдется средствъ въ учебномъ округѣ сдѣлать его штатнымъ, въ такомъ случаѣ, оно очень легко можетъ и должно соединиться съ другимъ народнымъ училищемъ, которое открыто въ Слонимѣ вил. учеб. округомъ, и преобразоваться, что очень желательно—въ двухклассное слонимское народное училище. И дай Богъ чтобъ это сбылось!

26-го февраля. *К. С.*

Погребеніе Оружія.

Въ le Nord отъ 29 января (10 февраля), въ письмѣ изъ С. Петербурга, говорятъ: „Мы получили довольно куріозное извѣстіе изъ Польши. Полковникъ баронъ Менгденъ, командующій гусарскимъ полкомъ, расположеннымъ въ Пултускѣ, замѣтилъ, что, не смотря на отсутствіе всякой эпидемической болѣзни, внезапно появилась большая смертность въ одной деревушкѣ въ окрестности города. Въ теченіи нѣсколькихъ дней на городскомъ кладбищѣ погребено пятнадцать человѣкъ, между тѣмъ какъ въ городѣ состояніе здоровья, въ это время, было отличное. Одинъ унтеръ-офицеръ гусарскаго полка узналъ случайно о причинѣ этой внезапной смертности и сообщилъ объ этомъ своему полковнику. Баронъ Менгденъ отправился на кладбище, гдѣ мѣстный ксендзъ, по прочтеніи обычныхъ молитвъ, присутствовалъ при опусканіи гроба въ яму. Полковникъ велѣлъ пріостановить обрядъ и попросилъ ксендза приказать открыть гробъ. Ксендзъ съ негодованіемъ протестовалъ противъ такого святотатства. Въ своей оппозиціи онъ пришелъ въ такой азартъ, что полковникъ Менгденъ нашелъ нужнымъ приказать своимъ гусарамъ вскрыть гробъ—и они вытащили изъ него значительное количество ружей. Ксендзъ, участвовавшій въ *святотатственномъ* погребеніи ружей, былъ немедленно арестованъ, и когда было приступлено къ вскрытію пятнадцати другихъ гробовъ, то оказалось, что всѣ они были наполнены ружьями.“

---

21 февраля въ Гроднѣ.

Празднованіе дня восшествія на престолъ Государя Императора, 19 февраля, по случаю пятницы первой недѣли поста, отложено было до воскресенія. Къ 11 часамъ утра, въ воскресеніе, собрались въ Софійскій соборъ военные и гражданскіе чины къ обѣднѣ и молебствію о здравіи Государя Императора, которыя совершалъ преосвященный Игнатій, епископъ брестскій. Между прочимъ, изъ 2-го мироваго участка гродненскаго уѣзда прибыли, для пѣнія въ церкви, крестьянскіе мальчики и заняли лѣвый клиросъ въ соборѣ *). Присутствовавшіе въ соборѣ съ истиннымъ удовольствіемъ слушали ихъ пѣніе.

День этотъ ознаменовался у насъ еще особеннымъ событіемъ, именно открытіемъ русскихъ школъ для еврейскихъ мальчиковъ. Мы считаемъ полезнымъ коснуться тутъ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей.

Къ 12 часамъ, записанные въ ученіе еврейскіе мальчики (числомъ 620) въ сопровожденіи своихъ учителей собрались въ главную синагогу, куда явились также гимназисты изъ евреевъ и воспитанницы еврейскаго дѣвичьяго училища, содержимаго г. Головчинскимъ. Послѣднія помѣстились въ особо устроенномъ женскомъ отдѣленіи. Стеченіе евреевъ было такъ велико, что обширное зданіе синагоги могло вмѣстить въ себѣ только малую часть огромной массы собравшихся евреевъ.

По окончаніи богослуженія въ Софійскомъ соборѣ, собрались въ синагогу важнѣйшіе чиновники, а послѣ военнаго парада прибыли г. начальникъ губерніи и начальникъ 3-й пѣхотной дивизіи, въ сопровожденіи многихъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Обрядъ начался молитвою о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго дома, которую пропѣлъ главный канторъ, съ хоромъ своихъ пѣвчихъ. Затѣмъ общественный раввинъ, г. Ривошъ, произнесъ одушевленную рѣчь, послѣ которой пропѣтъ былъ хоромъ на еврейскомъ языкѣ псаломъ: «Господи, силою Твоею возвеселится царь.» Наконецъ своды синагоги

---

*) Въ настоящее время во всѣхъ народныхъ школахъ крестьянскіе мальчики обучаются церковному пѣнію: при всѣхъ почти приходахъ существуютъ церковные хоры изъ крестьянскихъ дѣтей.

впервые огласились торжественнымъ пѣніемъ русскаго народнаго гимна: «Боже, Царя храни,» стройно и громогласно пропѣтаго учениками новооткрытыхъ школъ подъ аккомпаниментъ военнаго оркестра. Впечатлѣніе было слишкомъ сильно и живо, оглушительное «ура» вырвалось изъ тысячи грудей и огласило своды синагоги. Присутствовавшіе поражены были новою неожиданностію: въ женскомъ отдѣленіи синагоги послышалось тихое, стройное и мелодическое пѣніе,—это воспитанницы дѣвичьяго училища, однѣ безъ оркестра, пропѣли еще разъ русскій народный гимнъ. Г. начальникъ губерніи въ сочувственныхъ словахъ поблагодарилъ дѣвицъ за ихъ прекрасное пѣніе и живое участіе въ торжествѣ, изъявилъ также благодарность общественнымъ депутатамъ, содѣйствовавшимъ учрежденію школъ и пожелалъ юному еврейскому поколѣнію успѣховъ въ предстоящемъ имъ ученіи.

Такъ совершилось у насъ открытіе для евреевъ русскихъ школъ. Вотъ нѣкоторыя относительно ихъ данныя:

До приисканія средствъ, вполнѣ обезпечивающихъ дальнѣйшее ихъ содержаніе, школы помѣщаются: состоящія въ 1, 2 и 3 городскихъ участкахъ—въ общественныхъ молитвенныхъ домахъ, 4-го участка—при казенномъ еврейскомъ училищѣ 1-го разряда и 5-го участка — въ нанятомъ домѣ за Нѣманомъ. Но обученіе русской грамотѣ, кромѣ того, введено въ эшиботѣ и талмудъ-торѣ.

Учителями въ означенныя школы назначены: 1, 2 и 3 участковъ и въ эшиботѣ—четыре учителя изъ гродненскихъ народныхъ школъ; 4-го участка—смотритель еврейскаго училища 1-го разряда *Гордонъ*, въ талмудъ-торѣ-учитель того же училища *Пекарь* и 5-го заніманскаго участка еврей *Бѣлостокскій*, имѣющій свидѣтельство на право первоначальнаго обученія.

Учениковъ во вновь открытыхъ школахъ состоитъ:

Въ школѣ	№ 1.	122.
	№ 2.	77.
	№ 3.	73.
	№ 4.	128.
	№ 5.	82.
		482.
Въ эшиботѣ		101.
— Талмудъ-торѣ		37.
	Всего.	620.

РѢЧЬ

Гродненскаго общественнаго раввина Ривоша, произнесенная имъ въ Гродненской синагогѣ 21-го февраля 1865 года, въ день празднованія восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по случаю открытія въ г. Гроднѣ для евреевъ русскихъ народныхъ школъ.

Великаго событія собрались мы праздновать сего дня годовщину! Десять лѣтъ кончилось въ 19 день сего февраля, какъ Всемилостивѣйшій Государь нашъ возсѣлъ на прародительскій престолъ. Началась для нашего отечества эра новой жизни,— время преобразованій и улучшеній по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, время, въ которое во всѣхъ концахъ нашего не объятнаго отечества провозглашены были незабвенныя слова Царскаго манифеста: «да пользуется каждый плодами трудовъ своихъ, милость и правда да царствуютъ въ судахъ.» Въ этотъ же день въ 1861 году 23 милліона крестьянъ получили свободу и призваны къ самостоятельному труду и обще-человѣческой дѣятельности. Да будетъ же благословенъ во вѣки вѣковъ сей приснопамятный день! Да будетъ онъ для насъ, гродненскихъ евреевъ, началомъ новаго благодѣянія, новой заботливости правительства объ образованіи дѣтей нашихъ.

Всякому изъ насъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что народное образованіе въ русскомъ духѣ составляетъ въ здѣшнемъ краѣ самую настоятельную потребность. Цѣль такого образованія состоитъ въ томъ, чтобы оживить, возстановить и укрѣпить здѣсь коренной, первобытный русскій элементъ, подавленный чуждою, враждебной ему силой, и слить всѣ народности общаго отечества нашего Россіи, сохраняя свободу вѣроисповѣданій, въ одно неразрывное цѣлое, въ одну единодушную, единомыслящую, великую русскую семью. Открываемыя нынѣ въ здѣшнемъ краѣ для евреевъ русскія школы грамотности будутъ вѣрными проводниками, къ сближенію и соединенію русскихъ евреевъ съ кореннымъ русскимъ народомъ.

Хотя, вслѣдствіе предубѣжденій и особыхъ внѣшнихъ обстановокъ, просвѣщеніе все еще было чуждо до сего времени общественной жизни русскихъ евреевъ, и воспитаніе дѣтей въ духѣ общечеловѣческаго образованія не считалось необходимымъ, но благодѣтельный духъ прогресса, эта жизненная сила современной дѣятельности, проникаетъ уже въ замкнутый бытъ евреевъ

и обнаруживается въ нихъ живымъ стремленіемъ къ умственному развитію и всестороннему образованію, сглаживающимъ исключительность ихъ положенія въ гражданскомъ быту. И чѣмъ дальше двинемся мы впередъ, тѣмъ скорѣе упрочимъ свое благосостояніе! И такъ, благосостояніе наше зависитъ отъ степени нашего образованія. Пора намъ откликнуться на зовъ нашего законоучителя Гилеля:

«Если мы сами ничего не сдѣлаемъ для себя, кто же для насъ сдѣлаетъ, и если не теперь, то когда же? (Абоѳъ, глава 1-я).»

Давно уже пора намъ проснуться отъ глубокой дремоты, которая тяготѣетъ надъ нами и двинуться впередъ! Только путемъ науки можно быть истинно полезнымъ гражданиномъ отечества нашего Россіи, только воспитаніе нашихъ дѣтей на началахъ, указываемыхъ намъ правительствомъ, должно служить вѣрнымъ ручательствомъ за будущее наше благосостояніе. Вотъ почему на каждаго изъ васъ возлагается нынѣ новая священная обязанность запечатлѣть въ сердцахъ своихъ священныя чувства благоговѣйной, неизмѣнной преданности къ Его Императорскому Величеству Благочестивѣйшему Государю нашему Императору Александру Николаевичу, чувства глубочайшей признательности къ главному начальнику сѣверо-западнаго края, Его Высокопревосходительству Михаилу Николаевичу Муравьеву, вѣрному исполнителю Его мудрыхъ предначертаній.

Теперь обращаюсь къ Вамъ, любезныя дѣти! Помните всегда слова Боговдохновеннаго Царя псалмопѣвца—Давида: «Начало премудрости есть страхъ Господень»! Каждый изъ васъ долженъ освятить сердце свое любовью къ Богу; безъ этой любви никакое воспитаніе не доставитъ вамъ истиннаго счастія.

Религія и наука—должны быть неразлучными вашими путеводителями въ школѣ и въ жизни.

Богъ Израиля! Ниспошли благодать Твою и долгоденствіе виновнику настоящаго торжества, возлюбленному Государю нашему Императору Александру Николаевичу и всему Царствующему Дому; сохрани Его въ здравіи, крѣпости и силѣ для блага Его народа, храни милостію Твоею и поставленныя надъ нами власти—вѣрныхъ сподвижниковъ царскихъ; ниспошли благодать Твою и на отроковъ сихъ, да преуспѣваютъ они въ ученіи, во славу имени твоего святаго и да сдѣлаются они достойными слугами Государя и отечества нашего Россіи. Аминь!

КЪ РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

Прибывающіе въ западный край Россіи свѣжіе русскіе люди, съ первыхъ шаговъ дѣятельности своей на пользу кореннаго здѣшняго народа, встрѣчаютъ не мало затрудненій при изученіи прошедшихъ и настоящихъ судебъ его. До самаго послѣдняго времени, край этотъ былъ, для русской науки и жизни, страною полуизвѣстною, ибо истинныя стороны его и подлинный характеръ были всячески скрываемы отъ Россіи или искажаемы. Образованная въ польскомъ духѣ и пропитанная односторонними латинскими стремленіями, разсуждающая часть здѣшняго католическаго населенія-интеллигенція, лелѣя свои мечтательные идеалы и внутренно возращая въ себѣ сѣмена измѣны, подъ покровомъ преданности правительству, старалась и умѣла исторію этого края пересоздать по своимъ мечтательнымъ стремленіямъ. Всѣ силы приложены были къ тому, чтобы выдвинуть на первый планъ всякое доказательство значенія здѣсь польско латинскаго элемента. Памятники старины, документы, изслѣдованія собирались и разработывались, по напередъ заданной темѣ—*доказать, по возможности ясно, что здѣсь владыки-польщизна и латинство.* Памятники же и документы, изъ которыхъ ясно слѣдовало, что край этотъ-русскій и православный, а Польша и латинство-элементы пришлые, матеріальною силою и систематическою пропагандою заглушившіе коренныя здѣшнія начала, засорившіе настоящую почву народную,—если не всегда уничтожались, то, конечно, большею частію, были тщательно скрываемы. Вопросы, разъясненіе которыхъ освѣтило бы истиннымъ свѣтомъ многіе факты прошлой исторіи, или проходились молчаніемъ, или ставились невѣрно,—изслѣдованія же, посвященныхъ ихъ рѣшенію, или съ величайшимъ только трудомъ добивались себѣ доступа въ свѣтъ, или же и до сихъ поръ еще остаются подъ спудомъ. Изъ массы невѣрныхъ показаній, ложныхъ выводовъ, полу правдивыхъ историческихъ аналогій выбрать зерно истины стоило многихъ трудовъ, даже опытнымъ и сравнительно безпристрастнымъ изслѣдователямъ исторической жизни здѣшняго народа, каковы Нарбуттъ, Ярошевичъ и нѣкоторые др. Люди же пристрастные и односторонніе долгомъ своимъ считали двигать науку, по разъ

указанному имъ ложному пути. Латино-польскіе писатели выработали и такую же науку, съ латино-польскими воззрѣніями на прошедшую судьбу и соотвѣтственными же стремленіями для современной жизни западнаго края.

Попадая въ кругъ указанныхъ историческихъ и научныхъ лжетолкованій, русскіе люди, призванные и по внутреннему призванію рѣшающіеся работать для русскаго дѣла въ западномъ краѣ, должны сами расчищать, разработывать себѣ научную почву, сами отыскивать матеріалъ къ уясненію и осужденію не естественнаго и совершенно чуждаго вліянія здѣсь латино-польскихъ началъ. Всякій фактъ въ этомъ смыслѣ достается, такъ сказать, съ бою, открывается болѣе случайно, урывками. Цѣлая груда польскихъ томовъ и латинскихъ фоліантовъ должна быть пересмотрѣна прежде, чѣмъ по частямъ выяснится для русскаго истинный русскій обликъ здѣшняго народа, покрытый только наноснымъ слоемъ латинства. Одинаковая работа въ этомъ смыслѣ предстоитъ каждому изъ насъ,—и пока мы, русскіе, порознь трудимся надъ частностями, наши недруги могутъ пользоваться цѣлою фалангою писателей и мыслителей,—цѣлымъ рядомъ пристрастно объясненыхъ фактовъ, которые всѣ, покрайней мѣрѣ для нихъ самихъ, имѣютъ кажущуюся убѣдительность.

Такое положеніе обстоятельствъ въ борьбѣ истины съ ложью не ново. Истина всегда величественно-проста и простотою побѣждаетъ,—только для лжи выгодно опутывать себя и другихъ. Въ истинѣ-основаніе жизни; оттого она лежитъ глубоко, а вся ложь поверхъ ея. Исканіе истины требуетъ трудовъ, ибо царство Божіе нудится, по слову Спасителя, и только трудящіеся восхищаютъ е. Труды при изысканіи истины нашихъ дѣйствій суть для насъ всегдашняя и священная обязанность; но она же требуетъ, чтобы, во имя ея, всѣ мы соединились для общаго дѣла. Единая только можетъ быть здѣсь правда-русская,— и всѣ ищущіе правды должны быть проникнуты единымъ духомъ и, какъ въ единомъ живомъ организмѣ, другъ другу споспѣшествовать, другъ друга тяготы носить. При обличеніи лжи польско-латинской, при извлеченіи на свѣтъ Божій сокрытыхъ въ народной памяти остатковъ старины русской и православной, при указаніи слѣдовъ просвѣтительнаго здѣсь вліянія великой православной Руси-каждый изъ насъ

пусть работаетъ по мѣрѣ силъ и средствъ. Пусть ни одинъ фактъ, ни самой мелочной, не остается въ забвеніи или въ памяти лицъ не многихъ,—но всѣмъ во всеуслышаніе оглашается, ибо только ложь можетъ быть великою и малою, истина же всегда себѣ равна. Общими силами, дружною работою, взаимнымъ обмѣномъ наблюденій, изысканій и фактовъ-предстоитъ окончательно выясниться здѣсь и пріобрѣсти побѣдную убѣдительность нашему великому народному, православно-русскому дѣлу.

Въ виду этой настойчивой потребности дружнаго сотрудничества всѣхъ русскихъ западной Руси, обращаемъ къ нимъ наше скромное слово. Каждый изъ нихъ, имѣя свой живой удѣлъ дѣятельности лицомъ къ лицу съ жизнію, наталкивается на явленія или проистекшія изъ латино-польской пропаганды въ этомъ православно-русскомъ краѣ, или же такія, которыя живою своею связью съ коренною Русью радуютъ его сердце, какъ священные памятники и не умолкаемыя свидѣтельства единства духовныхъ помысловъ и интересовъ западной Руси со всею остальною великою Русью. Пусть же онъ тщательно собираетъ эти факты, записываетъ ихъ, даже если нужно-обработываетъ, въ нихъ будетъ наша фактическая, живая основа, для сужденія о пристрастныхъ показаніяхъ и изслѣдованіяхъ, такъ называемой науки латино-польской. Во всѣхъ уголкахъ западной Руси достаточно, конечно, найдется русскихъ рукъ и головъ, чтобы, вмѣстѣ съ интересомъ къ этому дѣлу, обладать и нѣкоторою опытностію и необходимою настойчивостію въ его совершеніи. Здѣсь не нужно ни особой програмы, ни особыхъ указаній. Наше народное, историческое, политическое и вѣроисповѣдное сознаніе говоритъ намъ, что мы здѣсь исконные владыки и просвѣтители и что за тѣмъ всякое покушеніе началъ чуждыхъ-занять здѣсь наше мѣсто, есть посягательство на право нашего существованія, смертный приговоръ Руси и русскому народу. Изъ такого глубокаго нашего сознанія само-собою вытекаетъ, что всякая попытка-привлекать здѣшній коренной народъ къ стихіямъ чуждымъ, должна быть обличаема, уничтожаема, всякое же проявленіе кровной связи его съ русскими, православными началами должно быть принимаемо къ сердцу, съ любовію поддерживаемо и развиваемо. Такимъ образомъ мы русскіе, обратимъ тщательное вниманіе, 1) на происки

польско-латинской пропаганды во всѣхъ ея видахъ. Книги и картины съ пропагандистическими стремленіями, пущенныя въ народъ,—лживые слухи и выдумки, такія же молитвы и молитвенники, проповѣди и пѣсни, чудесные вымыслы и мнимые святые, искусственное расположеніе сумволовъ латинства, опыты намѣренно-ложной статистики и вообще искаженія дѣйствительныхъ фактовъ жизни, религіозно-политическія общества и общины, присвоеніе православныхъ имуществъ, мѣстъ и святынь,—униженіе православія, притѣсненія народа, и все подобное, чтó мало по малу уже выходитъ на свѣтъ Божій, должно быть непремѣнно всѣми нами увѣдано и повѣдано современникамъ и потомству.—

2) За тѣмъ мы тщательно соберемъ и изучимъ и всякіе остатки, слѣды и проявленія православно-русской здѣшней старины и живыя движенія современныхъ русскихъ народныхъ чувствъ. Свѣдѣнія о чествуемыхъ въ народѣ православныхъ святыняхъ, иконахъ, крестахъ,—о древнихъ монастыряхъ, церквахъ или ихъ развалинахъ,—литературные, печатные и рукописные памятники борьбы православныхъ съ уніятами и р.-католиками,—память о мѣстныхъ подвижникахъ и страдальцахъ за русское дѣло,—народная повѣсть о временахъ гоненія православія отъ уніи и Польши,—грамоты и документы, оффиціально свидѣтельствующіе господственное присутствіе въ краѣ православно-русскихъ стихій, и всякія свидѣтельства лживости польско-латинскихъ утвержденій и притязаній, и проч. составятъ для безпристрастныхъ почитателей истины надежную фактическую силу, противъ которой ничего не будутъ значить ея искаженія и лжетолкованія.

Съ этимъ нашимъ словомъ почтительно обращаемся къ нашимъ ревностнымъ и просвѣщеннымъ архипастырямъ, словомъ и дѣломъ давно уже подвизающимся для русскаго православія въ западномъ краѣ,—къ нашему почтенному и заслуженному православному духовенству, городскому и сельскому,—къ мѣстнымъ нашимъ образованнымъ дѣятелямъ и просвѣтителямъ юношества, гг. учителямъ гимназій и семинарій наставникамъ уѣздныхъ приходскихъ и народныхъ училищъ,—къ дѣятелямъ по мировымъ учрежденіямъ и мѣстной администраціи, ко всѣмъ вообще, сочувствующимъ возрожденію въ западномъ краѣ православно-

русскихъ началъ. Всякое указаніе въ этомъ смыслѣ будетъ принято съ благодарностію, — отдѣльнымъ фактамъ придана будетъ соотвѣтственная обработка,—дѣльныя замѣтки, статьи и изслѣдованія будутъ оглашаемы въ общее свѣдѣніе въ мѣстныхъ изданіяхъ, выдающіеся факты и популярно написанныя статьи могутъ также войти въ западно-русскій мѣсяцесловъ и другія книги для народа, — а дастъ Богъ—современемъ изъ такихъ матеріаловъ могутъ составиться цѣлые сборники свѣдѣній, въ высшей степени полезныхъ и интересныхъ. Разные памятники русской старины, русскія грамоты и старинные документы, а также старопечатныя славянскія и русскія изданія здѣшняго края и рукописныя сборники могутъ, если угодно лицамъ, ихъ имѣющимъ, быть присылаемы въ Вильну, для помѣщенія ихъ въ преобразуемомъ русско-литовскомъ музеѣ и центральной публичной библіотекѣ (*).

Стоитъ потрудиться для этого дѣла дружнѣе! Оно сколько облегчитъ частныя усилія русскихъ дѣятелей, столько же составитъ надежную силу для нашихъ дѣйствій, а для потомковъ—поучительную страницу того, какъ ложь, повидимому побѣдившая, въ концѣ непремѣнно уступаетъ истинѣ.

ВИЛЬНА.

18 марта, въ 11½ часовъ утра, духовенство, военные и гражданскіе чины и дворянство—собрались во дворецъ, чтобы проститься съ г. главнымъ начальникомъ края, по случаю отъѣзда его высокопревосходительства, на короткое время, въ С.-Петербургъ, Его высокопревосходительство, подходя къ каждой изъ отдѣльныхъ корпорацій, благодарилъ за общіе труды и постоянное ревностное усердіе въ исполненіи обязанностей для осуществленія благихъ преднамѣреній Государя Императора.

Всѣ тѣ же лица, и почти все изъ высшаго круга общество дамъ, а также депутаціи отъ городскихъ сословій, въ 4 часа

(*) Всякія статьи и замѣтки, въ вышеуказанномъ направленіи, а также старанные русскіе документы могутъ быть адресуемы въ редакцію нашего журнала. *Ред.*

по полудни, поспѣшили на путевой дворъ желѣзной дороги, чтобы еще разъ проститься, пожелать благополучнаго пути и скораго возврата любимому начальнику края. Его высокопревосходительство благодарилъ за эти добрыя пожеланія и въ 4½ ч. уѣхалъ, сопровождаемый продолжительными восклицаніями всего общества—до скораго свиданія!—Клики эти неумолкали, пока не скрылся поѣздъ.

Благодарность за пожертвованія въ пользу Маріавильской церкви.

Г Редакторъ!

За вашу помощъ въ истинномъ христіанскомъ дѣлѣ не могу не выразить истинной чисто сердечной благодарности отъ себя и отъ лица всѣхъ моихъ прихожанъ. Мое письмо, помѣщенное въ вашемъ журналѣ, большую принесло пользу здѣшнему разоренному храму. Много благотворителей отозвалось съ участіемъ. Такъ отъ директора почтоваго департамента прислано полное облаченіе священническое и діаконское изъ парчевой матеріи. Московскій купецъ 1-й гильдіи Корещенко прислалъ чашу, дискосъ, звѣздицу, льжицу, два просфорныя блюдичка и ковчежецъ для храненія св. даровъ. Всѣ эти вещи серебряные 84-й пробы съ вызолоткою. Далѣе отъ протоіерея Соколова изъ г. Никольска за N. 110 прислано 14 р. и 26 к., изъ г. Лухъ Костром. губ. отъ неизвѣстн. 15 р. изъ г. Богуслава отъ свящ. Іоан. Гдѣшинскаго 16 р. изъ Дорогобужа отъ Ильина 10 р. Отъ тайнаго совѣт. Фадѣева изъ Тифлиса за N. 318 5 р. изъ Аксайской станицы свящ. Ф. Жакуновича 5 р. изъ г. Климова отъ неиз. 10 р. изъ Ярослав. неизвѣст. 3 р. изъ г. Воронежа отъ неиз. 3 р. изъ С.-Петербурга за N 3-мъ квартира Эзелева 15 р. Изъ Москвы отъ раба Б. Алексія 10 р. изъ Г. Могилева отъ чиновника Невинскаго 1 р. изъ г. Изюма отъ неиз. 15 р. изъ г. Кузнецка отъ неизв. 5 руб. изъ г. Волочка отъ Маера Лонге за N. 5-мъ 10 р. отъ неизв. 3 р. изъ С.-Петербурга отъ Маріи Каньшиной 100 р. отъ графа Ивана Толстаго изъ Петербурга 5 р. за N 39, изъ С.-Петербурга отъ дѣвицъ Гарнокъ 3 р. отъ графини Протасовой изъ С.-Петербурга 50 р. отъ графини Долгоруковой изъ С.-Петербурга 5 руб. Всего 311 р. и 20 к. Всѣ

списки присланныхъ родственниковъ для поминовенія тотъ часъ внесены были въ церковный синодикъ. Маріавильская церковь, въ благодарность за помощъ, никогда не забудетъ своихъ благотворителей, а равно и ихъ умершихъ родственниковъ, въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ судіи Бога нашего. Всѣмъ означеннымъ благотворителямъ Маріавильскіе прихожанѣ, въ лицѣ своего пастыря, шлютъ искреннюю чистосердечную благодарность. Прошу васъ о изъявленной отъ насъ благодарности означеннымъ благотворнтслямъ, помѣстить въ вашемъ журналѣ Молю Бога, чтобы онъ благословлялъ вашъ трудъ и награждалъ васъ здравіемъ и благоденствіемъ.

Священникъ Маріавильской церкви Михаилъ Соколовъ.

(Мог. губ.)

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, архангельскій статистическій комитетъ, въ виду имѣющаго совершиться, 4-го апрѣля сего года, столѣтія, со дня кончины знаменитаго холмогорскаго уроженца Михаила Васильевича Ломоносова, открываетъ подписку на устройство въ Куростровской деревнѣ, холмогорскаго уѣзда, мѣстѣ родины Ломоносова, памятника, и на учрежденіе при архангельской гимназіи Ломоносовской стипендіи, для образованія одного изъ крестьянъ архангельской губерніи.

Комитетъ убѣжденъ, что его призывъ увѣковѣчить, на мѣстѣ родины, память знаменитаго дѣятеля русской словесности и науки, вызоветъ посильныя приношенія на осуществленіе этого предпріятія.

Пожертвованія принимаются въ Редакціи журнала Вѣстника Западной Россіи и иногородные жертвователи благоволятъ адрессовать приношенія на имя Редактора-издателя Вѣстника Западной Россіи Ксенофонта Антоновича Говорскаго въ г. Вильнѣ.

СОДЕРЖАНІЕ 6-Й КНИЖКИ „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА $18\frac{64}{65}$ Г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ» на 18$^{64}/_{65}$ годъ выходитъ съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, *ежемѣсячно*, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Сеньковскаго; въ С.-Петербургѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, и въ книжномъ магазинѣ *С. И. Литова*, на углу Невскаго Проспекта и Малой Садовой; *въ Москвѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконоспаскаго монастыря, у книгопродавца *Черенина*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца *И. В. Базунова; въ Кіевѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *С. И. Литова; въ Варшавѣ*, у книгопродавца *Дутова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА» ЗА ГОДЪ.

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала „Вѣстникъ Западной Россіи“, *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому, въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «*Вѣстникъ*» за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18$^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р. 50 к., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за 18$^{63}/_{64}$ годъ— для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.— съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**
